

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

М. А. ПЕРЕПЕЛКИН

ОЗНАКОМИТЕЛЬНАЯ (АРХИВНО-МУЗЕЙНАЯ) ПРАКТИКА

Рекомендовано редакционно-издательским советом федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева» в качестве учебного пособия для обучающихся по основным образовательным программам высшего образования по направлениям подготовки 45.03.01 Филология, 44.03.01 Педагогическое образование

САМАРА

Издательство Самарского университета

2023

УДК 82.0(075)+069(075)

ББК ШЗя7+Ч91я7

П271

Рецензенты: д-р филол. наук С. А. Г о л у б к о в,

д-р филол. наук О. В. Ж у р ч е в а

Перепелкин, Михаил Анатольевич

П271 **Ознакомительная (архивно-музейная) практика:** учебное пособие / *М.А. Перепелкин.* – Самара: Издательство Самарского университета, 2023. – 144 с.

ISBN 978-5-7883-1970-4

В пособии рассматриваются задачи, структура и содержание ознакомительной (архивно-музейной) практики студентов 1-го курса факультета филологии и журналистики. Вторая часть пособия представляет собой опыт исторического экскурса в прошлое Музея-усадьбы А. Н. Толстого в Самаре: в нескольких параграфах последовательно описываются три периода жизни усадьбы («добостромовский»: 1850-е – 1899, «бостромовский»: 1899 – 1918, «послебостромовский»: 1918 – 1970-е), а также рассказывается о реконструкции усадьбы и открытии музея.

Предназначено для обучающихся по направлениям подготовки 45.03.01 Филология, 44.03.01 Педагогическое образование.

Подготовлено на кафедре русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского университета.

УДК 82.0(075)+069(075)

ББК ШЗя7+Ч91я7

ISBN 978-5-7883-1970-4

© Самарский университет, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ОЗНАКОМИТЕЛЬНАЯ (АРХИВНО-МУЗЕЙНАЯ) ПРАКТИКА	5
Что такое музей?	5
Что такое архив?	7
Что такое архивно-музейная практика?	8
ГЛАВА 2. УСАДЬБА И ЕЁ СМЫСЛЫ	10
(ИЗ ИСТОРИИ МУЗЕЯ А. Н. ТОЛСТОГО В САМАРЕ)	10
Усадьба до Бострома (1850-е – 1899)	10
Усадьба Бострома (1899 – 1918)	31
Усадьба после Бострома (1918 – 1970-е).....	75
Реконструкция усадьбы и открытие музея.....	110
Контрольные вопросы для самопроверки.....	137
Литература о Музее-усадьбе А. Н. Толстого в Самаре (1950 – 1983)	139

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее учебное пособие адресовано студентам-филологам, окончившим первый курс и пришедшим на свою первую – ознакомительную – практику. Эта практика – архивно-музейная, и по сложившейся давным-давно традиции студенты университета проходят её в Самарском литературно-мемориальном музее им. М. Горького (Музее-усадьбе А. Н. Толстого).

Пособие знакомит студентов с тем, что такое литературный музей и что такое архив литературного музея, с целями и задачами архивно-музейной практики и с тем, что должен вынести из этой практики будущий филолог.

Отдельная глава пособия посвящена истории музея, на базе которого будет проходить эта студенческая практика, – музея А. Н. Толстого в Самаре. В нескольких следующих друг за другом параграфах рассматриваются основные вехи истории усадьбы, где сегодня размещается музей, а также – этапы её реконструкции, завершившейся в 1983 году открытием музея.

Завершают пособие контрольные вопросы, которые могут помочь студентам проверить, насколько прочно они усвоили изложенный в пособии материал, и список дополнительной литературы о музее-усадьбе А. Н. Толстого в Самаре.

ГЛАВА 1. ОЗНАКОМИТЕЛЬНАЯ (АРХИВНО-МУЗЕЙНАЯ) ПРАКТИКА

Что такое музей?

Нет сомнения, что каждый, кто взял в руки это учебное пособие, знает, что такое музей. Ну, или думает, что знает это, потому что бывал в музеях один или вместе с классом, с родителями или друзьями, посещал постоянные экспозиции или выставки, бывал на «Ночи музеев» или на других проектах и акциях.

Итак, что же такое музей, с чего он начинается и зачем существует?

Сразу скажем, что начинаются музеи совершенно по-разному. Так, одни из них начинаются с чьего-то желания почтить память человека или события, сохранить эту память и передать в будущее. Именно так началась история самого первого «литературного» музея в Самаре – Аксаковской комнаты, открытой при Доме дворянства в 1909 году в год пятидесятилетия со дня кончины писателя и просуществовавшей примерно десять лет. Так же или примерно так же началась история и другого самарского-куйбышевского литературного музея – Максима Горького, инициатива открытия которого принадлежала правительству и органам власти города Куйбышева, поставившим задачу сохранения памяти о «великом пролетарском писателе», скончавшемся в 1936 году. А вот история музея Александра Неверова и писателей 1920-х годов, о котором долго мечтали куйбышевцы, но который так и не был открыт, могла бы быть другой: до конца 1990-х гг. в Самаре сохранялся дом, в котором когда-то жил писатель, и именно этот дом рассматривался инициаторами создания музея как то зерно, из которого могло бы

вырасти и всё остальное. В некоторой степени такой же была и история ещё одного самарского музея – музея-усадыбы А. Н. Толстого, с которым читатель познакомится во второй части этого пособия. Хотя начался музей А. Н. Толстого всё же не с дома, а с семейного архива, найденного в конце 1940-х гг. в одной из семей куйбышевских старожилов, хранивших его у себя в течение почти трёх десятилетий. В общем, начинаются музеи по-разному, и пути в них – тоже разные. «Много дорог ведёт в музей, – констатируют авторы сборника «Я поведу тебя в музей. Истории, рассказанные музейщиками России». – И сколько на свете людей, столько же, пожалуй, восприятий музейной культуры. Один приходит в музей, чтобы погреться в студёный денёк, другой – приобщиться к великому; одни благодаря музеям пишут курсовые работы и защищают научные диссертации, другие с их помощью пытаются произвести впечатление на объект ухаживаний»¹.

Стало быть, истоки музеев и ведущие в них пути – разные. А вот цель у всех музеев, пожалуй, одна и та же, и существуют музеи, чтобы напоминать нам о том, что было важно и ценно вчера и не перестало быть таким сегодня, а возможно – будет и завтра. Музей – это мостик от человека к человеку и от одной культуры к другой, мостик между прошлым и будущим, между тем, чего уже нет, и тем, что ещё только будет. «Музей – открытая территория! – говорят знающие люди. – Музеи – территория открытий»². Запомним это и мы, те, кому отныне предстоит познакомиться с музеями чуть ближе и взглянуть на эту территорию открытий взглядом, близким к взгляду профессионалов. Ведь кто знает,

¹ Я поведу тебя в музей. Истории, рассказанные музейщиками России. М.: Издательство «АСТ», 2017. С. 11.

² Там же. С. 12.

может быть через несколько лет и нынешние студенты-первокурсники тоже станут музейщиками?

Что такое архив?

Если ответ на предыдущий вопрос мы с вами нашли быстро и почти без затруднений, то с вопросом о том, что такое архив, дело обстоит совершенно иначе. В архивы с друзьями не ходят и классами их тоже не посещают, а если и посещают, то очень редко и чаще – по поводам, только отчасти соприкасающимся с основной деятельностью архивистов. Например, в архивах так же, как и в музеях, иногда проводится выставки или научные конференции и форумы, участниками которых могут стать, в том числе, школьники и студенты. Но конференции – событие не ежедневное, а как и чем живёт архив изо дня в день?

Наверное, в представлении большинства обывателей архив – это огромное хранилище папок с бумагами прошлых лет и десятилетий, и на каждой из этих папок – какие-то непонятные значки и пометки, номера и шифры. В какой-то степени всё это так и есть, но это – только самая верхушка айсберга. А вот под этой верхушкой находится огромный труд людей, которые все эти бумаги в архив принесли, грамотно разложили их по папкам и пронумеровали так, чтобы архивные документы не были иголками в стоге сена, составили описи и каталоги и т.д. и т.п. Только в этом случае огромные кипы ненужной макулатуры становятся архивохранилищами, в которых хранятся бесценные сокровища, обращаясь к которым специалисты пишут работы и отгадывают удивительные загадки, оставшиеся неразгаданными на протяжении десятилетий.

Крупнейший отечественный архив, в котором хранятся документы, связанные с историей литературы и искусства,

называется Российский государственный архив литературы и искусства. Он находится в Москве, и в нём собраны десятки личных архивных коллекций писателей и деятелей искусства, переданные как ими самими, так и их близкими и родственниками. Но и в Самаре тоже есть архивохранилища, которые могут быть интересны и полезны филологам, занимающимся историей литературы. Именно такой писательский архив, насчитывающий несколько десятков тысяч единиц хранения, собран в фондах Самарского литературно-мемориального музея имени М. Горького. Этот архив собирался сотрудниками музея на протяжении почти восьмидесяти лет и сегодня он включает в себя интереснейшие материалы, связанные с М. Горьким и Н. Г. Гариним-Михайловским, А. Н. Толстым и А. К. Гольдбаевым, А. С. Неверовым и А. В. Ширяевцем, Артёмом Весёлым и поэтами военного поколения, куйбышевскими писателями 1940-х – 1980-х и литературой новейшего времени. На основе этих материалов уже написаны и пишутся научные статьи и книги, сняты многие фильмы и телепередачи.

Уметь работать с архивными документами и вести собственный архив важно и полезно для каждого, а тем более для будущего специалиста-филолога, жизнь которого так или иначе будет связана с книгой и текстом. Познакомить с тем, что такое архив и зачем он может быть нужен, тоже должна наша архивно-музейная практика.

Что такое архивно-музейная практика?

Итак, наконец, ответим ещё на один вопрос – что такое архивно-музейная практика и в чём она будет заключаться. И, прежде всего, договоримся о следующем: практика в университете – это совсем не так называемая летняя «отработка»,

которая знакома нам из школы. В нашем случае «отрабатывать» нечего, а вот нарабатывать нам предстоит очень многое, и делать это надо день за днём и в любое время года. Хотя бы потому, что годы в вузе пролетят незаметно, и совсем скоро вы станете выпускниками и специалистами, а со специалиста – спрос особый. Специалист вежлив и аккуратен, он отвечает за свои слова и умеет правильно распределять время, способен выстроить взаимодействие с коллегами и грамотно предъявить результаты своего труда. Вот этому мы и будем учиться на нашей первой, ознакомительной, архивно-музейной практике.

Учиться этому мы будем по-разному – рассказывая о своих музейных впечатлениях школьных лет и посещая музеи сегодня, описывая свои походы в музеи и создавая проекты воображаемых литературных музеев, читая музееведческую литературу и посещая экскурсии, работая с архивными документами и оформляя отчёты по практике. Деятельность эта интересная и многообразная, и задач у неё много, но главная из них – помочь студенту-филологу почувствовать себя частью большого и благородного дела служения слову.

Удачи вам и больших свершений!

ГЛАВА 2. УСАДЬБА И ЕЁ СМЫСЛЫ (ИЗ ИСТОРИИ МУЗЕЯ А. Н. ТОЛСТОГО В САМАРЕ)

Музей-усадьба А. Н. Толстого – уникальное для сегодняшней Самары пространство: находящееся в центре большого современного мегаполиса, оно чуточку старомодно и по-домашнему уютно, здесь другие краски и звуки, по-другому течёт время и ощущается день сегодняшний. Это место хранит в себе следы разных эпох и судеб – знаменитых и безвестных, оставшихся в истории и потерявшихся в её бурном течении. Всё это вместе делает усадьбу не только уникальным местом, но и многослойным смыслом, задействующим разные контексты и вызывающим различные ассоциации. В настоящей части пособия намечаются некоторые подходы к описанию смысловой сферы этой мемориальной усадьбы: рассматривается история её появления на свет и неоднократной смены владельцев, реконструируются судьбы некоторых хозяев и квартирантов, описывается коммунальная судьба усадебных домов и первые шаги мемориализации и создания в усадебном пространстве музея А. Н. Толстого.

Усадьба до Бострома (1850-е – 1899)

Первые сведения о дворовом месте, занимаемом сегодняшним Музеем-усадьбой А. Н. Толстого, относятся к середине XIX века. Как выяснила Т. Ф. Алексушина, первыми владельцами усадьбы, располагавшейся на этом дворовом месте, были самарские дворяне Зыковы и, в частности, одна из них – надворная советница Елизавета Игнатьевна Зыкова³. Именно она владела этой усадьбой

³ Алексушина Т. Ф., Алексушин Г. В. Самара, улица Саратовская. Иллюстрированная энциклопедия. Самара, 2021. С. 465, 467.

с 1852 года до начала 1870-х и построила на принадлежавшем ей дворовом месте деревянные дом и флигель с двумя отдельно стоящими во дворе кухнями. Глава семейства, Павел Николаевич Зыков, поднявшийся по служебной лестнице от должности канцеляриста Бирского земского суда до надворного советника, был удостоен потомственного дворянства и причислен вместе с семейством к III части самарских дворянских родословных книг. Что касается семейства П. Н. и Е. И. Зыковых, то, судя по всему, оно было не таким уж и маленьким: во всяком случае, Т. Ф. Алексушина пишет о четверых их детях – Аркадии, Алексее, Викторе и Юлии, двое из которых – Алексей и Виктор – родились уже на этой усадьбе⁴. В 1871 году усадьба перешла в руки нового владельца, которым стал чиновник Пётр Акимович Примеров, по всей видимости, хоть и вносивший изменения в существующие постройки, но – не менявший их облик кардинальным образом («деревянный флигель на шесть комнат (три окна на улицу, шесть – во двор) с парадным крыльцом; к флигелю через сени пристроена кухня на одну комнату (четыре окна и печь); во дворе – службы»⁵). Три года спустя, в 1874-м, хозяином усадьбы был чиновник Пётр Акимов, владевший домом, бревенчатыми службами и тесовой погребницей, а в мае 1877 года усадьба снова поменяла владельца и стала принадлежать вдове капитана Анне Алексеевне Шумской, которая сразу после её приобретения подала прошение в городскую управу на проведение ремонтных работ («у существующего деревянного флигеля поправить крыльцо с сенями и на кухне при нём перекрыть крышу и нарубить несколько венцов»⁶). Однако в июле того же года все постройки на

⁴ Там же. С. 467.

⁵ Там же. С. 465.

⁶ Там же. С. 467.

усадебные сгорели, и в 1880 году А. А. Шумская продала дворовое место, отставному капитану Александру Ивановичу Вернеру⁷.

А вот первые документы, касающиеся, судя по всему, пока ещё будущей усадьбы на Саратовской улице в Самаре, относятся к началу 1880-х гг. Прежде всего, это прошение, поданное отставным гвардии штабс-капитаном А. И. Вернером в Самарское губернское правление весной 1880 года. Суть прошения, сколько можно понять из последовавшей после этого прошения переписки губернского правления с городской управой, сводилась к планам Вернера построить на принадлежащем ему дворовом месте на улице Саратовской торговую баню⁸. Это прошение было рассмотрено на заседании городской думы, состоявшемся 27 июня 1880 года, где «по выслушании означенного отношения губернского правления и заявления г. Вернера по предмету разрешения ему провести из реки Волги небольших размеров водопровод к предполагаемой бане, а равно по рассмотрении плана построек, происходили в думе прения, причём мнения большинства гласных склонялись к тому, чтобы устройство торговой бани на указанном выше месте, лежащем в самом центре города, не было разрешаемо г. Вернеру, так как подобное заведение, по самому свойству своему, было бы совершенно неуместным в центре города; торговые бани вообще строятся на окраинах города или же в отдалённых более или менее его пунктах. Хотя противу этого мнения и были сделаны некоторыми гласными возражения, коими выяснилось, что торговая баня, устроенная по проекту Вернера, будет представлять собою приличное здание, весьма хорошо, в интересах самого владельца,

⁷ Там же. С. 465.

⁸ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 153. Оп. 38. Д. 350. Л. 4, 5, 5 об.

содержимое, и что подобные бани допускаются во многих больших городах, и именно в самых центральных пунктах, тем не менее, означенное возражение не встретило поддержки со стороны большинства гласных»⁹. Таким образом, «после некоторых прений», значительным большинством голосов дума постановила, что она «не может изъявить своего согласия на разрешение г. Вернеру устройства торговой паровой бани на принадлежащем ему дворовом месте, находящемся во 2-й части г. Самары, 73-м квартале по улице Саратовской»¹⁰.

23 сентября 1880 года А. И. Вернер вновь обратился в городскую управу с прошением, суть которого на этот раз заключалась в просьбе разрешить ему переставить забор, находящийся на принадлежащем ему дворовом месте в 73-м квартале 2-й части города Самары, так как, по его мнению, этот забор «стоит неправильно». Рассмотрев это прошение, управа дала добро на перестановку забора, «но с тем, чтобы его лицевая сторона была указана городским землемером», о чём и было сообщено 2-й части города днём позже, 24 сентября. Однако, перестановка забора, как следует из другого документа примерно этого же времени, была только первым шагом, предпринятым домовладельцем Вернером – первым, но – не единственным. А вот о следующем, предпринятом им же шаге, можно узнать из «Журнала Самарской городской управы», в техническом отделении которого находим следующую запись, датируемую 2 октября 1880 года: «Отставной гвардии штабс-капитан Александр Иванович Вернер поданным в городскую управу прошением ходатайствует о разрешении ему построить деревянные четыре в два этажа дома с их брандмауэрами и

⁹ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 38. Д. 350. Л. 10.

¹⁰ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 38. Д. 350. Л. 9-9 об.

каменные службы». К последнему прошению был приложен чертёж, на котором, во-первых, можно видеть всю будущую усадьбу, на которой размещены пять строений – четыре деревянных двухэтажных дома и нежилые каменные службы, а вторых – предполагаемый типовой фасад дома и схемы верхних и нижних этажей двух домов в левой части усадьбы и двух домов в её правой части. Левые и правые пары домов, судя по этим чертежам, имели одинаковую лицевую, жилую, часть и несколько отличные друг от друга хозяйственные части, примыкающие к лицевым сзади: два стоящих друг за другом левых дома (если стоять спиной к улице Саратовской) имели зеркальную хозяйственную часть, каждая из которых состояла из одного большого помещения, расположенного на каждом из этажей, и нескольких маленьких; правая же пара домов имела сокращённую почти вдвое хозяйственную часть с иначе расположенными в ней лестницами и т. д. Получив это прошение, городская управа также рассмотрела его и вынесла решение постройку домов разрешить с тем условием, чтобы «места лицевых построек были указаны городским землемером»¹¹.

Запланированный А. И. Вернером проект был реализован, но – совсем не в том виде, как это планировалось изначально: из четырех жилых домов были построены только два (на плане 1880 года это «левая» пара стоящих друг за другом строений), вид которых, в свою очередь, тоже подвергся изменениям: если на фасаде изображённого на чертеже дома можно видеть по девять окон на каждом из двух этажей, то в реализованном проекте на каждом этаже на одно окно меньше и т. д. Свидетельством некоторых вносимых по ходу реализации строительного проекта изменений является, например, прошение А. И. Вернера в

¹¹ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 38. Ед. хр. 361. Л. 32-33.

городскую управу от 6 февраля 1881 года на «некоторые изменения в устройстве лестниц», удовлетворённое управой тогда же¹². Как бы то ни было примерно в середине 1880-х гг. на принадлежащем отставному гвардии штабс-капитану дворовом месте в 73-м квартале 2-й части города Самары появилась городская усадьба, состоящая из двух деревянных домов со службами общей стоимостью 6000 рублей, которой в будущем предстоит сыграть весьма заметную роль в истории культуры города. Правда, до этого надо было ещё дожить, а пока в самарских газетах публиковались, например, следующие объявления: «Вода из колодца Вернера с 1-го июня отпускается вместо 15 копеек по 12 копеек за бочку и сотня вместо 13 рублей по 10 рублей. Тут же продаются три рабочие лошади. Саратовская улица, дом А. И. Вернера»¹³. Эта же тема – тема колодца и колодезной воды – будет подниматься в объявлениях, помещаемых в газетах и далее, а по некоторым оговоркам в этих объявлениях можно заключить, что и сам домовладелец, А. И. Вернер, также жил в это время в одном из усадебных домов (так, в одном из объявлений, помещённых в следующем, 1887-м, году в той же «Самарской газете» он обращался от своего имени к «желающим пользоваться водою из моего колодца»: «...для предупреждения недоразумений прошу присылать водовозов с билетами на отпуск воды, которые можно заранее получать у меня в доме, по Саратовской улице, в 73-м квартале»¹⁴).

О самом домовладельце – А. И. Вернере – сохранилось совсем немного сведений. В двух документах, датирующихся маем-июнем 1881 года и касающихся перестройки хлебного амбара на

¹² ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 38. Д. 349. Л. 21-22.

¹³ Самарская газета. 1886. 10 июня. № 120. С. 4.

¹⁴ Самарская газета. 1887. 2 апреля. № 70. С. 4.

берегу реки Самары, принадлежащего потомственному почётному гражданину Константину Михайловичу Сибирякову, Вернем назван доверенным лицом последнего¹⁵. В одной из своих книг Т. Ф. Алексушина называет его фон-Вернером¹⁶, а в другой добавляет, что он был бывшим немецким колонистом и совладельцем завода Бенке-Журавлева¹⁷. К сожалению, никаких сведений о самом А. И. Вернере пока больше не удалось обнаружить. В истории Самары и самарской культуры хорошо известно имя сына А. И. Вернера, архитектора Дмитрия Александровича Вернера, построившего многие замечательные здания как в губернской столице, так и в других городах губернии, но, увы, биографические сведения о Д. А. Вернере, а тем более о его детстве и родителях, скудны или просто отсутствуют. Кроме этого нам удалось выяснить, что в 1897 году в одном из домов, принадлежащих А. И. Вернеру, на Саратовской улице, 165, жила некая Е. А. Вернер, преподававшая географию в частной женской гимназии господж Харитоновых, размещавшейся в доме Жукова на углу Саратовской и Заводской улиц¹⁸, а в следующем, 1898-м, к ней присоединилась ещё и О. А. Вернер, служившая преподавателем арифметики и проживавшая в том же доме на Саратовской, 165¹⁹. Если эти двое – дочери А. И. Вернера, что вся семья или хотя бы некоторые из её членов жили вместе в городской усадьбе, построенной по заказу уволившегося с военной

¹⁵ См.: ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 38. Д. 353. Л. 151-152.

¹⁶ Алексушина Т. Ф. Самарские страницы российского дворянства. Самара, 2013. С. 140.

¹⁷ Алексушина Т. Ф., Алексушин Г. В. Самара, улица Саратовская. Иллюстрированная энциклопедия. Самара, 2021. С. 465.

¹⁸ Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1898 год. Самара: Типография Губернского правления, 1897. С. 42, 117.

¹⁹ Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1899 год. Самара: Типография Губернского правления, 1898. С. 35, 93.

службы А. И. Вернера, до конца 1890-х гг., когда было принято решение о продаже усадьбы. Было ли это связано, например, с кончиной главы семьи или ещё с какими-то другими обстоятельствами – неизвестно, как неизвестно и то, где и когда он родился и служил до приезда в Самару, когда вышел в отставку и владел ли ещё какой-то недвижимостью в городе, наконец, когда его не стало. Ответов на все эти вопросы у нас пока нет, хотя вопросы эти представляются очень значимыми в контексте разговора об истории усадьбы, а значит ответы на них необходимо искать и далее.

Открытым остаётся вопрос и о квартирантах, в разное время снимавших квартиры в домах Вернера на Саратовской, 165. Если имена одних из них удалось установить по «Адрес-календарям» и газетным объявлениям, то имена других пока что остаются не выявленными; далеко не всегда известно и то, чем занимались те или иные квартиранты, где именно располагались арендуемые ими квартиры, как долго и в какое время они их снимали, и т. д. Скажем о том, что удалось установить к сегодняшнему дню.

В марте 1886 года в одном из номеров «Самарской газеты» было помещено следующее объявление: «По случаю отъезда продаются мебель, цветы и разные хозяйственные вещи. Саратовская, дом Вернера, во дворе, квартира № 8. Осматривать можно с 12-ти до 3-х часов»²⁰. А уже месяц спустя, в апреле, тот же дом и та же квартира будут фигурировать в объявлении такого рода: «Знающий отлично фортепиано, пение (соло), теорию музыки и живопись, язык и теорию литературы, немецкий и английский, бывший воспитатель и учитель музыки в одной из лучших московских гимназий, желает иметь место в деревне.

²⁰ Самарская газета. 1886. 25 марта. № 66. С. 3.

Узнать по Саратовской, в доме Вернера, в квартире № 8»²¹. Наконец, ещё месяц спустя, в мае, на страницах этой же газеты увидело свет ещё одно объявление, имеющее отношение к этому же сюжету: «Преподаватель музыки и пейзажной живописи с натуры красками, окончивший курс в Московской духовной семинарии, бывший воспитатель в одной из лучших московских гимназий, знающий отлично фортепиано, пение (соло), теорию музыки, немецкий и английский языки и владеющий свободно французским языком, желает иметь постоянное место в деревне. Узнать от И. Н. Ржанова, Саратовская улица, дом Вернера»²². Из приведённых объявлений нельзя однозначно заключить, например, того одно и то же или разные лица продавали мебель в марте и предлагали преподавательские услуги в апреле, желал ли «иметь постоянное место в деревне» сам проживавший в доме Вернера И. Н. Ржанов или же последний только располагал информацией о том, как можно было связаться с неназванным преподавателем музыки и пейзажной живописи. Тем не менее сделать некоторые выводы о характере первых квартиросъёмщиков Вернера можно: судя по всему, это были люди интеллигентных профессий, оказавшиеся в Самаре в силу разных обстоятельств и не рассматривавшие проживание в этом городе в качестве постоянной либо долгосрочной перспективы.

А вот в сентябрьских объявлениях следующего, 1887-го, года появляются и первые фамилии квартиросъёмщиков Вернера: «Уроки музыки на скрипке. А. А. Щепанская. Застать от 4-х до 6-ти часов. Саратовская, дом Вернера»²³. О том, кем была эта А. А. Щепанская, можно узнать из «Адрес-календаря и памятной

²¹ Самарская газета. 1886. 24 апреля. № 85. С. 3.

²² Самарская газета. 1886. 8 мая. № 96. С. 1.

²³ Самарская газета. 1887. 25 сентября. № 203. С. 3.

книжки Самарской губернии на 1889 год», имя которой – Аделина Адольфовна Щепанская – упоминается среди других имён членов музыкально-драматического общества²⁴, а вот в качестве её места проживания, в самом деле, указывается дом Вернера на Саратовской улице²⁵. И здесь же, в доме Вернера, согласно тому же Адрес-календарю, проживал преподаватель математики и механики реального училища имени Александра Благословенного коллежский советник И. А. Щепанский²⁶. Последний пользовался в Самаре широкой известностью – и как преподаватель, и как автор научных статей и книг, среди которых были не только те, которые полностью принадлежали его перу²⁷, но и написанные в соавторстве с другими самарцами и составленные им в качестве редактора²⁸.

Иосиф Александрович (Юзеф Дионисий) Щепан(ь)ский (1852-1932) родился под Гродно, окончил Варшавскую гимназию и поступил в Петербургский университет, после чего продолжил своё образование в различных учебных заведениях Петербурга и Москвы. В 1877 году он начал преподавать в Вольске, затем в Саратове, а в 1886-м переехал с женой и сыном в Самару, видимо, в это же время обосновавшись в доме Вернера на Саратовской. Среди учеников И. А. Щепанского в Самаре в разное время были Г. М. Кржижановский, А. Н. Толстой и многие другие. Супруга

²⁴ Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1889 год. Составил П. В. Кругликов. Самара: Губернская типография, 1888. С. 94.

²⁵ Там же. С. 29.

²⁶ Там же. С. 29, 75.

²⁷ Щепанский И. А. О лунном и солнечном затмениях. Самара: Типография «Самарская газета» (И. П. Новикова), 1887. 52 с., 2 ил. Оттиски из «Самарской газеты» № 145, 149, 157, 160 и 161.

²⁸ «Самарец». Календарь и справочная книга для города Самары и Самарской губернии на 1888 год. Издание И. Щепанского. Самара: Типография Г. В. Сербулова, 1888. 550 с.

Щепанского, уже упомянутая Аделина Адолбфовна (Роза Аделя) Щепанская окончила Музыкальный институт в Варшаве (по классу скрипки), училась в Петербургской консерватории; живя в Самаре, преподавала музыку в местном отделении попечительства императрицы Марии Александровны для слепых. В Самаре у Щепанских родились трое детей, двое из которых умерли в 1892 году, ставшем годом эпидемии тифа и холеры. Повидимому, именно с этим был связан и переезд Щепанских из Самары в Варшаву, где глава семьи преподавал в различных учебных заведениях, был директором гимназии в Плоцке, директором коммерческого училища в Влоцлавке. Дочь Щепанских, Мария Кунцевич, станет известным писателем, автором романа «Чужеземка», повествующего о судьбе её матери, и повести «Лесник», в основу которой была положена биография её отца, И. А. Щепанского²⁹.

Из других квартиросъёмщиков известны имена К. Ф. Белоцерковского³⁰, Э. Л. Тицнера³¹, правителя дел и поверенного по судебным делам Управления по постройке Самара-Уфа-Златоустовской железной дороги надворного советника В. А. Пушкарёва³², производителя работ Самарского управления государственными имуществами коллежского советника

²⁹ См. об этом: Завальный А., Маршалова М. Иосиф, Мария и Самара // Свежая газета. Культура (Самара). 2019. 7 ноября. № 20 (170). С.

³⁰ Алексушина Т. Ф., Алексушин Г. В. Самара, улица Саратовская. Иллюстрированная энциклопедия. Самара, 2021. С. 466.

³¹ Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1889 год. Составил П. В. Кругликов. Самара: Губернская типография, 1888. С. 25.

³² Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1890 год. Составил П. В. Кругликов. Самара: Губернская типография, 1889. С. 88, 269.

А. С. Протопопова³³, губернского врачебного инспектора коллежского советника Л. Н. Малиновского³⁴, поручика запаса и помощника делопроизводителя Самарского удельного округа титулярного советника графа В. В. Шамборанта³⁵, старшего контролёра контроля Самаро-Златоустовской железной дороги с Оренбургской ветвью Л. И. Фиерковского³⁶, старшего техника губернского акцизного управления коллежского секретаря А. А. Усова³⁷, постоянного члена Самарского окружного суда А. М. Вакара³⁸, Е. В. Крассинского³⁹, М. А. Гамберг⁴⁰, В. Б. Обухова⁴¹ и ещё некоторых других. Фамилии некоторых арендаторов квартир продолжают фигурировать в газетных объявлениях, и информация о них этими самыми объявлениями и ограничивается (например, в январе 1894 года из объявления, помещённого в «Самарской газете», можно узнать, что в квартире Горбачевского в

³³ Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1891 год. Составил П. В. Кругликов. Самара: Губернская типография, 1890. С. 64.

³⁴ Календарь и Памятная книжка на 1896 год. Под ред. И. А. Протопопова. Самара: Паровая типография губернского правления, 1895. С. 305, 361.

³⁵ Там же. С. 332. См. также: Календарь и Памятная книжка на 1898 год. Под ред. И. А. Протопопова. Самара: Паровая типография губернского правления, 1897. С. 34, 169.

³⁶ Календарь и Памятная книжка на 1896 год. Под ред. И. А. Протопопова. Самара: Паровая типография губернского правления, 1895. С. 327.

³⁷ Там же. С. 320.

³⁸ Календарь и Памятная книжка на 1898 год. Под ред. И. А. Протопопова. Самара: Паровая типография губернского правления, 1897. С. 116.

³⁹ ЦГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 594 (Список владельцев дворовых мест и домов в г. Самаре. Часть 2. Квартал 73. Саратовская улица, д. 165).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

доме Вернера «продавалась мягкая мебель»⁴²), в других случаях нет даже и фамилий, но зато известно, что происходило в квартирах этих арендаторов, кто из них менял жильё и т. д. (так, в августе 1887 года в газете появилось объявление о том, что в квартире № 3 в доме, выходящем на улицу, «продаются цветы, гостиная мебель, дубовые кадки и другие хозяйственные вещи»⁴³).

Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляют три человека, в разное время арендовавшие квартиры в домах А. И. Вернера, поскольку двое из них имели непосредственное отношение к литературе и таким образом включены в смысловую сферу современного литературного музея-усадьбы; отношение же третьего персонажа к литературе хоть и опосредованное, но – весьма тесное, поэтому скажем и о нём несколько слов особо.

Первым из интересующих нас «литературных» персонажей был «практикующий врач» Сергей Осипович (Залман Иосифович) Ярошевский (1861-1907), снимавший квартиру в одном из домов А. И. Вернера в начале 1890-х гг.⁴⁴. Занимаясь врачебной практикой в области внутренних и нервных болезней, он служил в Самаре железнодорожным врачом и вёл частный приём больных. Из Самары он переехал в Петербург, но потом вновь вернулся в Самару и преподавал в фельдшерской школе. С начала 1880-х гг. С. О. Ярошевский выступал в печати как автор научных статей и книг медицинской тематики, а также рассказов, повестей и романов из еврейской жизни. Жизнь С. О. Ярошевского оборвалась трагически: он застрелился над телом покончившего с

⁴² Самарская газета. 1894. 22 января. № 7. С. 4.

⁴³ Самарская газета. 1887. 12 августа. № 169. С. 3.

⁴⁴ Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1891 год. Составил П. В. Кругликов. Самара: Губернская типография, 1890. С. 93.

собой сына-гимназиста и был похоронен в Кишинёве, где происходит действие почти всех его произведений.

Вторым литератором, квартировавшим у А. И. Вернера, была дочь упомянутого выше А. С. Протопопова Елена Алексеевна, в замужестве – Буланина (1876-1944). Служившая преподавательницей словесности в училище, а затем – в частной женской гимназии А. С. Межак-Хованской, она сотрудничала с «Самарской газетой», публикуя в ней свои стихи и рассказы, переводила О. Уайльда, выпустила несколько книг переводов, а также – сборник стихотворений «Раздумье». Переехавшая в 1906 году из Самары в Москву, она продолжала заниматься педагогическим трудом и выступала в печати с мемуарами и небольшими рассказами. По-видимому, довольно долго оставаясь квартиросъёмщицей в доме на Саратовской, Е. А. Буланина, скорее всего, застала и следующих после А. И. Вернера владельцев этой усадьбы – А. А. Бострома и его гражданскую жену А. Л. Толстую, а А. Н. Толстой, работая годы спустя над самарскими эпизодами трилогии «Хождение по мукам», использует в этих эпизодах и образах выведенных в них героев некоторые её черты и факты её биографии⁴⁵.

Наконец, имя третьего «окололитературного» квартиросъёмщика А. И. Вернера – Дмитрий Сергеевич Кишкин, довольно долгое время служивший в Самаре частным поверенным. Имя Д. С. Кишкина хорошо известно в самарском краеведении благодаря одному короткому, но значимому эпизоду в литературной истории Самары: с мая по декабрь 1895 года сам снимавший дом у некоего Пиррини, Д. С. Кишкин сдавал

⁴⁵ Именно поэтому ей посвящён отдельный параграф в нашей книге: Перепелкин М. А. Ходившие по мукам: «самарский код» в трилогии А. Н. Толстого. Самара: Научно-технический центр, 2022. С. 47-65.

полуподвальное помещение, находившееся в этом доме, служившему в «Самарской газете» А. М. Пешкову (М. Горькому). Как арендатор дома на Вознесенской улице, в свою очередь приютивший, по просьбе сестры – М. С. Позерна, урождённой Кишкиной, молодого журналиста и начинающего писателя, Д. С. Кишкин и его близкие довольно часто упоминаются в посвящённых Горькому краеведческих источниках, между тем о них самих, и в частности – о главе семейства Д. С. Кишкине, сведений сохранилось не очень много. Тем не менее, из воспоминаний его дочери, Е. Д. Кольшкиной, урождённой Кишкиной, известно, что в юности он был арестован как один из организаторов студенческих беспорядков в Москве и после годичного содержания в тюрьме выслан в Тулу с лишением права учиться в университете, в 1882-1887 гг. жил в Туле, работал табельщиком в железнодорожном депо, вёл пропаганду среди рабочих, за что после четырех раз тюремного заключения на разные сроки был выслан в Серпухов. Здесь он вновь начал свою революционную работу и после тюремного заключения был выслан за пределы фабричных районов, а в 1891 году был выслан в Самару, где начал работать помощником у присяжного поверенного К. К. Позерна, мужа своей сестры Марии Сергеевны. Живя уже в Самаре, он сумел подготовиться и сдал юридические экзамены при суде и, получив звание частного поверенного, начал самостоятельную работу. Во все время жизни в Самаре он находился под негласным надзором полиции, неоднократно высылавшей его Бузулук⁴⁶. Как видно из обнаруженных нами источников, после 1895 года Д. С. Кишкин оставил дом на

⁴⁶ См.: Перепелкин М. А. «А судьи кто?»: частный поверенный Самарского окружного суда Дмитрий Кишкин глазами его дочери // Performance (Представление). Самара. 2012. № 41. С.25-26.

Вознесенской, часть которого когда-то арендовал А. М. Пешков, и снял квартиру в доме А. И. Вернера на Саратовской улице: судя по Адрес-календарям, он поселился на новом месте жительства не позже 1897 года⁴⁷ и уехал из него не раньше 1899-го⁴⁸. О том, что заставило Д. С. Кишкина оставить дом на Вознесенской, как долго продолжалось его жительство на Саратовской и когда и почему оно завершилось, нам ничего не известно, но сам по себе факт того, что Самарский литературно-мемориальный музей, с 1946-го до середины 1980-х гг. располагавшийся в доме на бывшей Вознесенской (в советские годы – Степана Разина), где когда-то жила семья Д. С. Кишкина, вскоре после открытия филиала – Музея-усадьбы А. Н. Толстого в силу различных причин был вынужден оставить прежнее место своего нахождения и разместиться в бывшей усадьбе А. И. Вернера на Саратовской улице (а ныне – улице Фрунзе), представляется нам если не мистическим, то, во всяком случае, характерным: находящаяся довольно близко от Волги Вознесенская улица, открытая всем волжским ветрам и подверженная колебаниям рельефа (чётная сторона улицы постоянно «сползает» к Волге), по всей видимости, не была особенно удобна для жизни в конце XIX столетия, и те же обстоятельства – и в частности второе из них – заставили музей сто лет спустя сначала временно, а потом и постоянно отказаться от эксплуатации здания на улице Степана Разина, предпочтя более уютную во всех отношениях бывшую Саратовскую, позже превратившуюся в улицу Фрунзе.

⁴⁷ Календарь и Памятная книжка на 1898 год. Под ред. И. А. Протопопова. Самара: Паровая типография губернского правления, 1897. С. 132.

⁴⁸ Календарь и Памятная книжка на 1900 год. Под ред. И. А. Протопопова. Самара: Паровая типография губернского правления, 1899. С. 175.

Представляет интерес и ещё одна обнаруженная нами газетная заметка, хоть и не относящаяся к самим домам Вернера, но рисующая и прилегающую к этим домам местность, какой она была в середине 1880-х гг., и – нравы и характеры самарских обитателей этих мест. Из короткой заметки, озаглавленной «Спасённые», не совсем ясно, о каких именно спасённых идёт речь, кто и от чего их спас, но тем не менее заметка кажется нам довольно характерной: «Обитатели двух подземелий, находящихся на пустырях рядом с домами Кормана и Вернера по Саратовской, начинают оживать от помощи и внимания обывателей, которые сами лично нисходят в эти подземелья оказать утешение словом и делом и минуточку подышать той атмосферой, в которой проводят дни и ночи бедняки. Они горячо возносят благодарение Господу и земно кланяются помогающим им добрым людям»⁴⁹. Как можно заключить из процитированного, скорее всего, речь идёт, например, о каких-то погорельцах, нашедших себе пристанище в землянках, вырытых на окраине города, располагавшейся в 1880-е гг. как раз возле двух домов, принадлежащих А. И. Вернеру. Таким это место будет оставаться ещё несколько лет – вплоть до конца 1880-х, когда в конце улицы Саратовской будет построен городской театр и начнётся активная застройка той части улицы, которая находилась между Алексеевской и Почтовой улицами, то есть как раз между домами Вернера и Театральной площадью. Так что если в 1880-е годы усадьба А. И. Вернера живёт окраинной жизнью, где соседствуют уроки музыки на скрипке и землянки для погорельцев, уже в 1890-е характер этой жизни изменится и теперь мимо неё будут ездить экипажи, доставляющие поклонников театрального искусства на спектакли, а потом развозящие их, одухотворённых увиденным и пережитым,

⁴⁹ Самарская газета. 1887. 18 марта. № 58. С. 2.

по домам. Год за годом и десятилетие за десятилетием город рос, отодвигая городскую окраину всё дальше от принадлежащего А. И. Вернеру дворового места в 73-м квартале 2-й части города Самары – приближалось XX столетие, когда бывшая окраина постепенно сама станет центром, но вот только А. И. Вернер этого, скорее всего, не увидел, так как в 1899 году его усадьба перешла в руки нового владельца – А. А. Бострома.

А в заключение этой части нашего исследования скажем ещё несколько слов о соседних домах, окружавших усадьбу Вернера-Бострома и граничивших с ней. Прежде всего, это усадьба Е. Ф. Пономарёва, к 1918 году располагавшаяся по адресу улица Саратовская, 163, и польский католический костёл, находившийся по другую сторону от усадьбы по адресу Саратовская, 167. Кроме этого речь идёт о домах, находящихся через дорогу от усадьбы по Саратовской улице, и о об усадьбе Н. В. Крашенинникова, выходившей фасадом на параллельную Саратовской Николаевскую улицу и примыкавшей к усадьбе Бострома сзади.

По правую сторону от усадьбы Вернера-Бострома находилась усадьба Пономарёвых, построенная так же, как и дома, принадлежавшие Вернеру, в самом начале 1880-х годов на месте сгоревшего дома, последней владелицей которого была А. И. Данненберг. Купив опустевшее после пожара место мещанин Е. Ф. Пономарёв построил двухэтажный деревянный дом, флигель, прачечную и службы, перешедшие от него к его наследникам Д. Г. и А. Г. Пономарёвым, а в июне 1893 года единоличным владельцем усадьбы стал первый из них, начавший службу в чине коллежского асессора и достужившийся до статского советника. В 1882-1899 гг. он преподавал физику, математику и естественную историю в самарской женской гимназии, в 1899-м исполнял

обязанности инспектора реального училища, а в 1900-1906 гг. занимал пост директора этого же училища. После смерти Д. Г. Пономарёва, скончавшегося в 1908 году, в усадьбе, состоявшей из трёх домов, продолжали жить его жена и дети. После 1918 года дома Пономарёвых муниципализировали. В конце 1990-х гг. сгорел один из них, выходивший фасадом на улицу, остальные усадебные постройки уцелели и граничат сегодня со двором музея-усадьбы, в них так же продолжают жить люди⁵⁰.

Согласно опубликованной И. В. Крамаревой «Оценочной ведомости за 1902 год», в начале XX столетия на дворовом месте по Саратовской, 163, располагались следующие постройки:

1) по улице – одноэтажный деревянный дом, крытый железом, на 36 кв. саж (6х6 саж.), с пристроем кухни на 5,2 кв. саж. (8х6 аршин);

2) во дворе – одноэтажный деревянный дом, крытый железом, на 24 кв. саж. (4х6 аршин);

3) во дворе – одноэтажный деревянный дом, крытый железом, на 10,4 кв. саж. (8х12 аршин);

4) во дворе – погребницы деревянные.

Состояние строений прочное.

В каждом из домов находилось по одной квартире, при этом квартира в первом доме сдавалась за 500 рублей, во втором – за 264 рубля и в третьем – за 156 рублей. Все три квартиры сдавались. Кроме этого в глубине двора располагался небольшой садик, который находился в пользовании всех квартирантов⁵¹.

⁵⁰ См. об усадьбе Пономарёвых здесь: Алексушина Т. Ф., Алексушин Г. В. Самара, улица Саратовская. Иллюстрированная энциклопедия. Самара, 2021. С. 461-464.

⁵¹ См.: Крамарева И. Усадьба директора реального училища Е. Ф. Пономарёва (ул. Фрунзе, 153) // Дельта-информ. 2005. Август. № 12 (99). С. 15.

Что касается квартирантов Пономарёвых, известно имя, по крайней мере, одного из них – Н. П. Ашешова, который, живя в Самаре в 1892-95 гг. под надзором полиции, был фактическим редактором «Самарской газеты», который общался с самыми разными интересными людьми, жившими и бывавшими в это время в городе. Как утверждают Т. Ф. И Г. В. Алексушины, «Александра Леонтьевна Толстая (Бостром) во время своих приездов в 1894 г. с сыном Алексеем в Самару навещала Ашешова в доме Пономарёвых»⁵², что, на наш взгляд, даёт возможность выдвинуть версию о том, что именно это обстоятельство и сыграло свою роль в выборе будущего приобретения Бостромом собственной усадьбы в Самаре. Нами были обнаружены также два опубликованных в газетах объявления о сдаче в наём квартиры в шесть комнат, «удобной для доктора, адвоката, под контору и т. п.» и расположенной в доме Пономарёва на Саратовской улице, 155⁵³.

Если говорить о другом дворовом месте, расположенном слева от усадьбы Вернера-Бострома, то до пожара 1877 года на нём также находились постройки, принадлежавшие разным лицам, среди которых был и купец К. М. Сибиряков, продавший оставшееся пустопорожним после пожара место австрийскому подданному и самарскому временному купцу, а в дальнейшем – синдик-кассиру Самарского римско-католического молитвенного дома И. Е. Дочару, осенью 1888 года выстроившему на собственные средства двухэтажный деревянный дом, предназначенный для каплицы (молельни). В марте 1892 года здание каплицы вместе с землёй и всеми надворными постройками

⁵² Алексушина Т. Ф., Алексушин Г. В. Самара, улица Саратовская. Иллюстрированная энциклопедия. Самара, 2021. С. 464.

⁵³ См.: Волжское слово. 1913. 19 июня. № 131. С. 6; Волжское слово. 1914. 22 июля. № 155. С. 4.

было выкуплено у него католической общиной, по инициативе которой в июне 1902 года началось строительство костёла, завершившееся в начале 1906 года⁵⁴. На двух фотоснимках, сделанных А. Н. Толстым летом 1905 года, можно увидеть фрагменты уже построенного, но, судя по всему, ещё не остеклённого здания костёла, который отделял в это время от усадьбы низкий штакетник.

Через дорогу от усадьбы Вернера-Бострома находились и сегодня находятся дома, в которых в разное время жили и снимали квартиры Н. В. Постников⁵⁵, доктор Э. Г. Эрн, купец П. С. Аржанов, ежедневная беспартийная газета «Народ», В. О. Португалов, И. К. Гордзялковский, В. Н. Аристов и ещё многие другие известные самарцы и надолго или ненадолго приезжавшие и останавливавшиеся в Самаре неординарные личности. Практически все здания – за исключением бывшего дома Гуськовой (современный адрес – Фрунзе, 128) – сохранились в неизменном виде до сегодняшнего дня, дом Гуськовой был снесён уже в 2000-е гг., а на его месте было построено современное пятиэтажное здание с имитацией фасада утраченного дома⁵⁶.

⁵⁴ См.: Алексушина Т. Ф., Алексушин Г. В. Самара, улица Саратовская. Иллюстрированная энциклопедия. Самара, 2021. С. 473-487.

⁵⁵ Сохранилось прошение Н. В. Постникова в городскую управу от 24 июля 1881 года, в котором он излагает свою просьбу следующего содержания: «Желая провести в свой дом на Саратовской улице в 72 квартале воду из колодца г. Вернера, находящегося также на Спратовской улице против моего дома, покорнейше прошу разрешить мне уложить трубу через улицу, которую по окончании работ я обязуюсь привести в прежний вид» (ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 38. Д. 347. Л. 80).

⁵⁶ Обо всех этих домах см.: Алексушина Т. Ф., Алексушин Г. В. Самара, улица Саратовская. Иллюстрированная энциклопедия. Самара, 2021. С. 526-548.

Наконец, на параллельной Саратовской Николаевской улице находилась усадьба Н. В. Крашенинникова, примыкавшей к усадьбе Вернера-Бострома сзади. Об этой усадьбе известно следующее. В феврале 1887 года на дворовом месте во 2-й части 73-го квартала по Николаевской улице, принадлежащем самарскому мещанину Николаю Васильевичу Крашенинникову, уже находились полукаменный флигель, выходящий фасадом на улицу, и другие деревянные (изба, погребница, сараи, лавочка, навесы, беседка) и каменные (прачечная, кладовая, жилые помещения) строения. Тогда же владелец участка, Н. В. Крашенинников, обратился в управу с просьбой разрешить ему построить деревянный сарай (прошение было подписано следующим образом: «вместо неграмотного Крашенинникова подписался отставной унтер-офицер Иван Головин»⁵⁷). А несколько лет спустя, в августе 1893-го, он же обратился с заявлением разрешить ему достроить одноэтажный каменный флигель до двухэтажного⁵⁸. Бывшая усадьба Крашенинникова сохранилась до наших дней и граничит сегодня с фондохранилищем музея.

Усадьба Бострома (1899 – 1918)

В 1899 году, продав своё имение возле сельца Сосновки (Павловки тож) Николаевского уезда Самарской губернии, А. А. Бостром переехал в Самару, где уже в продолжение года снимали квартиры его гражданская жена А. Л. Толстая и пасынок А. Н. Толстой, учившийся в Самарском реальном училище. Прекрасно понимая, что никто из них уже никогда не вернётся к

⁵⁷ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 88. Ед. хр. 446. Л. 1.

⁵⁸ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 88. Ед. хр. 565. Л. 6.

сельской жизни, вчерашний сельский хозяин Алексей Аполлонович Бостром решил поставить точку в своей помещичьей биографии и сделаться городским домовладельцем. С этой целью он и приобрёл городскую усадьбу, до этого принадлежавшую А. И. Вернеру, а теперь перешедшую в его собственность.

Что собою представляла усадьба в то время, когда ею владел А. А. Бостром, можно понять из «Оценочной ведомости № 726»⁵⁹, составленной комиссией по оценке недвижимых имуществ города Самары 31 октября 1901 года. Согласно этой ведомости, усадебное место, принадлежащее А. А. Бострому и находящееся в 73-м квартале 2-й части города по улице Саратовской, занимало семьсот двадцать саженей с расположенными на них двумя двухэтажными деревянными домами, крытыми железом, на 54 квадратных саженях каждый с пристроями к ним, занимавшими ещё по 12 саженей. Во дворе располагались одноэтажный каменный флигель, также крытый железом и занимающий 6 квадратных саженей, погребницы и каменные сараи. Все строения были охарактеризованы оценочной комиссией как прочные.

Каждый из двух двухэтажных деревянных домов состоял из четырёх квартир, дававших от 420 до 480 рублей годового дохода. Кроме этого одна квартира гораздо меньшей площади располагалась также во флигеле и давала 120 рублей дохода; остальные помещения во флигеле занимали дворовые службы. Таким образом, общий объём годового дохода, по мнению комиссии, мог равняться 3540 рублям, за вычетом 2625 рублей 30 копеек «на расходы, установленные табелью», то есть чистый доход от сдачи внаём квартир составлял чуть больше девятисот рублей. Правда, комиссия уточнила, что письменных документов владельцем усадьбы ей предоставлено не было и оценка

⁵⁹ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 756. Лл. 50-51.

производилась «по заявлению владельца и сообразно доходности соседних владений». Стоимость же самой усадьбы вместе с находящимися на ней строениями была оценена в 7318 рублей.

Какой была жизнь усадьбы в период, представляемый А. А. Бостромом, можно представить по нескольким источникам, первый из которых – семейная переписка квартировладельцев друг с другом, в которой не раз и не два поднимались вопросы хозяйственно-бытового плана, а также вопросы взаимоотношений владельцев квартир с арендаторами, поиска новых жильцов и некоторые другие. Второй источник – это те же газетные объявления и другие выявленные публикации, в которых фигурируют дома Бострома. И, наконец, третий – те немногие мемуары, которые принадлежат, как членам семьи домовладельцев, так и квартиросъёмщикам, в разное время арендовавшим жильё в домах, принадлежавших А. А. Бострому. Обратимся к каждому из этих источников и на их основе попробуем реконструировать быт и смыслы усадьбы в 1900-1918 гг., до начала новой эпохи в её истории.

Одно из первых упоминаний усадьбы на Саратовской в семейной переписке Бострома-Толстых относится к началу лета 1900 года, когда, рассказывая уехавшему из Самары на каникулы А. Н. Толстому, его мать, А. Л. Толстая, сообщила следующее: «У нас в доме теперь поправляют асфальт в кухне, думаем, что на этой неделе кончится ремонт, и мы после воскресенья будем переезжать»⁶⁰. А несколько дней спустя уже А. А. Бостром вернулся к теме «мытарств по случаю переезда» в письме, также адресованном А. Н. Толстому: «Бру-га-га страшное. Мы не только мечемся по комнатам, но и по квартирам, так как в трёх квартирах

⁶⁰ Отдел рукописей Института мировой литературы им. М. Горького (далее – ОР ИМЛИ). Ед. хр. 6314/17.

сразу у нас белят, штукатурят, красят, да ещё в трёх кладут печи, плиты, заливают асфальтом и т. д.»⁶¹. Таким образом, как можно заключить из вышесказанного, переселение в усадьбу Вернера, видимо, приобретённую А. А. Бостромом, ещё в конце 1899-го или в самом начале 1900 года, было отложено до лета, когда, наконец, был сделан ремонт и состоялся переезд из съёмного жилья на улице Николаевской в собственный дом на Саратовской улице. Это значит, что, вернувшись в Самару к началу нового учебного года, А. Н. Толстой переезда уже не застал, а поселился в собственной комнате в доме на Саратовской улице, где он проживёт чуть меньше года – до окончания реального училища в Самаре и отъезда в Петербург. Именно с этим отъездом будет связано следующее упоминание дома, а точнее – хозяйской квартиры, в письме А. Л. Толстой сыну: «Сегодня мы с папой перебирались на новые квартиры – я в кабинет, а он в твою комнату, и не поверишь, как было грустно разорять твоё гнёздышко»⁶².

Примерно к этому же времени – середине 1901 года – относятся и первые упоминания о квартирантах, тема которых сделается с этого момента одной из постоянных и в переписке А. А. Бострома с женой, А. Л. Толстой, и в письмах родителей к А. Н. Толстому. Так, в начале августа 1901 года А. А. Бостром сообщил пасынку о том, что «у нас съехали Строкины»⁶³ и опять

⁶¹ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6314/18.

⁶² Переписка А. Н. Толстого: В 2 т. Том первый. М.: Художественная литература, 1989. С. 67.

⁶³ Строкин Василий Порфирьевич – старший врач врачебной части Управления Самаро-Златоустовской железной дороги с Оренбургской ветвью, статский советник (Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1902 год. Под ред. И. А. Протопопова. Самара: Губернская типография, С. 214, 232, 326).

про меня пустили слух, что я – невозможный домовладелец. И ведь верят. Несколько квартирантов мы из-за отзывов Строкиных лишились. Курьёзно. Зато с Соколовой мама сдружилась. Каждый день <видятся>. Сейчас она у Протопоповой»⁶⁴. О ремонте и квартирантах примерно тогда же рассказала сыну и А. Л. Толстая, заметившая, во-первых, что «папа всё возится с ремонтом», а, во-вторых, что он «подобрал себе ассортимент симпатичных квартирантов и очень доволен. Даже одна из симпатичных квартиранток – великолепная музыкантша. Пропала моя головушка!»⁶⁵.

В следующем, 1902-м, году в семейной переписке тема усадьбы отсутствует, а вот зато в «Самарской газете» публикуются объявления следующего содержания: «Жеребец вороной 5-ти лет, своего завода, продаётся на Саратовской улице в доме Бострома, № 165. Видеть от 9 утра до часу»⁶⁶ и «Квартира сдаётся в 5 комнат, передняя, кухня и для прислуги <за> 40 рублей на Саратовской, между Москательной и Алексеевской, в доме Бострома»⁶⁷.

А вот зато в 1903 году эта тема снова вернётся в письма, которыми будут обмениваться А. А. Бостром и зачавшая в Петербург по литературно-театральным и иным делам А. Л. Толстая. Так, в мае Бостром сообщил жене, что Обуховы «робко просили не забывать, что в половине июня свадьба, так чтоб я поторопился <видимо, с ремонтом – М. П.>»⁶⁸. «И вот у меня сегодня десять человек работали под моим присмотром»⁶⁹, –

⁶⁴ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6328/6.

⁶⁵ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6314/23.

⁶⁶ Самарская газета. 1902. 9 марта. № 55. С. 4.

⁶⁷ Самарская газета. 1902. 11 июня. № 122. С. 4.

⁶⁸ Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького (далее – СЛМ). КП-407.

⁶⁹ Там же.

резюмировал он. Не забывал домовладелец Бостром о просьбе Обуховых и позже, в конце июня, рассказывая о том, что в обоих домах у него работают подёнщики – «и у Обухова, и у Протопопова, и, наконец, у нас (тоже рамы удельваю)»⁷⁰. Наконец, последнее письмо этого года датируется уже серединой декабря, и в нём Бостром сообщает жене «не совсем приятную новость»: «Молоствовы сняли другую квартиру и заявили, что 10-12 января съедут. Объясняют плохими печами. А когда я пришёл к ним, у меня оказалось 16 <градусов>. Оказывается, кто-то из их знакомых уезжает, и они спешат захватить более для них подходящую квартиру. Только зачем бесславить нашу?»⁷¹.

Но, пожалуй, всё-таки самым насыщенным временем в жизни усадьбы для бостромовского периода стали 1904-1906 гг.: выезжающие и вновь вселяющиеся квартиранты, ремонт то одних, то других квартир, продажа разных товаров и самые различные услуги и т. д., и т. д. Замечательно и то, что А. А. Бостром и А. Л. Толстая, часто бывающие в эти годы в разъездах то по одним, то по другим делам, с большей или меньшей степенью подробности останавливались на всех этих вопросах в письмах друг к другу, что даёт нам сегодня возможность проследить, чем жила усадьба и её обитатели в этот период. Но первое упоминание усадьбы Бострома в обозначенные годы имело место всё-таки не в переписке, а в газетном объявлении, увидевшем свет в июле 1904 года: «Продаётся киргизский мерин. Саратовская, № 165»⁷². В середине сентября этого же года, жалуясь на то, что он «завертелся», Бостром рассказал, как и почему это произошло: «Без настоящего дворника довольно тяжёлая вещь это – вставка

⁷⁰ СЛМ. КП-401.

⁷¹ СЛМ. КП-397.

⁷² Самарская газета. 1904. 10 июля. № 149. С. 3.

рам. Завернули холода, все запросили сразу. Вставляем – целая эпопея. Бегаю по чердакам, разыскиваю перемешанные рамы, а главное – стаскиваю их с Васьком, так что потом спина болит. А квартирантам всё не угрожу. С Вирбшей преуморительная даже переписка завелась»⁷³.

Дальнейшие домашние новости, которыми делится Бостром в письмах к жене, написанных в этот период, в основном касаются двух моментов – устройства собственной, хозяйской, квартиры и быта, и – взаимоотношений с квартирантами. Остановимся на каждом из этих моментов отдельно и начнём с первого из них – организации собственной, хозяйской, жизни владельцев усадьбы. Здесь тоже в свою очередь несколько вопросов, которые то встают на повестке дня, то снимаются с неё, отесняясь другими, более актуальными. Среди этих вопросов обустройство хозяйской квартиры и приобретение необходимых вещей либо замена их другими, взаимоотношения с прислугой и другими нанятыми с какими-либо целями рабочими и т. п., гости, посещающие или останавливающиеся у владельцев усадьбы, а также ещё некоторые другие, более частные вопросы.

Так, в начале октября 1904 года Бостром отчитался в письме к жене о домашних делах следующим образом: «Сегодня я произвёл лично генеральную чистку квартиры. Везде выметал, всё отодвигал, гору мусора и пыли вымел. Все комнаты до Шуркиного вставания, а Шуркину комнату вместе с ней. Кстати, обе постели обыскали и стены: несколько клопов нашли и казнили. Мне очень интересно, надолго ли сохранится чистота после такой уборки, и много ли труда придётся прикладывать для её поддержания?»⁷⁴.

⁷³ СЛМ. КП-6331/1.

⁷⁴ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/100.

А. Л. Толстая, даже находясь в отъезде, также активно участвует в вопросах обустройства квартиры, высказывая, например, такие соображения: «Милёночек, телёнок у тебя за кухней, а не испортит ли он сундука? Надо бы сундук поднять на подставки, а то под него подольёт. Насчёт устройства, кажется, надо бы сделать так: подъёмный умывальник на кухне для того, чтобы людям и тебе мыть руки несколько раз на дню, Шуркин шкафчик с игрушками в столовую, а умывальник на его место, как мы и раньше проектировали. Я, Шура и ты по утрам будем мыться в спальней. Только столик умывальный надо такой, чтобы под него подсовывалось и биде. Ещё надо порядочное ведро для сливания воды, которое тут всегда бы стояло. Всего лучше эмалированное с ручкой, можно требовать, чтобы его чистили, и оно тогда не будет вонять. Для полотенец купить деревянные развилочки, они стоят пустяки, а очень красиво»⁷⁵.

Обрадовался, прочтя это письмо жены, и Бостром, немедленно отчитавшийся об исполненном и неисполненном: «Милая мамунюшка, получил твоё письмо с инструкциями по домоводству. Очень рад, что ты даже из Питера думаешь о нашем гнезде. Только, Сашуня, я уже распланировал по-иному. Не буду писать как, уж назад не вернёшь. Да думаю, что тебе понравится. Против твоей планировки то, что на месте Шуриноного шкафчика не может поместиться умывальный стол, под который ставится ведро и биде. Ну да ладно, не понравится тебе... назад стащим <...> Устраиваю нашу квартиру, как получше. Когда это бывало: нашу квартиру! Всё, бывало, квартиранты!»⁷⁶.

Мысли об устройстве «нашего гнезда» не давали покоя Бострому и дальше, и он обо всём немедленно и подробно пишет

⁷⁵ СЛМ. КП-215/5.

⁷⁶ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/104.

жене в Петербург: «...в своей квартире я так распланировался. Ты ведь помнишь, какое оказалось нужное требование, чтобы комнату за кухней можно было предоставить дворнику? Итак, сделал вот что. Уничтожил часть шкафа стенного в коридоре, ту часть, в которой висели твои платья, и устроил здесь твой умывальник. Вышло, право, недурно. В коридоре в обеих дверях крючки, чтобы ты могла запирается на время умывания. А биде твоё будет в сортире, где для него достаточно места. Для платьев же твоих я собрал платяной разборный шкаф. Сначала я решился его продать, а купить тебе поменьше новый. Я присмотрел хорошенький за 17 рублей 50 копеек. Но за наш давали только 5 рублей. Я снял его с чердака и починил, отмыл, словом, реставрировал, потому что хотят взять его Тейсы за 8 рублей. Вот теперь и не знаю, что делать. Как бы не пожалеть, что променял большой на малый да ещё с придачей. Но по нашим комнатам наш ужасно громаден. Напиши, мамуня, скорее, твоё мнение. Впрочем, если Тейсы пришлют, я отдам, неловко слово назад брать. Но если не пришлют Тейсы, то я погожу до твоего письма. Если ты согласишься со мной, я сейчас же покупаю новый поменьше за 17 рублей 50 копеек, а о своём сделаю публикацию. Теперь, в таком виде, как я его оправил, я уверен, что дадут 10 рублей. А публиковать всё равно не мешает, о продаже дивана и кое-чего ещё. Надоело лишнее в комнатах, представляющее распад ввиду уборки. Итак, не забудь, сейчас же напиши, мне хочется до твоего приезда убраться со всем этим хламом. Я почти уверен, что ты даже обрадуешься моему проекту»⁷⁷.

Обрадовалась ли этому проекту А. Л. Толстая – неизвестно, а вот Бостром меж тем продолжил активно заниматься обустройством квартиры и рассказал жене следующее: «Я только

⁷⁷ СЛМ. КП-404.

что сегодня послал тебе письмо с вопросом по поводу шкафа, а вопрос решился сам собой, потому что пришла Аделина Владимировна, и я посоветился пятиться. Завтра же куплю тебе другой, поменьше»⁷⁸. И завтра – настало: «Сашуничка, а я ведь шкаф-то купил. Все говорят – недорого. Поменьше нашего, но всё же не маленький. Милая, живя теперь в твоей комнате, я вижу, что когда Шура дома, то в твоей комнате буквально нельзя заниматься, потому что у Шуры все вещи в спальней. Я что думаю. Ведь зала у нас теперь совсем ни к чему. Мы сидим или в столовой, или, если гости, – в твоём милом кабинетике. Так пусть Шурины игрушки будут в зале. Пусть играет там. Это и ей лучше, и для спальни гигиеничнее. Напиши мне, если ты этот проект одобряешь. Мне это нужно знать в видах продажи кое-какой мебели. Я кое-что уже продал и на эти деньги купил шкаф. Хочу ещё продать что похуже, теперь есть спрос на старьё по случаю приезда офицерских семейств. А мне всё равно из дома отлучаться нельзя, так заодно уж устроить получше и поудобнее. Ты приедешь, – и у нас всё готово, убрано. Начнём жить, заниматься. Теперь у меня хаос, и я никак не могу распределить так, чтобы каждая вещь службу служила»⁷⁹.

Диалог об устройстве хозяйской квартиры, начавшийся в конце сентября – начале октября, длился и в ноябре: А. Л. Толстая продолжала жить в Петербурге, занимаясь решением литературных вопросов и устанавливая знакомства с редакторами и сотрудниками различных изданий, а её муж, А. А. Бостром, не сидел меж тем, сложа руки, всё время хлопоча и отчитываясь в письмах. По всей видимости, эта активность мужа несколько обескураживала А. Л. Толстую, которая пыталась, сколько это

⁷⁸ СЛМ. КП-406.

⁷⁹ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/108.

было в её силах, сдержать его хозяйственный пыл – например, так: «Ты меня спрашиваешь насчёт устройства нашей квартиры. Мне кажется, что неудобно Шурину игру поместить в гостиной. Без меня, конечно, мой кабинет может тебе служить приёмной, а когда я дома, сижу неодетая, занимаясь с разбросанными бумагами, где же мы примем пришедшую гостью или человека по делу от тебя? Надо будет требовать от Шуры немислимого для ребёнка порядка. Мне казалось бы сделать так: из столовой шифоньерку перенести в спальную и поставить на место Шуриногo шкафчика, а шкафчик на место шифоньерки. Всё равно мы в столовой никогда не сидим, а только едим, Шура могла бы там играть на жёлтом ломберном столе. Это приучило бы её не вываливать игрушки на пол, она уже достаточно велика для того, чтобы играть за столом. Таким образом, у нас получится по комнате для занятий и одна нейтральная для приёма гостей. <...> в старом сундуке на низу лежит тюлевая занавеска. Целыми у нас только две в одно цельное полотно, найди их, дружок, для гостиной, отдай прачке накрахмалить и повесь, а то у нас гостиная очень уж убогая. Ты помнишь, что мы хотели обить новой материей мебель Михайловского, а нашу гостиную продать. Хорошо бы её продать, пока на неё есть спрос»⁸⁰.

Тем временем не бездействовал и А. А. Бостром. Так, в начале ноября он писал: «Сашурочка, ты пишешь о распланировании в квартире. Я не дождался ответа, мне показалось, что времени много прошло, и что ты не хочешь об этих мелочах писать. Я устроил по-своему, но, конечно, всё можно будет переделать, что тебе не понравится. Кое-что сошлось с твоим письмом. Именно: я шифоньерку перенёс из столовой в спальную, но только Шурин шкафчик оставил там же. Знаешь, когда унесли

⁸⁰ СЛМ. КП-216/1.

шифоньерку, сразу столовая стала светлее и просторнее. Ты пишешь: мало мы бываем в столовой. Кажется, ты ошибаешься. Мы подолгу даже с гостями сидим за чаем. И простор, и чистота в столовой – очень важная вещь, особенно потому что она у нас не совсем светлая. Я устроил Шуру шкафчик для игрушек в зале. Что из этого выйдет – посмотрим. Во-первых, это – некоторый стимул для неё к порядку. Во-вторых, я утешаюсь, что хоть для чего-нибудь служит наша праздная комната – зала. Затем – Шура просторно. А какие у нас гости? Быть может, когда ты приедешь, будут и гости, ну тогда увидим. А теперь моя жизнь так неразлучна, так слилась с Шурой, что помехи пока не видно. Правда, зала у нас некрасива, да ну её. Теперь центр – в твоём кабинетике. Затем постараемся, чтобы в спальне твоей ничего, кроме спального, не было, это будет даже хорошо для твоего кабинетика. Тебе заниматься в кабинетике лучше будет, если обе твои комнатки будут чистые, и заодно – уединённые. А уж мои комнаты — как удадутся. Очень я над двумя вопросами гадал. Да без тебя не решился. Во-первых, трахнуть фортепиано по боку. Это даже ты предполагала. Но тут у меня следующие препоны: скоро ведь, быть может, Шурочке оно потребуется. Зачем лишать её козыря в жизни? А во-вторых, вспоминаю я старую тётку, уже слепую и отводящую душу за роялью по памяти. Думается, и я скоро буду слепой. Пожалую о рояли. А уж если иметь рояль, – так нас самый подходящий. И кроить можно, и не жаль, и к тону его мы привыкли, и дёшево, и покупателя на него не найдёшь. Вот сколько за ним достоинств. Вторая заковыка: подставник под зеркалом. Эдакая растопырка – не даёт ничего поставить и праздно место занимает. Если бы ты позволила, я бы его, т. е. подставник, переделал. Оставил бы красивый верхний ящик для цветов и отрезал бы нижний, далеко выдающийся, и у нас всегда пустой. Разреш, – я сию же минуту. И у окон можно будет тогда что

хочешь ставить; а то он только пыль в себя ловит. Право, будет даже красивее, не говоря уже о просторе. Обивать мебель потому и не решаюсь, что не знаю, какую. Никуда эти мягкие скамеечки не умещаются. А если подставник урезать, то скамеечки поместятся»⁸¹.

А это уже середина ноября и – новые хозяйственные проекты Бострома: «...уборка начинает показывать свой конец. Мысленно, по крайней мере, всё распланировано. Ведь я сообразил, почему мне так трудно убираться. Да потому, что наши квартиры приноровлены ведь к режиму интеллигентных пролетариев, а мы по духу-то хоть к ним же принадлежим, а по жизни – нет. У меня и хозяйство, и хранение садового делопроизводства, и семейно-педагогический кружок. И обстановка у нас не подобранная к требованиям наших условий существования, а случайная, наследие крепостного права, с одной стороны, из Тургенева, и помещичьего разгрома – из Сосновки. Такой винегрет, что разобраться трудно, да, правду сказать, – мы были полны такими интересами, что до этих – и дело не доходило. Но, я думаю, что в сущности это незаметно мешало, предопределяло беспорядок, а потому и непроизводительную трату времени. Убрали твою комнату-кабинетик, и сейчас же уютнее стало. Мы в наивности даже не замечали, как должны были резать глаз наши сосновские шкафы простого дерева. Теперь в окончательной моей уборке комнат задерживает лишь то, что относительно кое-чего хочется с тобой решить. Но это ничего. От этого у нас только временно побудет слишком много мебели. Так, две дюжины стульев. Какую ты забракуешь – такую и продадим. И ещё: я только что упорядочил Шурин шкафчик простого дерева. А случайно дёшево купил ей

⁸¹ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/110.

комод. В комнате, конечно, гораздо стало приличнее. Но, правду сказать, – шкафчик удобнее. Остаётся на твой выбор»⁸².

Три заключительных письма, касающихся осеннего обустройства хозяйской квартиры, датируются уже серединой и концом ноября 1904 года. В письме от 14 ноября из Петербурга в Самару А. Л. Толстая сообщила мужу своё мнение «насчёт зеркала»: «Дружочек, как-то рука не поднимается перепилить подставку. Ты лучше вот что сделай: убери её вовсе вон, зеркало повесь по стене и под ним поставь один из столов красного дерева. А подставку до лучших времён убери на чердак, она ведь, в самом деле, страшно много места занимает. А то ещё можно вот как: сняв долой подставку, оставить зеркало на его месте и перед ним наставить цветов. Впрочем, если ты думаешь, что не обезобразишь подставку, – я и на переделку её согласна, только не могу себе представить, что это было красиво, и жаль испортить старинную вещь»⁸³. Получив это письмо Бостром так же незамедлительно отреагировал на него: «Сейчас получил твоё письмо относительно зеркала. Спасибо, – всё, что мне нужно. Теперь ответь и, пожалуйста, телеграфом вот о чём: тебе твой стол слишком мал. В ящиках листы бумаги даже не помещаются. Размер комнаты вполне позволяет поставить к тебе стол, который был мой. Если согласна, – телеграфируй только три слова: “1) Самара, 2) Бостром, 3) красный, синий, зелёный,.. Это будет означать твоё согласие и выбор цвета, какого сукна желаешь, чтобы я обил его. Я думаю, лучше не синий, чтобы не дисгармонировал с мебелью твоего кабинета. Лучше зелёный, если найду тёмный, или красный – малиновый, это тоже пойдёт к зелёной мебели. Пожалуйста, сделай это в этот день, как получишь это письмо.

⁸² ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6332/2.

⁸³ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6311/117.

Ведь несколько копеек на телеграмму. А мне хотелось бы отделать его к твоему приезду. А твой стол мы отдали бы Шуре. Ей как полезно было бы иметь свой стол, тем более что она теперь занимается в зале. Если же, Сашуня, тебе такой проект не нравится, – всё-таки телеграфируй: “Не желаю,»⁸⁴. А точку в этом «домоводческом» сюжете поставило ещё одно петербургское письмо А. Л. Толстой, которая резюмировала так: «Насчёт стола ты прекрасно придумал. Мой столик мне действительно мал, ящики узки, и негде на нём расположиться с бумагами, а мне иногда приходится раскладываться. Мне бы хотелось, чтобы ты его покрасил в чёрное, под стать к остальной мебели, а ведь его всё равно, обивая, надо покрасить. Шуре тоже недурно иметь столик. Только где ты его поставишь? Вот ещё просьба, дружочек. Устрой, чтобы мне у стола от форточки не дуло, а то я всё время буду сидеть близко от окна, как бы не простудиться, в прошлом году дуло»⁸⁵.

Отдельное место в письмах этого периода, как уже было сказано выше, принадлежит теме найма прислуги и взаимоотношений с нанятыми. Взаимоотношения эти складывались не всегда одинаково ровно, то накаляясь, то снова разряжаясь и становясь спокойнее и дружелюбнее.

Так, в письме от 21 сентября 1904 года на Бострома свалилась новая беда, о которой он рассказал жене так: «...дела мои плохо продвигаются. Мой придворный маляр запил. Оказывается, он – запойный, но целых четыре года не пил. Я немало повозился с ним, хотелось поддержать его. Я запираю его в комнате за кухней, давал ему водки мерой, поил чаем, кормил. Но уход мой оказался пухом, потому что Васька (как оказалось после) бегал и приносил

⁸⁴ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/136.

⁸⁵ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6311/119.

ему водки. Так, кроме деморализации в доме, ничего из моих гуманностей не вышло. Сегодня пришла его жена искать своего запойного. Придётся нового искать. Чуть и с Васькой не расстался. Оказывается, он тоже пил с маляром, начал курить, и, вообще, приходится натягивать вожжи. Марья по этому случаю ничего не понимает. Стала целый день смеяться и охальничать. Пришлось и её приструнивать. Каково в эдакой компании мне оставлять Шуру, если приходится уйти?»⁸⁶.

Тогда же, в сентябре 1904 года, Бостром сообщил жене, что он «помирился с Марьей»: «Знаешь, что послужило мировой? Вчера она спрашивает жалования. Я спрашиваю – почём она живёт? Она говорит, – я не знаю, я не рядилась, сколько положите. Я спрашиваю: три рубля будет? – Ах, что вы, я за четыре жила... Когда дал пять в месяц, она обрадовалась и благодарила. Теперь я к ней совсем другую мерку предъявляю и, пожалуй, соглашусь переносить её сальности, т. е. жареное на сале»⁸⁷. Однако, примирение оказалось краткосрочным, и уже три дня спустя Бостром подвёл черту во взаимоотношениях с прежней кухаркой: «С Марьей окончательно расхожусь. Она сама уж видит, что мы её готовленья не едим, просит расчёт. У меня кандидатки есть, не знаю, на какую решиться. Списать бы, <но> время не терпит. Марья уже завтра хочет уходить, знаешь, как это у них – сейчас же приспичит <...> Вот чего я боюсь, как я Марью буду отпускать. Я не знаю, что ею сдано. И ещё боюсь – твои платья. Что ты взяла и что оставила?»⁸⁸.

В самом деле простившись с Марьей, Бостром принялся за хлопоты, о которых рассказал так: «...убираюсь я в комнатах для

⁸⁶ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6331/2.

⁸⁷ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/97.

⁸⁸ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/98.

того, чтобы не фразировать новую женщину, которая должна завтра поступить. Чтоб у неё не пропала энергия при виде хаоса в комнатах. Кандидаток было много. Я остановился на одной, прожившей два года у твоей знакомой барыни <...>. Господа переводятся в Николаевск и очень одобряют женщину. При ней девочка девяти лет, ходит в городскую школу, премиленькая. Нам всё это идёт. У Шуры будет товарка, которая будет кое-что матери помогать. Главное, женщина степенная, можно будет дом оставлять. А то Вася, хоть хороший мальчик, его кидает и туда, и сюда. На него слишком расположиться тоже нельзя. Со страхом жду завтра. Аось окажется такая, что и ты мне по возвращении «спасибо» скажешь <...> Жалованье я положил пять рублей и шестой на чай. Обещал, что когда ты приедешь и будешь довольна, – то прибавим. В самом деле, хоть на содержание девочки и будет расход, но она сама его заслужит, а ведь дорого стоит хозяйственность, особенно как у нас корова. И тебе больше времени будет оставаться. Только бы не обманула, пришла»⁸⁹.

Увы, ожидания Бострома не сбылись, о чём он и рассказал в одном из своих писем, написанных уже в начале октября: «Мы с Шурой сидим совсем без женщины. Обещавшая прийти обманула. А Марья, конечно, не стала ждать, – ушла <...> Женщины ещё не предвидится. Но мы с Шурой и в ус не дуем. В кухне у нас шурует Василий, самовар ставит, обедать ходим куда-нибудь. Да, ночью у нас корова отелилась. Тёлка. Мы с Васей поочередно сторожили, и всё слава Богу. Доить я пригласил Шештелёву (глухую) <...> Надеюсь, что навернётся хорошая женщина. Кое-какую брать не буду»⁹⁰.

⁸⁹ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/99.

⁹⁰ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/100.

Наконец, неделю спустя вопрос с новой кухаркой был как будто бы закрыт. «Поступившая женщина пока меня очень удовлетворяет, – писал Бостром. – Боюсь только, что она не совсем здоровая. Двигается медленно. Попадаются на полу кровавые пятна, которые она тщательно замазывает. Это будет очень жаль: как она будет зимой корову доить? Но очень важна именно теперь знающая женщина. Ведь у нас ещё с наследства Ефросиньи на погребке, кладовой и чулане, словом, в самых основах домашнего хозяйства, – дым коромыслом. Мы начинаем с ней прибираться и так устраивать, чтоб впоследствии можно было поддерживать порядок. Может быть, у нас и молоко оттого не продавалось, что помещение для него не устроено. Полка между дверями, где назначалось помещать молоко, – служила вместе с кухаркам складом костей для продажи татарам и грязных тряпок. Хочу их устроить лучше и выкрасить светлой краской, чтобы легче требовать чистоту. Шкафы, заставленные бутылками в сенях, вовсе изъять и сделать полки, чтобы можно было бороться с мышами и тараканами. В чулане тоже устроить порядок. И будем потом иногда наблюдать. Сделал кое-какой запас кореньев, сложил в подвал. Не забыть только вовремя заделать вытяжную трубу, чтобы не замёрзло. Пока ещё рано. Замки купил хорошие и сдал на хранение»⁹¹. «Наша степенная матрона – кухарка – ничего себе, – с видимым удовольствием констатировал Бостром вскоре. – Жить можно. Всё не торопясь, но аккуратно делает»⁹².

Впрочем, радоваться Бострому пришлось совсем недолго, и уже в конце октября он с огорчением сообщал, что есть у новой кухарки, которая «очень степенна, хозяйственна, порядочна», и «дурная сторона»: «много у неё родных». Дурно и то, что «она

⁹¹ ОР ИМЛИ. Ед.хр. 6330/102.

⁹² ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/104.

знает Шурино происхождение» (Шура была крестьянской девочкой, взятой на воспитание А. А. Бостромом и А. Л. Толстой – М. П.) и в силу этого «невольна она пренебрежительна к ней». Из всего этого автор письма снова делает неутешительный вывод: «Вероятно, с твоим приездом придётся искать другую, порасторопнее. Очень бы хорошо найти мать с дочерью-подростком. Я ведь часто обхожусь без слуг, иногда сам и комнату вымету, мне важнее всего степенность и хозяйственность, чтобы было, на кого дом оставлять»⁹³. А всего две недели спустя неопределённое предположение уже сменяется уверенностью: «Очень бы не мешало сменить мне женщину-кухарку. Хоть она и степенная, и готовит недурно, – но она всё-таки нехорошая, злая женщина. Шуру она поэтому любить не может и без меня непременно простудит. Да и где возьмёшь кухарку-человека? Шура тихо её не любит. Шура чувствует недобрую в ней женщину»⁹⁴. Но А. Л. Толстая в ответном письме из Петербурга была настроена менее категорично: «Насчёт кухарки я вот что думаю: если она хозяйственна и хорошо готовит, то не стоит её менять, при мне она не может повредить Шуру. А ведь по приезде не захочется тотчас войти в хозяйственные дразги и начать обучать плохую кухарку, захочется побольше побыть с вами, сходить к знакомым, начать писать»⁹⁵.

И в заключение этой части – ещё два слова о «хорошем мальчике» Васе, как назвал его в одном из писем А. А. Бостром. Вася служил у Бострома дворником, помогая, как мы видели, по хозяйству и в других делах также («самовар ставит», «поочерёдно сторожили» корову, готовую отелиться, и т. д.). В письме к жене

⁹³ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/107.

⁹⁴ СЛМ. КП-405.

⁹⁵ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6311/119.

от 7 октября 1904 года Бостром дал своему помощнику такую характеристику: «Теперь ломаю голову вот над чем – дворничье помещение, как ты знаешь, переделано на квартиру. Значит, дворник должен быть в кухне. Рубикон перейдён, возврата нет. Теперь из-за этого осложнений нет, потому что Вася – мальчик покладистый. Но и теперь уже случается. Его смущают, что дёшево нанялся. Что он жил, надо, чтобы у нас такое было положение, чтобы мы могли взять и другого. Между тем нелегко напасть именно на такого. Большинство понимающих дворников неудобны для кухни, а без дворника нам ни минуты обойтись нельзя, сейчас же завопят квартиранты: “Воды!..”. Итак, комната за кухней должна быть готова всегда поместить в себе дворника с его валенками, портянками и т. д. Значит, конец нашей умывальной комнате. Как же это устроить, где умываться, главное, тебе? Если устроить разные умывания, в разных местах, – опять лишняя уборка. Во всяком случае, приходится тронуть что-либо из того, как было устроено ранее»⁹⁶. Таким образом, решение одного вопроса неминуемо было связано с постановкой многих других – как вполне серьёзных, так и несколько комических. Именно к последним относится ситуация, имевшая место в середине октября и таким образом описанная Бостромом: «На днях у нас ночью Васька сбежал. Приехали сортировщики, – так он выходил, ворота отворял. Только на беду вторая беда. Ворота он отворил, – корова у нас и ушла. Я за ней полночи пробегал по городу. Оказалось, ей потребовалось жениха, это через две недели после отёла-то? Ну, всё кончилось благополучно. Корову нашли. Васька вернулся, на счастье, не пьяный. Оказалось – ушёл без спросу в цирк. Ну – в ногу. Я отчески его за уши, проборку ему, а потом самовар ему поставил, т. к. он продрог. В одной поддёвке весь вечер вокруг

⁹⁶ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/102.

цирка щеголял. Денег-то не было войти. Всё это, в конце концов, хорошо. Если бы другой <был на его месте>, давно раздобыл бы денег, мало ли вещей у нас по двору валяется»⁹⁷.

Следующий сюжет, к которому хотелось бы обратиться, – это сюжет квартиросъёмщиков, которых и у Бострома также было немало. Об одних из них мы уже говорили, а о других скажем далее.

В письме от 21 сентября Бостром рассказал жене о такой своей неудаче, связанной с попыткой сдать квартиру на выгодных для него условиях: «Сегодня читаю объявление: немка ищет стол и квартиру за занятия, пошёл ей предлагать. Ну, дело не сошлось. Как раз в те часы занята, когда нужно побыть с Шурой. Как-нибудь уладится»⁹⁸.

А буквально несколько дней спустя в квартирной эпопее домовладельца Бострома начинается новый сюжет, доставивший ему немало хлопот и волнений. Центром этого сюжета, сколько можно понять из отдельных оговорок в письмах Бострома и Толстой, выступала квартира во втором этаже флигеля, расположенного в глубине усадьбы: до сих пор это помещение занимал дворник, но теперь было принято решение сдавать внаём и его тоже («дворничье помещение <...> переделано на квартиру»), – вот об этой «новой квартире» и идёт речь в ряде осенних писем 1904 года.

«Хлопочу вот о чём, – писал А. А. Бостром жене 26 сентября. – Я писал тебе, что сдал новую квартиру по 15 рублей. Ну, дело разладилось. Потребовали погреб, сарай для лишних вещей и т. д.,

⁹⁷ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/104.

⁹⁸ Там же. См. следующее объявление в «Самарской газете» за 21 сентября: «Интеллигентная немка ищет уроков за квартиру и стол. Новособорная, д. Грегуар, кв. Горис» (Самарская газета. 1904. 21 сентября. № 206. С. 3).

чего у нас нет. Теперь я новь сдал квартиру на более хлопотливых для меня условиях. Я обязался её обмобелировать, сделать занавески, дать самовар, посуду и дрова. Ценой договорились 23 рубля в месяц. Жить будут два артиллериста и денщик. Хлопотно сейчас всё устроить, они торопят, приезжие, потребовали сделать чуланчик, как я предполагал. Ну, зато не надо рыть погреба до весны, когда это дешевле и удобнее. За этими хлопотами дома у меня полное столпотворение. Об уборке комнат и речи нет»⁹⁹. Увы, дело со сдачей квартиры на этот раз не сложилось, о чём и сообщил А. Л. Толстой расстроенный Бостром: «От квартиры второй квартирант слизнул. Приехали офицеры – зачем пол невысок и т. д., я предложил задаток вернуть, они взяли. Тем дело и кончилось»¹⁰⁰.

Живя в Петербурге, А. Л. Толстая, как могла, участвовала в хлопотах мужа – советами, предложениями и просто сочувствием. «Мне очень жаль, что ты столько хлопот наделал себе с новой квартирой, – писала она в письме в Самару 30 сентября. – Если нужны тюлевые занавески, то у меня в гардеробе, где мои платья хорошие, на низу лежат старые занавески. Их попортили мыши и для наших больших окон они не годятся, но на маленькие можно выбрать. Надо их отдать накрахмалить»¹⁰¹.

А в первых числах октября на сцену выступил новый персонаж, также претендующий на квартиру во флигеле. «Сашурочка, дорогая, кажется, два дня не писал тебе, – каялся Бостром. – Это из-за актрисы. Всё время актрисой занимался, и завтра ещё целый день заниматься. Конечно, догадываешься, что я сдал квартиру актрисе и сегодня уже поместил её. А так как я

⁹⁹ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6331/3.

¹⁰⁰ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/98.

¹⁰¹ СЛМ. КП-217/1.

научен опытом с офицером, что от квартиры отказываются из-за того, что не всё сразу готово, – то я сегодня прыгал, как угорелый. Сам окна мыл, чтобы поспеть вставить зимние рамы, всё вымыть, внести мебель, – словом, напоить актрису чаем и уложить спать. Завтра предстоит мне работать ламбрекены, чего от роду не делал. А надо, обещал. Хочется актрисе, чтоб у неё совсем хорошенькое помещение было. Пришлось кое-чем поступиться. Даже твой эмалированный таз и кувшин отдал (тебе куплю новый). Нельзя не дать. “Я, – говорит, – люблю, как утка плескаться!,,. Многое кое-что по мелочи придётся добавить. Зато и цену взял 25 рублей. А ведь что это было, ты только вспомни. По всем первым признакам, женщина неплохая. Надо постараться, чтобы ей неплохо было»¹⁰².

По-видимому, хлопотами об этой же «новой квартире» Бостром занимался и далее, сообщая: «Сегодня с остервенением шью занавески для квартиры, сданной с мебелью. В этом шитье я теперь вижу своё дело, всё дело, которое лишь суждено»¹⁰³. Но и на этот раз хлопоты, увы, оказались напрасными, о чём Бостром рассказал жене буквально на следующий день: «Меня, должно быть, опять хозяйственная беда пристегнёт. Вообрази: моя актриса так мило устроилась – вдруг сырость показалась. Да ведь не маленькая! Придётся, пожалуй, оставить квартиру. Ей не хочется. А мне – и говорить нечего. Но я и сам не посоветую оставаться в сырости. Не знаю, что будет?»¹⁰⁴.

И хозяйственная беда – «пристегнула», и не она одна. «Она уже и не моя, не наша квартирантка, – писал Бостром 17 октября. – Сегодня <...> её и след простыл. Съехала. В одной стене показалась сырость – это правда. Но, кажется, это не главная

¹⁰² ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/101.

¹⁰³ СЛМ. КП-406.

¹⁰⁴ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/104.

причина. По крайней мере, есть и другая. Дело в том, что с приезда она, видимо, очень экономничала, поэтому решила занять нашу квартиру – бывшую дворницкую. А теперь её делишки, должно быть, поправились. Приезжал из Саратова инженер, которого она мне рекомендовала гражданским мужем. Он уехал, – стала навещать её вся театральная комиссия: Михайлов, Подбельский, Головкин и т. д. Представь этот приём актрисы в нашей дворницкой! Слишком понятно, что она съехала. А тем не менее, мне от этого не легче. Прежде всего, надо заняться сушкой стены; теперь ещё труднее будет сдать квартиру, т. к. слава пошла, что она сырая. Я не теряю надежды. Я думаю, что это штукатурка в одном месте не просохла. Но если и удастся устранить сырость, нелегко будет найти квартиранта, которому нужна вся сделанная мебелировка. Ты не думай, что я извёл обивку, так тебе понравившуюся. Нет, правду сказать, ту квартиру я отделывал на шаромыжку. Приедешь – увидишь. Больше – по части выдумки»¹⁰⁵.

Проводив совсем недолго прожившую у него квартирантку, Бостром принялся за решение хозяйственного просчёта в ремонте квартиры, о чём также аккуратно ставил в известность находящуюся в Петербурге А. Л. Толстую. «Собирал-собирал актрису – съехала. Правду сказать, я рад. Обнаружилась одна ошибка в ремонте, благодаря которой и появилась сырость. Надеюсь управить, сырости не будет, но ведь переделку эту можно делать только без квартиранта. Конечно жаль, что реноме квартиры испорчено. Ну, сухо будет – реноме поправится»¹⁰⁶.

Сообщения из Самары, разумеется, тревожили А. Л. Толстую, которая как могла помогала советами и примерами из прошлого

¹⁰⁵ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6331/4.

¹⁰⁶ СЛМ. КП-404.

опыта: «Милый Алёшечка, хочу тебе напомнить, как мы боролись против сырости у Шигаева. Во-первых, не слушайся, сырость не может быть основательная, а только в поздно положенной штукатурке. 1) Надо усиленно топить, открывая форточки, и потом вовсе не закрывать печи. 2) Отставить мебель от стен. 3) Поставить в углах негашёную известь в плоских посудах. 4) Самые сырые места протапливать лампой-молнией»¹⁰⁷.

Несколько дней спустя, окрылённый удачным, как ему казалось, исходом ремонтных работ, Бостром писал: «Спасибо, мамуня, за совет против сырости. Я уже справился с ней. Высушил и новой панелью оклеил. Сегодня почти сдал вновь квартиру. Вот беда: у нас ещё квартира опрастывается. Часть артиллерии переводят в Саратов, – так офицер из переднего дома уходит»¹⁰⁸. Но и радовался, и расстраивался домовладелец Бостром, как показало время, напрасно – сушка не только не удалась, но и едва не обернулась ещё большей бедой, а освободившаяся в «переднем доме» квартира пустовала совсем недолго. Обо всём об этом и идёт речь в следующих письмах из Самары в столицу: «Сашуня, у меня горе. Я сделал то, что мне посоветовали для просушки стен в новой квартире, оклеил новой панелью. А сырость вновь проступила. А квартиру спрашивают, а я не показываю. Буду теперь по твоему способу сушить»¹⁰⁹. И – ещё: «А у меня, Сашуня, всё не ладится. Я уж про себя говоря, как в „Вишнёвом саду“, что я – двадцать два несчастья. Стал я лампами сушить квартиру и чуть пожар не наделал. Горели три лампы, и ладно бы всё. Только пошли мы туда с Шурой, и уж не знаю как, – одна лампа подвернулась на бок, опрокинулась и запылала. Льётся керосин по полу, и всё пылает.

¹⁰⁷ СЛМ. КП-215/12.

¹⁰⁸ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/107.

¹⁰⁹ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/108.

Шура выбежала, кричит: „Пожар!“. Побежал народ с вёдрами к бочке. А я знаю, что водой керосин не утужишь, хуже сделаешь, вижу – площадь огня всё увеличивается, – снял с себя пальто и им утушил. Теперь и пальто изгадил, и лампа наша лучшая испорчена. Спасибо, пожара не случилось. Разве не правда, что 22 несчастья?»¹¹⁰. И – наконец: «У меня сейчас вот такая хозяйственная задача. Я писал тебе, что офицер из переднего дома уходит, их переводят в Саратов. Значит, придётся квартиру сдавать. Является съёмщик, как бы ты думала, кто? – Куроедов. Приехал и пристал с ножом к горлу: сдай ему две квартиры. Когда я наотрез сказал, что квартиранта из второй квартиры я сгонять не буду, – он хочет снять одну и маленькую во дворе. Ухаживает за мной, жена его у меня была, любезничает всюду, старую дружбу поминают и т. д. Но, представь, я, кажется, не сдам. Я предвижу, что это будет хуже, чем с Молоствовыми. Он едет с двумя горничными, поваром и своим любимым дворецким. А там видно, что жене хочется и рысака, а к масленице и тройку. Говорят, для этого снимут где-нибудь. Да ведь это всё теперь только говорится. А если вспомнить, что он – жила, что ласков, только когда я ему нужен... Он дошёл до того, что, когда выяснилось, что он разместиться со всеми дочерьми не может, то стал просить, чтобы я Маньку, т. е. старшую дочь, у себя поместил. Ну, с чем это соотносится? Нет, как ни приятна перспектива, что две квартиры не будут стоять пустыми, всё же я не сдам Куроедову. Ну их, грендов»¹¹¹.

Вопрос о поиске квартирантов и о непростых взаимоотношениях с теми, кто квартиры уже снял, ещё будет не раз и не два подниматься в переписке А. А. Бострома с А. Л. Толстой – и в 1904-м, и позже – в 1905-06 гг. И каждый раз в

¹¹⁰ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6331/7.

¹¹¹ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/109.

постановке этого вопроса будут фигурировать свои нюансы – более или менее существенные или частные, претендующие на то, чтобы стать настоящей проблемой, или – достаточно просто решаемые немедленно.

Так, в ноябре 1904-го Бостром рассказал следующее: «У меня вчера вот что было. Узнаю, что к Вирбшам идут обойщики. Спрашиваю – зачем? Комнаты переклеивать. Вижу – пьяные, несут обои, да плохие. Вызываю кухарку. Что это значит? „Не ваше дело, мы на свой счёт“. Велю доложить Вирбше. Запираются, и никто не выходит. Иду с парадного. Не вполне вежливое объяснение, что оклейка бывает разная, и что я не могу допустить переклейку без своего надзора, встречаю длинный монолог, что я притесняю и т. д. Насилу удалось объяснить, что никакого нет притеснения не желать пьяных оклейщиков. Что же потом узнаю? В комнате, которую стали переклеивать, лежал тифовый больной, а в других комнатах лежит ребёнок в кори. И в трансах мне даже не сочли нужным сказать об этом, предупредить <...> Не ожидал я этого от Вирбши. Сашуня, почему это артиллеристы такой симпатичный народ? Вот со вторым расстались друзьями-друзьями. Особенно последнее время как они были милы к Шуре. Все звали её, и Шура с восторгом говорит об их Боре! Т. е. ни на волос не отыщешь неделикатности. Чем это объяснить?»¹¹².

В апреле следующего, 1905-го, года в квартирном сюжете случился новый поворот: «Шефтеля съехали, потому что я отказался ремонтировать без надбавки цены, да ещё месяца не получать платы во время ремонта¹¹³. И вот как посчастливилось. Я сдал их квартиру на пять рублей дороже, и ремонт сделать в

¹¹² ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/111.

¹¹³ По всей видимости, с этим событием связано и появление в газетах следующего объявления: «Квартира, 5 комнат, 45 рублей, рядом с костёлом» (Самарская газета. 1905. 28 апреля. № 84. С. 3).

оплачиваемое время. Какая-то княгиня Мещерская, которую я не видал, а снимала дочь-опекунша. Переехали. Полы начали, и вдруг остановка – я уехал, и ремонт отсрочился – что-то из этого выйдет? Авань ничего. С Куроедовыми тоже налаживается. Я написал условие, и Надежда Алексеевна повезла для подписи мужу. Вот уж любезничала-то барышня-то со мной. Звала проехаться на пароходе. Но я, конечно, ничему не верю. Всё это для заключения более выгодного условия. Не кавалер же я её, в самом деле? Не найдёт ли она поинтереснее? Если Семён Борисович подпишет, – тогда наступит серьёзный ремонт, которым нельзя будет жертвовать даже для общественного дела, – ибо с этим ремонтом связана уплата процентов»¹¹⁴.

По всей видимости, как следует из дальнейшей переписки, Семён Борисович договор подписал, и Куроедовы сняли квартиру у Бострома, о чём последний рассказал жене так: «Куроедовы приехали. Отношения у нас самые хорошие, но отдалённые. Я только раз вчера был у них с визитом: они у меня были несколько раз, но всё заставляли как раз меня на выходе, так что я даже не приглашал раздеваться. Но как квартиранты, – пока нельзя желать ничего лучшего»¹¹⁵.

Тогда же, в мае-июне 1905 года, А. А. Бостром на некоторое время был вынужден уехать из Самары в Петербург, а, вернувшись, сообщил жене следующее: «Ну, больших скандалов с квартирантами не вышло. Только подпруда в сортирах, которую

¹¹⁴ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/118.

¹¹⁵ СЛМ. КП-415. Куроедовы снимали квартиру у Бострома, по крайней мере, до сентября 1913 года (см. об этом в письме Л. А. Суворовой А. А. Бострому: «Но какие ужасные люди Куроедовы, зачем Вы их выпустили? Разве нельзя было ремонт сделать летом?! Молчу. В виде компенсации Вы должны мне писать как можно чаще о ходе ремонта – побелили ли, покрасили и оклеили обоями и т.д.». СЛМ. КП-5573).

без меня, конечно, приняли за огромное несчастье. А новая квартирантка, перед которым я оказался таким изменщиком, – княгиня Мещерская – оказалась снисходительной. “Вызвали в Петербург”, – как говорит наша прислуга, это подействовало. Сегодня наладил продолжение ремонта»¹¹⁶. Увы, но «подпруда в сортирах» оказалась не единственной неприятностью, ожидавшей вернувшегося из путешествия домовладельца, и совсем скоро он поймёт это со всей очевидностью: «Квартиранты в том доме уехали. Здесь Шевтеля (так! – М. П.) объявили, что наняли другую квартиру, поменьше. Всё это ничего, но значит, надо приниматься за малярство... Я мечтал о другом»¹¹⁷. Но – мечты мечтами, а реальность реальностью, и с этой безжалостной реальностью предстояло считаться в первую очередь. Представляет любопытство и ещё одного его послание примерно этого же времени, обращённое на этот раз к приёмной дочери Шуре Первяковой: «Шурёнок, какие у нас хорошенькие девочки переехали в ту квартиру, где жила Нина Мышкина! Кажется, это будут для тебя хорошие товарищи»¹¹⁸.

Наконец, три последних сообщения о сдаче квартир в домах Бострома в период с 1904 по 1906 годы датируются октябрём-ноябрём 1905 года и январём следующего, 1906-го. В первом из них, содержащемся в письме от 23-24 октября, Бостром сообщил: «Знаешь, кто будет у нас скоро квартирантом в том доме? Ниночка Тихонович. Помнишь – Серебрякова?»¹¹⁹. А вот второе сообщение связано со сдачей той самой злополучной квартиры, которую некоторое время назад в течение совсем непродолжительного

¹¹⁶ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/140.

¹¹⁷ СЛМ. КП-417.

¹¹⁸ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6332/1.

¹¹⁹ СЛМ. КП-412.

времени занимала актриса и где хозяин самоотверженно боролся с сыростью, едва не устроив пожар в своей же усадьбе. «Сегодня радостное событие во внутренней моей жизни, т. е. по хозяйству, – докладывал он жене в письме от 7 ноября из Самары в Петербург. – Сдалась квартира во флигеле. Без окраски полов, за 25 рублей в месяц, без отопления. Таким образом, затраты на неё не оказались напрасными. Начинается от неё доход. Теперь, значит, отрезан рубикон. Не будет думаться о переходе в неё. Впрочем, получив твоё письмо, что ты не жалеешь, – я уже больше об этом и не думал <...> Теперь вот надо оклеивать наспех сданную квартиру. А тут Нина Тихонович приедет – их устраивать. Ну, а тогда уж я отдохну»¹²⁰. Наконец, третье сообщение содержится уже в письме, принадлежащем перу А. Л. Толстой и адресованном ею мужу: «Тихонович принёс 25 рублей, а там, говорит, жена сосчитается. Булочную сдала за 14 рублей, так, чтобы деньги на ½ месяца получить вперёд 15-го, а потом получить вперёд за месяц. До 15-го не платить, т. к. за это время он хочет сделать кое-какой ремонт, побелить, кое-что починить. А другой квартиры и не спрашивали. За маленькую квартиру получила 4 рубля и задаток за булочную 3 рубля»¹²¹.

Другим вопросом, помимо квартирантов, который не раз и не два поднимается в переписке А. А. Бострома и А. Л. Толстой в те же годы, был вопрос о гостях, в течение более или менее длительного времени останавливавшихся у Бострома или заглядывавших к нему на чашку чая. Так, в ноябре 1904 года Бостром поделился такой досадой: «Приходили у меня просить залу для какого-то чтения, ну, я сослался, что зала мала. Ничего из этих сборищ не выходит. Только хуже. Вот досада. Как бы наш

¹²⁰ СЛМ. КП-410.

¹²¹ СЛМ. КП-219.

семейно-педагогический кружок не распался. Очень уж все в разброде»¹²². А уже в декабре того же года, рассказывая жене о заседаниях семейно-педагогического кружка, членом которого он состоял в эти годы, Бостром сообщил следующее: «Сашуня, как у меня неловко вышло. Прошное воскресенье было сборище у Медведева. Интересное, расскажу при свидании. Стали говорить, у кого в следующее воскресенье? Я говорю: если не боитесь тесноты – у меня. Протопопов прокричал: “У Бострома”. Через две минуты Медведев подходит и говорит: “Многие говорят, что у вас тесно, – выберем другое место”. Я и отложил попечение. Вдруг, сегодня записка от Медведева – на какое число я зову гостей к себе: на сегодня или завтра? Оказывается, многие ко мне, было, собирались. Пришлось отказывать. Боюсь, что многие объяснят это не в мою пользу. Ну, что делать? У нас соберёмся, когда ты будешь дома. Ещё лучше»¹²³. И собрания в квартире Бострома не заставили себя ждать. Больше того – совсем скоро эта квартира стала тем местом, где они проводились постоянно. Так, в письме от 24 мая 1905 года из Самары в Петербург Бостром рассказывал следующее: «А сейчас я жду гостей. Обещал дать у себя приют учителям из Новоузенска в Самаре. Сколько приедут – не знаю. Вероятно, человек пять. Но ведь это народ невзыскательный. Хоть на полу лягут. Мне очень важно, чтобы они могли прибыть на наше собрание, а народ бедный, проезд и то дорого обойдётся»¹²⁴. «Одно меня утешает, – писал Бостром ещё в одном из писем примерно этого же времени, – это что уже давно моя квартира служит местом сборищ. Всё как будто пользу хоть этим приношу, да и в курсе нахожусь, меня не раз предупреждали, что вот-вот

¹²² СЛМ. КП-405.

¹²³ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/115.

¹²⁴ СЛМ. КП-417.

накроют незаконные сборища. Куроедов раз прибежал и молил, чтобы я больше их не устраивал. Где-то, на дворянском молебствии, губернатор говорил дворянам, что опасны не те, кто выходит на улицу, а те, кто сидит дома, но всем руководит, и назвал меня. Я так и расхохотался: это я-то руковожу! Несколько раз было очень интересно, очень жаль, что тебя не было»¹²⁵. Не было на этот раз, уточним мы, а вот в январе следующего, 1906-го, года – она, А. Л. Толстая, была, а вот Бострома, напротив, не было, и в одном из писем из Самары в Петербург на его имя теперь уже А. Л. Толстая обронила следующую фразу: «Сегодня у меня собрание»¹²⁶.

Отдельное место в сюжете гостей-квартирантов принадлежит сестре А. Л. Толстой – Марии Леонтьевне Тургеневой, а также – её знакомому Е. С. Струкову, с которым квартировладельцев дома на Саратовской связывали, сколько это можно заключить из их переписки, не самые простые отношения. «А теперь по секрету: не знаю, как мне быть? Ужели наше гощенье в Коровине предопределяет остановку Евгения Степановича у нас в Самаре? Ах, как это нежелательно. Почему? Расскажу после. Пишу же, боясь, чтобы ты не связала себя приглашением. Неужели такая судьба? Лёлькина семья вышвыривает меня из среды своей, а непрошенный – вторгается в семью. Это просто несчастье! Ты только представь, какой диссонанс получался в учительской среде, это его “Ваше превосходительство”! Брр. Я не в состоянии. Его присутствие отравило мне те минуты, когда учителя собирались у меня. И какая-то манера втираться <...> Конечно, ты не подумай, что я против тётки Маши что имею. Одна она – одна прелесть. Но с ним – мажорелизм. Он мне жизнь испортит. А между тем

¹²⁵ СЛМ. КП-412.

¹²⁶ СЛМ. КП-219.

настойчиво втирается, главное, через тётю Машу. “Сдай им, – видишь ли, – квартиру для приезда”. С чем сообразно такое предложение? <...> На его просьбу дать ему помещение 15-го июня я не отвечал утвердительно. Сказал, что к тому времени ты приедешь. Кажется, может человек из этого заключить. Увидим, сколько у него нахальства окажется»¹²⁷.

А завершим мы эту часть нашего экскурса в историю усадьбы в период её принадлежности А. А. Бострому и А. Л. Толстой несколькими случаями криминального характера, которые нет-нет да и случались в этой усадьбе и поблизости с ней.

Так, в одном из майских писем 1905 года Бостром сообщил следующее: «Ну-с, а приехал домой, и, конечно, масса мелких дрызг. Оказывается, дворник покучивает. У поляков покража, и вор найден, и, оказывается, приятельствовал с нашим. Вот те и фунт»¹²⁸. Примерно тогда же произошла и другая история и на этот раз – уже не у соседей-поляков, а непосредственно в доме одного из квартирантов Бострома: «Сегодня ночью и у нас инцидент. Кто-то украл у Богородицкого (товарища Дымман) серебряные ложки и часы. Рассказывают, что вор в кухонное окно влез. Думаю, неправда, собака в кухне разбудила бы. Верно, кто-либо из близких, ночевавших у кухарки»¹²⁹.

Наконец, последняя криминальная драма произошла уже в январе 1906-го, и о ней рассказала А. Л. Толстая в письме к Бострому, уехавшему в Петербург: «Вчера у нас было приключение: у Виноградовых выбили оба стекла камнем, брошенным с польского двора. На ночь пришлось заставить кое-

¹²⁷ ОР ИМЛИ. Ед. хр. 6330/122.

¹²⁸ СЛМ. КП-417.

¹²⁹ СЛМ. КП-438.

чем и заколотить, сегодня вставили»¹³⁰. Эта фамилия – Виноградовы – ещё не раз и не два появится на страницах нашей истории, а вот её страница, связанная с именем хозяйки, А. Л. Толстой, подошла к концу: в июле 1906 года жены А. А. Бострома и матери А. Н. Толстого не станет, и в жизни усадьбы начнётся новая эпоха, о которой мы поговорим дальше.

И прежде всего дадим слово Алексею Толстому: «Это было лето 1906 года. Я жил тогда в Германии, в Дрездене, учился в политехническом институте. Жил обычной жизнью студента, как живут все. Перед самыми экзаменами я вдруг без всяких причин почувствовал безотчётное беспокойство, какую-то странную и сильную тревогу. В два дня я собрался и уехал в Россию, к матери, жившей на берегу Волги, верстах в 12 от Самары <...> В первую же ночь дома, когда я, усталый и разбитый, лёг спать, я вновь почувствовал необъяснимую тяжесть, как будто тень подошла и неотступно стоит. На вторую ночь ещё более усилилось предчувствие страшного несчастья. В эту ночь было у меня какое-то почти физическое ощущение огня. Я встал, подошёл к окну – и увидел Самару в огне»¹³¹. В июле 1906 года, в то время, когда Алексей Толстой находился в Самаре, в родительском доме, не стало А. Л. Толстой, – с этого момента многое станет другим и в жизни усадьбы тоже начнётся совершенно новая страница.

Но прежде чем обратиться к ней, дадим слово ещё одной мемуаристке, в памяти которой осталась и усадьба, и её жители как до июля 1906 года, так и после него. Эта мемуаристка – А. А. Первякова, воспитанница А. А. Бострома и А. Л. Толстой. В сентябре 1966 года она побывала по приглашению Музея

¹³⁰ СЛМ. КП-219.

¹³¹ Алексей Толстой и Самара. Из архива писателя. Куйбышев: Книжное издательство, 1982. С. 33.

М. Горького в Куйбышеве, встречалась с сотрудниками музея, вместе с которыми осмотрела бывшую квартиру на Саратовской-Фрунзе и мебель Бострома, найденную в семье Власовых, а также побывала у Гуревичей.

Воспоминания Первяковой дошли до нас в двух вариантах, первый из которых представляет собой машинопись, по всей видимости, подготовленную уже сотрудниками музея М. П. Лимаровой и Л. А. Соловьёвой для публикации в книге «Алексей Толстой и Самара» на основе записей, сделанных по ходу разговоров с мемуаристкой. Второй вариант – рукописные записи Л. А. Соловьёвой – отрывочные, но содержащие некоторые детали и подробности, не включённые в беловую редакцию воспоминаний.

Итак, процитируем вначале некоторые фрагменты «беловика» воспоминаний: «Жили Бостромы в доме на Саратовской улице. Я хорошо помню этот деревянный дом, к которому от забора вела густая сиреневая аллея. Двор был окружён рисунчатым забором и двумя садиками с цветущей сиренью и розами. Один садик был для детей, другой – для взрослых. Папе принадлежали и другие два дома, которые он сдавал квартирантам. Дом, в котором жили Бостромы, сейчас мало изменился. Исчез, правда, балкон, который выходил из кабинета Александры Леонтьевны. Нет и берёзки, растущей когда-то под окном детской комнаты, в которой жил Алексей Николаевич Толстой, а потом росла я. Самое раннее моё воспоминание создаёт такую картину: Лелёки (так звали Алексея Николаевича) в Самаре нет. Он учится в Петербурге. Мы сидим с мамой в большом полупустом зале. Мама передвинула пишущую машинку к печке и печатает. Я играю на ковре в кубики <...> В 1908 году мы снова отделали квартиры в доме на Саратовской, сменили почти всю обстановку за исключением некоторых вещей, вывезенных ещё из Сосновки <...> У меня в комнате поселилась

племянница Екатерины Александровны Галя. Мы с ней подружились. У каждой из нас был свой стол, свои книги <...> В нашем доме каждую субботу устраивались литературные чтения. Приходили преподаватели 2-й женской гимназии и просто знакомы папы и мамы. Особенно часто читали в эти годы альманах “Шиповник”. Всё, что писалось Алексеем Николаевичем, было прочитано на этих литературных субботках <...> Екатерина Александровна прожила с папой всего два года. Однажды, простудившись во время перемены, она заболела и умерла. Мы опять остались вдвоём. Галя от нас уехала <...> После смерти мамы мы с папой переехали с верхнего этажа на нижний. Ещё когда не стало Александры Леонтьевны, папа купил пианино и подолгу играл. Видимо, он забывал своё горе в музыке».

А это – некоторые из рукописных записей, сделанных главным хранителем музейных фондов Л. А. Соловьёвой со слов А. А. Первяковой: «В доме по стенам висели семейные портреты, а вот картин не было. На пианино стоял бронзовый орёл, у которого откидывалась голова. Я часто в него заглядывала и находила там пуговицы. Ещё была красивая лампа с подставкой, сделанной из белого фарфора с розовым шиповником. На шкафах для белья ничего не стояло. Все стены в квартире были оклеены обоями. В спальне были розовые обои с белыми цветами. В углу столовой стояли буфет и возле окна этажерка с игрушками, в центре – обеденный стол и стулья. В левом углу гостиной была печка, возле которой стояла пишущая машинка, а рядом – мамино бюро. Ещё было трюмо красного дерева, а под зеркалом – столик с двумя пальмами. В кабинете Алексея Аполлоновича – письменный стол, шкаф с книгами и турецкий диван, а у Александры Леонтьевны – письменный стол, книжный шкаф и шкаф для белья. В детской стояли кровати для мамы и для меня, гардероб и стол с кувшином для умывания».

Сохранилась также памятная записка за подписью А. А. Первяковой следующего содержания: «Я, Первякова Александра Алексеевна, удостоверяю, что осмотренная мною в квартире Т. Н. Власовой мебель действительно принадлежала А. А. Бострому. Шкаф для белья был вывезен из Сосновки и стоял в комнате Александры Леонтьевны, у него отрезаны два нижних ящика. Книжный шкаф стоял у А. А. Бострома. Он закрывался застеклённой дверкой, а внутри него были полочки. Данные вещи нуждаются в значительной реставрации. Мебель, находящаяся в квартире Гуревичей, действительно была продана ему Бостромом, но в квартире последнего она никогда не стояла, а была специально приобретена им для обстановки комнат, сдаваемых квартирантам. Платяной шкаф, находящийся в квартире Харитоновой, никакого отношения к мебели Бострома не имеет».

Итак, овдовев, А. А. Бостром оставил свою квартиру в доме на Саратовской и переехал в другой принадлежавший ему дом – на углу Сокольничьей и Симбирской улиц, а свою квартиру на Саратовской сдал семье инспектора 3-го участка фабричной инспекции, титулярного советника В. В. Бородаевского¹³², супруга которого, Маргарита Бородаевская, оставила воспоминания о жизни семьи в доме Бострома. Ярче всего ей запомнились два эпизода, последовавшие один за другим и связанные с рождением сына и смертью дочери: «В июне 1907 года у нас родился сын Дмитрий. А ночь после его появления была настоящая воробьиная, белые молнии сверкали поминутно, гремел гром и ветер был ураганный. В такие ночи птицы мечутся, прибиваясь к домам, и пищат. Утром ярко светило солнце, пришла нас с малышом навестить акушерка и взяла с окна градусник в футляре. Взглянув

¹³² Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1898 год. Самара: Типография Губернского правления, 1897. С. 75.

на него с некоторым ужасом, спросила, как я себя чувствую, и очень обрадовалась, что хорошо. Градусник показывал 48, нагретый самарским солнцем. Дочка наша ужасно любила братишку, но жили они вместе недолго. В конце 1907 года, как раз когда в Самаре был Толстой, она заболела, оказался менингит <...> В то время эту болезнь лечить не умели, и в январе 1908 года наша девочка умерла. Летом этого же года мы вывезли её в Курскую губернию, чтобы похоронить около Городищенской церкви, где были похоронены наши родные Воейковы <...> Бостром описан в “Детстве Никиты” как отец с его охотой скупать неожиданные и ненужные вещи. Во дворе стояла комбинированная молотилка или веялка, никому не нужная, и туда же попала, когда мы увезли свою девочку, ограда с её могилки. Говорилось, что годится загонять в неё цыплят, которых не было»¹³³.

В январе 1908 года женой Бострома стала «классная надзирательница 2-й женской гимназии»¹³⁴ Е. А. Виноградова, женившись на которой, владелец усадьбы на Саратовской, видимо, снова переехал на прежнее место жительства в освободившуюся после уезда семейства Бородаевских из Самары квартиру. Об этой весьма недолгой поре жизни Бострома на Саратовской сохранилось совсем немного свидетельств, среди которых – письмо его жены от 10-11 сентября <?> года. «Алёша, милый, – писала она из Самары на Серные Воды, – на другой день после твоего отъезда пришёл доктор Белгородский и заявил, что 20-го оставляет квартиру. Напиши, нужно ли печатать <объявление – М.П.> сейчас или дождаться твоего приезда <...> У нас пока всё благополучно. Все здоровы. Прислуга ведёт себя хорошо <...>

¹³³ Бородаевский В. Посох в цвету. Собрание стихотворений. М.: Водолей, 2011. С. 274-275.

¹³⁴ Памятная книжка Самарской губернии на 1910 год. Самара: Губернская типография, 1910. С. 81.

Сейчас только пришла с пожара. Сгорел канцелярский клуб. Когда я проснулась, казалось, горит рядом с нами, так было светло. Сказала Григорию, чтоб охранял двор от покражи; остальных не будила и пошла посмотреть. Сгорело всё здание, где помещался канцелярский клуб и деревья около дома Курлиной. В настоящее время, когда пишу, ещё сильный дым, но всё там догорает. Дальше не пойдёт»¹³⁵.

Брак А. А. Бострома и Е. А. Виноградовой был недолгим: в декабре 1910 года её не стало, и Бостром снова зажил жизнью холостяка – временами одинокой и тоскливой, временами – полной событий и людей, которые его окружали.

Скажем прежде всего о тех, кто снимал в эти годы квартиры в домах на Саратовской и о том, зачем приглашали самарцев сам домовладелец и его квартиросъёмщики. Так, известно, что в 1910 году среди квартиросъёмщиков Бострома были помощник присяжного поверенного М. А. Аронсон¹³⁶ и член правления благотворительного общества при Самарской римско-католической церкви Б. В. Коревицкий¹³⁷. В августе 1911 года одну из квартир занимала некая Каминская, у которой, в свою очередь, временно или постоянно жила Ю. Янович, убедительно просившая предоставить ей «место бонны, компаньонки, портнихи или экономки»¹³⁸, а вот в октябре того же года в квартире № 5 продавались ротонда и дамское пальто на вате «за недорогую цену»¹³⁹. В 1911-12 гг. в доме Бострома продолжала жить сестра

¹³⁵ СЛМ. Фонд А. Н. Толстого. ВХ-11.

¹³⁶ Памятная книжка Самарской губернии на 1911 год. Составлена под редакцией Н. Подковырова. Самара: Губернская типография, 1911. Справочный отдел. С. 3, 19.

¹³⁷ Там же. Справочный отдел. С. 65.

¹³⁸ Самарская газета для всех. 1911. 9 августа. № 141. С. 4.

¹³⁹ Самарская газета для всех. 1911. 4 октября. № 182. С. 4.

его покойной жены, Евгения Александровна Виноградова, не раз и не два приглашавшая через газеты желающих обучиться работе на пишущей машине¹⁴⁰, а с 11 декабря 1912 года по 8 мая 1913-го проживал инженер по новым работам при управлении Самаро-Златоустовской железной дороги, капитан запаса А. А. Колли¹⁴¹. В 1912 году одну из квартир арендовал земский начальник 7-го участка Самарского уезда коллежский асессор М. Б. Сахаров, и в декабре того же, 1912-го, года Бостром сдавал квартиру в шесть комнат и седьмую для прислуги, «сухую и тёплую», за 60 рублей¹⁴², возможно с местом в конюшне (в объявлении содержится приписка «можно лошадь»), в апреле следующего, 1913-го, года сдавалось сразу несколько квартир¹⁴³, а в сентябре – одна, в семь комнат, во дворе, за 65 рублей¹⁴⁴.

Имя ещё одного квартиросъёмщика Бострома, арендовавшего у него жильё в 1914-16 гг., заслуживает того, чтобы остановиться на нём отдельно, так как и сам этот человек, и его близкие сыграют очень важную роль в дальнейшей жизни усадьбы, с начала 1980-х гг. превратившейся в мемориальную. Речь идёт о семье Я. С. Гуревича, с которой у А. А. Бострома сложились самые дружеские отношения, продолжавшиеся до самой кончины последнего в 1921 году.

Яков Самуилович Гуревич родился в 1880 году в Ревеле, окончил гимназию в Дерпте, где начал и своё обучение в

¹⁴⁰ См., например: Голос Самары. 1911. 14 января. № 10. С. 6; Самарская газета для всех. 1912. № 9. 12 января. С. 4; и др.

¹⁴¹ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 130. Д. 185. Благодарим А. В. Митина за знакомство нас с этим документом.

¹⁴² Волжское слово. 1912. 23 декабря. № 279. С. 5.

¹⁴³ Волжское слово. 1913. 30 апреля. № 93. С. 5.

¹⁴⁴ Волжское слово. 1913. 20 сентября. № 206. С. 6. Аналогичная квартира сдавалась и в июне следующего, 1914-го, года (Волжское слово. 1914. 29 июля. № 161. С. 4).

университете, завершённое уже в Харькове. По окончании университета он был направлен на службу в Саратовскую губернию, где был мобилизован и переведён в Самару в эвакуационный госпиталь. Приехав на новое место службы он и снял квартиру в верхнем этаже одного из домов Бострома на Саратовской, напротив квартиры хозяина усадьбы, где жил с семьёй до 1916 года, до переезда в дом на Садовой улице. Как уже было сказано выше, Бострома связывали с семейством Гуревичей самые тёплые дружеские отношения: и до, и после переезда Гуревичей на Садовую они не однажды бывали друг у друга в гостях и приходили на помощь, когда такая помощь им была нужна. После революции сильно нуждавшийся Бостром часто столовался в доме своих бывших квартирантов, а когда его не стало, именно Гуревичи провожали его в последний путь. Нет поэтому ничего странного и в том, что, покидая в 1921 году Самару, приёмная дочь Бострома Шура Первякова оставила у Гуревичей семейный архив, пролежавший у них более четверти века, до конца 1940-х, когда часть его была увезена в Москву, а другая оказалась в Куйбышевском литературном музее и стала основой будущего Музея-усадьбы А. Н. Толстого. Уже в 1970-е гг. Гуревичи передали в экспозицию создающегося музея некоторые предметы мебели, когда-то купленные ими у Бострома – стол, буфет и шифоньер; примерно тогда же ими были переданы картины и ещё некоторые другие вещи, принадлежавшие хозяину усадьбы на Саратовской¹⁴⁵.

Из неординарных событий, случившихся в усадьбе после 1906 года, скажем о двух, первое из которых произошло в марте 1911-го, а второе – в июне 1913 года. Вот как рассказала о первом

¹⁴⁵ См. об этом в воспоминаниях дочери Я. С. Гуревича – Н. Я. Гуревич. СЛМ. КП-17081.

из этих событий газета «Волжское слово»: «22 марта, между 11 и 12 часами дня, в квартиру дворянина А. А. Бострома, проживающего на Саратовской улице в собственном доме, явилась очень прилично одетая дама, и так как г. Бострома не было дома, то пришедшая заявила впустившей её прислуге, что она “хорошая знакомая” хозяина и подождёт его. Пробыв некоторое время в квартире, неизвестная ушла, а пришедший вскоре г. Бостром обнаружил, что у него украдено разных золотых и серебряных вещей на сумму 110 рублей, шёлковый ридикюль, стоящий 10 рублей, и несколько рублей денег»¹⁴⁶. А это – второе нетривиальное событие и газета «Голос Самары» за 1913 год: «К проживающей по Саратовской улице в доме 157 Е. Н. Беляевой в 3 часа утра 10 июня забрались в её спальню, через кухонное окно, два молодых человека. Причём один из них встал у окна в кухне, а другой начал хозяйничать в спальне и бросать в окно вещи. На крики проснувшейся Беляевой один из громил, схватив её за горло, приказал замолчать, и в это время тем же путём громилы скрылись. Оказалось, что вору успели забрать только 3 рубля денег и захватить выкинутое в окно драповое пальто, стоящее 15 рублей. Одного из громил Беляева заприметила и может опознать»¹⁴⁷.

Открытым остаётся вопрос о том, как долго владел А. А. Бостром усадьбой на Саратовской улице и перестал ли он быть её хозяином вместе с революцией и последовавшими за ней событиями, либо – расстался с правами собственника раньше и встретил революцию и национализацию уже не в качестве владельца усадьбы, а как один из её жильцов. Так, Т. Ф. Алексушина пишет о том, что усадьба принадлежала Бострому только до 19 мая 1915 года,

¹⁴⁶ Волжское слово. 1911. 24 марта. № 67. С. 3.

¹⁴⁷ Голос Самары. 1913. 10 июня. № 124. С. 5.

когда он продал её купцу А. И. Соколову, а сам продолжал жить в ней уже на правах квартиросъёмщика до своей кончины в 1921 году¹⁴⁸. Но есть и другие документы, которые хоть и не отменяют сказанного, но заставляют ещё и ещё раз всё проверить и расставить все точки над и. Речь идёт, например, о двух документах, имеющих отношение к первому послереволюционному периоду жизни усадьбы. И первый из них – это справка жилотдела от 23 июля 1918 года, согласно которой в результате осмотра квартиры № 4 в доме Бострома (так! – М. П.) № 157 по Саратовской улице было выяснено, что в названной квартире оказалась свободной одна комната для одинокого жильца. Площадь данной комнаты равнялась 1,75 сажень, и, как заявил владелец квартиры Бостром, комната уже была взята на учёт ранее этапным комендантом города Самары¹⁴⁹. Возможно, об этой, взятой на учёт, комнате идёт речь и в письме А. А. Бострома Шуре Первяковой, написанном в следующем, 1919-м, году. «В квартире у меня пока всё идёт гладко, – писал воспитаннице неунывающий Бостром. – Ждём уплотнения. Ем я хорошо. Всё дело теперь обзавестись обувкой и потом усиленно продавать вещи»¹⁵⁰. К этому или примерно к этому времени, по всей видимости, относятся и воспоминания А. А. Первяковой о первых послереволюционных годах, когда в доме жили комиссар Теплов и Куйбышев; с первым из них, по словам мемуаристки, Бостром дружил, а второго хвалил и говорил, что он – «замечательный человек». Заметим, что никакой речи о продаже Бостромом усадьбы Соколову в этих воспоминаниях нет ни слова.

¹⁴⁸ Алексушина Т. Ф. Самарские страницы российского дворянства. Самара, 2013. С. 140.

¹⁴⁹ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 44. Благодарим Е. М. Жидкову, познакомившую нас с этим документом.

¹⁵⁰ СЛМ. КП-423.

Некоторый дополнительный свет и на упомянутую историю продажи усадьбы или её части, и на другие детали жизни её владельца в последние предреволюционные и первые послереволюционные годы бросают воспоминания М. Н. Егоровой, сохранившиеся в личном архиве М. П. Лимаровой:

«Познакомилась я с Алексеем Аполлоновичем Бостромом в годы первой мировой войны. Мой муж из Тагила поехал работать к Сытину, а я с детьми – в Самару. К Бострому пришла по объявлению в газете “Волжское слово”, что нужна домашняя портниха. У него была домашняя работница и воспитанница Шура. В доме всё было заброшено. Больше всего Алексей Аполлонович ценил шкаф с книгами и документами. Очень дорожил он и большим тёмным портретом Александры Леонтьевны. Мне кажется, что примерно в 1915 году в гости к нему приезжал Алексей Толстой.

Я помню, что Алексей Аполлонович говорил на четырёх языках. Мы все очень любили слушать его игру на фортепиано. Очень любил он и Шуру, воспитанницу, которую они с Александрой Леонтьевной взяли из приюта двухлетней девочкой. Свою фамилию она получила в приюте, и, будучи маленькой, была очень хорошенькой. Родители Алексея Толстого уделяли ей очень много внимания, но училась она плохо.

На Саратовской улице у Бострома было два дома, но дом на улице он продал за 70 тысяч, которые после революции отдал государству. После революции его выселили в маленькую комнату. Поначалу, когда стало плохо с продуктами, он ещё что-то мудрил и сам готовил вкусные обеды из овощей, но потом завёл себе козу, ходил грязный и оборванный. Мы жили на берегу Волги, и он часто приходил к нам, с удовольствием ел картошку и мылся в бане. Однажды я получила от него записку, что его положили в больницу Аржанова для хроников. Он умирал с голода, и я варила ему

картошку, старалась принести и что-нибудь вкусненькое, но это было очень тяжёлое время. Я очень хорошо знаю, что пианино, мебель и всё ценное, что у него было, Алексей Аполлонович отдал своим хорошим знакомым Гуревичам, но в больницу они к нему ни разу не приходили. Помню, что у него была большая библиотека, и мне кажется, что книги из этой библиотеки, а также и кое-какие вещи, должны были остаться у Гуревичей.

У меня было четверо детей, и Алексей Аполлонович делал для них ёлку с подарками. Когда его материальное положение было ещё сравнительно хорошим, он давал мне деньги, чтобы я могла внести плату за обучение дочери в гимназии, – сейчас эта дочь работает доцентом в политехническом институте. А одной из моих дочек он подарил памятный сувенир – маленькую металлическую шкатулочку в форме пасхального яйца, которая раньше принадлежала Александре Леонтьевне, инициалы которой можно рассмотреть на шкатулке. Эту шкатулку я передаю в музей на память об Алексее Аполлоновиче и нашем с ним знакомстве. Мария Николаевна Егорова. ул. Первомайская, дом 2 (25), квартира 12».

Усадьба после Бострома (1918 – 1970-е)

Итак, в 1918 году бывшая усадьба на Саратовской улице была национализирована. С этого момента в большей её части разместились коммунальные квартиры, а меньшая использовалась как детский сад. Шестьдесят лет коммунальной истории – срок, разумеется, весьма значительный, и за эти шестьдесят лет многое менялось: возводились и вновь уничтожались надворные постройки, менялись и перестраивались интерьеры, селились и выселялись разные люди и т. д. Далеко не всё нам удалось выяснить и восстановить, но кое-что – удалось, и об этом-то и пойдёт речь в этом разделе.

И прежде всего обратимся к тем немногим документам, которые касаются истории усадьбы в период с 1918-го по 1983 годы.

Первый из этих документов – заметка, увидевшая свет на страницах газеты «Волжская коммуна» в июле 1936 года и принадлежащая председателю ЖАКТа № 116 В. В. Севастьяновой:

«Днём 2 июля я была занята домашней работой. Выйдя на крыльцо, я увидела во дворе двух женщин и полного мужчину в очках, направляющихся к нашему дому. Когда они приблизились, я растерялась от неожиданности – передо мной стоял писатель Алексей Толстой, автор замечательной книги “Пётр I”, которую я только что начала читать. Я быстро познакомилась с гостями. Мы прошли в нашу квартиру.

– В этом доме я жил много лет назад, – сказал Алексей Николаевич. – Здесь была моя комната, рядом – комната матери.

Тёплая беседа длилась около получаса.

– Я поражён изменениями, которые произошли здесь. Прежнюю Самару теперь не узнать.

Я предложила писателю остаться на денёк, чтобы осмотреть родной город, но он спешил на пароход. В Куйбышеве А. Н. Толстой остановился проездом вместе со своей женой и секретарём.

Когда жильцы нашего дома узнали о неожиданном визите известного писателя, они решили присвоить ЖАКТу по улице Фрунзе, 155, имя А. Н. Толстого. Сейчас в подарок нашему гостю мы готовим специальный альбом фотоснимков достопримечательностей города Куйбышева, дома и квартиры, где он когда-то проживал. Я лично собираюсь установить с А. Н. переписку»¹⁵¹.

¹⁵¹ См.: Алексей Толстой и Самара. Из архива писателя. Куйбышев, 1982. С. 350.

Кроме этого в фондах сегодняшнего музея сохранилось два варианта списков жильцов, проживавших в зданиях «А», «Б» и «В», входящих в сегодняшнюю усадьбу. Скорее всего, списки составлены с разницей в несколько лет.

Литер «А».

Квартира № 1. Игонина Галина Александровна, 1908 года рождения. Пенсионерка. Количество членов семьи – 2. Муж Игонин Николай Андреевич, 1905 года рождения, пенсионер. Занимаемая площадь 23,5 м².

Квартира № 2. Миркина Галина Борисовна, 1909 года рождения. Пенсионерка. Количество членов семьи – 5. Дочь Родкина Ксана Семёновна, 1935 года рождения, главный врач областной санэпидстанции; зять Родкин Борис Исаевич, 1929 года рождения, врач объединённой дорожной больницы; внук Родкин Александр Борисович, 1968 года рождения, школьник; внук Родкин Игорь Борисович, 1972 года рождения, школьник. Занимаемая площадь 44,8 м².

Квартира № 3. Закржевская Алла Николаевна, 1941 года рождения, инженер. Количество членов семьи – 2. Дочь Закржевская Вера Владимировна, 1965 года рождения, школьница. Занимаемая площадь 33,2 м².

Квартира № 9. Сальникова Клавдия Петровна, 1926 года рождения, пенсионерка. Количество членов семьи – 7. Муж Сальников Василий Михайлович, 1928 года рождения, шофёр скорой помощи; сын Сальников Владимир Васильевич, 1949 года рождения, монтажник 1-го участка РСУ-2; сын Сальников Евгений Васильевич, 1947 года рождения, монтажник 1-го участка РСУ-2; дочь Буданкова Ирина Васильевна, 1955 года рождения, временно не работает; зять Буданков Фёдор Игнатьевич, 1950 года

рождения; внучка Буданкова Ольга Фёдоровна, 1975 года рождения, школьница. Занимаемая площадь 28,7 м².

Второй этаж. Детский сад № 38. 55 человек. Занимаемая площадь 265,3 м².

Литер «Б».

Квартира № 4. Перепечаева Ольга Степановна, 1904 года рождения. Проживает с 1941 года, пенсионерка от швейной фабрики «Красная Звезда». Количество членов семьи – 7. Муж Солдатов Виктор Фёдорович, пенсионер мясокомбината; дочь Чернова Людмила Викторовна, 1927 года рождения, библиотекарь в библиотеке политической книги с 1975 года; зять Чернов Григорий Александрович, 1925 года рождения, пенсионер; внучка Чернова Галина Георгиевна, 1959 года рождения, диспетчер учебного процесса авиационного института с 1975 года; внук Чернов Виктор Георгиевич, 1953 года рождения, студент авиационного института, затем мастер авиационного завода № 18 с 1976 года; племянница Самошина Людмила Петровна, Дом моделей. Занимаемая площадь 35 м².

Квартира № 4. Каляева Анна Ивановна, пенсионерка. Количество членов семьи – 1+1 (временно). Племянница Ларина Татьяна Васильевна, студентка Политехнического института. Занимаемая площадь 9,8 м².

Квартира № 4. Ларионов Николай (в другом списке – Никита) Иванович, 1891 года рождения. Проживает с 1937 года, пенсионер Рыбторга. Количество членов семьи – 2. Жена Родина Евдокия Дмитриевна, 1902 года рождения, пенсионер-инвалид. Занимаемая площадь 14 м².

Квартира № 5. Зуботыкина Маргарита Владимировна, 1912 года рождения. Домохозяйка-иждивенка. Количество членов семьи – 4. Муж Зуботыкин Пётр Александрович, 1906 года

рождения, Куйбышевская контора «Академкнига»; сын Зуботыкин Виктор Петрович, 1946 года рождения, токарь приборостроительного завода с 1960 года; дочь Зуботыкина Татьяна Петровна, 1949 года рождения, библиотекарь института связи с 1968 года. Занимаемая площадь 24 м².

Квартира № 5. Костляев Илья Андреевич, 1890 года рождения, пенсионер от Станкозавода. Количество членов семьи – 2. Жена Костляева Матрёна Кондратьевна, 1910 года рождения, пенсионерка от Станкозавода. Занимаемая площадь 13,6 м².

Квартира № 5. Горожанкина Степанида Ивановна, 1915 года рождения. Проживает с 1941 года, пенсионерка. Количество членов семьи – 2. Сын Горожанкин Сергей (в другом списке – Игорь) Борисович, 1943 года рождения, фабрика «Красная Звезда – 2». Занимаемая площадь 22 м².

Квартира № 6. Боровик Лидия Антоновна, 1906 года рождения. Проживает с 1939 года, работала в редакции газеты «Волжская коммуна», в настоящее время пенсионерка. Количество членов семьи – 4. Сын Боровик Роберт Сергеевич, 1939 года рождения, институт «Гипронефтестрой», с 1966 года – старший инженер информационно-вычислительного центра Средне-Волжского транспортного управления; сноха Боровик Элеонора Александровна, 1947 года рождения, инженер вычислительного центра; внук Боровик Сергей Робертович, 1968 года рождения, дошкольник. Занимаемая площадь 15 м².

Квартира № 6. Бугаева Галина Александровна, 1922 года рождения. Проживает с 1935 года, работает в политехническом институте с 1951 года. Количество членов семьи – 4. Муж Бугаев Фёдор Иванович, 1924 года рождения, пенсионер МВД; дочь Бугаева Елена Фёдоровна, 1950 года рождения, лаборантка швейной фабрики имени Володарского с 1972 года; сын Бугаев

Борис Фёдорович, 1951 года рождения, художник трикотажной фабрики с 1974 года. Занимаемая площадь 34 м².

Квартира № 6. Иванова Ольга Леонидовна, пенсионерка. Количество членов семьи – 2. Сын Иванов Александр Александрович, научно-исследовательский институт радио. Занимаемая площадь 14,1 м².

Квартира № 7. Филимонова (в другом списке – Филиппова) Антонина Петровна, 1911 года рождения. Проживает с 1937 года, пенсионерка. Количество членов семьи – 2. Дочь Филимонова (в другом списке – Филиппова) Людмила Леонидовна, 1940 года рождения, старший преподаватель института культуры с 1970 года. Занимаемая площадь 23,8 м².

Квартира № 7. Елисеева Анастасия Евдокимовна, 1903 года рождения. Проживает с 1928 года, пенсионерка. Количество членов семьи – 2. Сын Кривошеев Геннадий Иванович, 1932 года рождения, технолог кабельного завода с 1971 года. Занимаемая площадь 15 м².

Квартира № 7. Фиш Хася Яковлевна, пенсионерка. Количество членов семьи – 1. Занимаемая площадь 19,3 м² (в более позднем списке на этой же жилплощади – Жирнова Елена Ивановна, 1900 года рождения, пенсионерка. Количество членов семьи – 2. Внучка Ротбург Алла Яковлевна, 1959 года рождения, студентка строительного техникума).

Квартира № 7. Сухачёва-Дараева Мария Фёдоровна, 1920 года рождения. Проживает с 1958 года, психбольная. Количество членов семьи – 1. Занимаемая площадь 8 м².

Пристрой.

Квартира № 11. Кузнецова Павлина Ивановна, 1903 года рождения. Проживает с 1950 года, работала в объединённой больнице обкома № 1, пенсионерка. Количество членов семьи – 1. Занимаемая площадь 18,3 м².

Квартира № 12. Водкина Татьяна Фёдоровна. Количество членов семьи – 1 (в другом списке на этой же жилплощади – Власова Валентина Михайловна, 1937 года рождения. Проживает с 1974 года, работает закройщицей на фабрике № 3 с 1974 года. Количество членов семьи – 3. Муж Власов Анатолий Гаврилович, 1931 года рождения, скорняк на фабрике № 3; дочь Власова Ирина, 1963 года рождения). Занимаемая площадь 18,5 м².

Квартира № 13. Чернокожев Николай Семёнович, 1930 года рождения. Проживает с 1969 года, инвалид труда 2 группы (удостоверение 020677), пенсионер. Количество членов семьи – 2. Мать Чернокожева Анна Гавриловна, 1899 года рождения, пенсионерка. Занимаемая площадь 24,1 м².

Квартира № 14. Хрулина Анна Фёдоровна, 1903 года рождения. Проживает с 1930 года, иждивенка. Количество членов семьи – 3. Дочь Савельева Галина Александровна, 1932 года рождения, старший инженер института сельхозпроектов с 1972 года; внучка Савельева Недда Фёдоровна, 1958 года рождения, студентка музыкального училища. Занимаемая площадь 27,2 м².

Помимо этого, в одной из рабочих тетрадей директора музея М. П. Лимаровой конца 1970-х гг. нами была обнаружена переписанная её рукой следующая «Справка о состоянии здоровья Сухачёвой-Дараевой из психбольницы № 1», «полученная и отосланная в отдел по учёту и распространению жилплощади тов. Аксёнову В. С.»: «Прошу согласно заключения психбольницы, где находится на стационарном лечении гражданин Сухачёва-Дараева, решить вопрос об отселении её. Надо скорее освободить дом от жильцов и заниматься музеем А. Н. Толстого. 27 ноября 1978 г.».

Литер «В».

Квартира № 8. Иванова Надежда Николаевна, 1951 года рождения, старший бухгалтер Ленинского района, ждёт ребёнка.

Количество членов семьи – 3. Муж Иванов Николай Анатольевич, 1948 года рождения, регулировщик объединения «ЗИМ»; дочь Иванова Ирина Николаевна, 1970 года рождения, школьница. Занимаемая площадь 18,1 м².

Квартира № 8. Панова Вера Маркеловна, 1940 года рождения, дворник ЖЭУ-11. Количество членов семьи – 3. Муж Панов Адольф Александрович, 1937 года рождения, охранник Станкозавода; дочь Панова Жанна Адольфовна, 1968 года рождения, школьница. Занимаемая площадь 11, 0 м².

Квартира № 8. Коробков Михаил Антонович, 1943 года рождения, электросварщик завода «Продмаш». Количество членов семьи – 4. Жена Коробкова Мария Павловна, 1945 года рождения, токарь завода имени Фрунзе; дочь Коробкова Елена Михайловна, 1966 года рождения, школьница; сын Коробков Алексей Михайлович, 1979 года рождения, дошкольник.

Списки жильцов двух зданий – литер «А» и литер «В» составлены и подписаны начальником ЖЭУ-11 Ленинского района И. Харченко и техником Рябовой, копии заверены печатью отдела культуры исполкома Куйбышевского горсовета и подписью сотрудника музея М. Н. Коровкиной; списки здания литер «Б» сохранились в двух вариантах, сделанных, скорее всего, с разницей в несколько лет: первый подписан управляющим И. Харченко, второй – техником Музофаровой.

Это – все немногие документы, из которых мы можем почерпнуть хоть какие-то сведения о коммунальной истории усадьбы. Остальные сведения известны нам от жильцов и потомков жильцов трёх нынешних музейных зданий, в разное время посетивших Музей-усадьбу и поделившихся с нами своими воспоминаниями.

Люди с кухни

Наша первая встреча с теми, кто помнит музейную усадьбу как свой дом, произошла, наверное, ещё в самом начале 2000-х. Мы работали во флигеле, в глубине двора, где располагаются музейные фонды. В дверь постучали – на пороге стояли две женщины, которые попросили разрешения войти:

– Понимаете, мы здесь когда-то жили, ещё до музея... В семидесятые нас выселили, и вот с тех пор не могли себя заставить сюда заглянуть. Признаться честно – ноги не шли. Почему? Да, в общем, всё просто: до революции-то здесь кухня была или прачечная – низкие потолки, маленькие окошки... Как будто не дом, а погреб. Как мы тут только умещались-то – целая семья ведь жила! Вот поэтому и не шли ноги, не хотелось вспоминать весь этот коммунальный быт. Ну, а когда стали делать музей, дали нам отдельную квартиру – тут уж наша жизнь, конечно, изменилась. Выходит, мы Алексею Толстому благодарны за то, что вытащил нас из кухни на белый свет!

Случай Глезерова

Как-то в одну из суббот в апреле 2014-го наш коллега увидел на усадьбе музея пожилого человека, который стоял и глазами, полными слёз, всматривался в окна зала на первом этаже дома, стоящего во дворе. Сегодня это так называемый «советский зал», в котором расположена экспозиция, рассказывающая о жизни Алексея Толстого во второй половине двадцатых и в тридцатые годы: саквояжи, трости, фотографии, книги, документы...

- У Вас что-то случилось? – обратился коллега к незнакомцу.
- Случилось, – ответил тот. – Здесь прошло моё детство.

Мы познакомились. Ныне Эдуард Абрамович Глезеров живёт в Москве, работает в областном онкологическом диспансере. Перечень его регалий на визитке занимает не одну строчку: заведующий отделением... кандидат наук... хирург-онколог высшей категории... главный специалист...

Но это всё там, в Москве. А здесь перед нами стоял мальчишка семидесяти с хвостиком, вспоминая своё детство и людей, которые окружали его тогда здесь, в этом доме и в этом дворе.

– Вот здесь был вход в нашу квартиру. Отдельный вход, со двора, когда-то, наверное, это был чёрный ход... Во дворе стояли сараюшки, у каждой семьи – своя, и у нас тоже здесь был небольшой сарайчик... А вот там мы играли в футбол, там была площадка для таких игр. А тренировал нас наш сосед, который был постарше нас всех года на три-четыре. Он жил на втором этаже в бывшем флигеле... В этом доме я жил с 42-го года до середины шестидесятых. Потом эти дома расселили, и нам дали квартиру на Спортивной, но всё, что здесь было пережито, и сегодня живёт в моей памяти, как будто это было только вчера.

Детство Стаса

А вот наша встреча с художником Станиславом Леонидовичем Щегловым состоялась в сентябре 2015 года в Детской картинной галерее, в уютном кабинете Нины Васильевны Иевлевой, на втором этаже волшебного дома Клодта.

– Стас, – обратилась к гостю Нина Васильевна, – это правда, что ты жил в нынешнем Музее Толстого? Расскажи, что помнишь-то...

И Станислав Леонидович рассказал.

– Я жил с родителями в доме, который выходит на улицу, внизу, – там теперь гардероб и музейная касса. Жил я там с 1936-го по 43-й годы. На первом этаже в этом доме жили люди, а на втором находился детский сад, и тех, кто в него ходил, детей, водили по боковой лестнице гулять во двор. У них была такая огромная железная машина, с педалями, совсем, как настоящая. Но они её нам, не детсадовским, не давали, а мы им всячески мстили: мы воображали себя партизанами и ставили им разные ловушки.

Во втором доме, в том, что во дворе, наверху, жил мальчик, мой ровесник. Помню, как-то я пошёл к нему на день рождения, а меня не пускают: «Нечего тут делать сыновьям сапожника». Я, услышав это, очень обиделся и запустил в них игрушкой, которую принёс в подарок, – попал в ноги.

У меня были две бабушки: одна неверующая, а другая – баптистка, всё время приучала меня к Библии. В результате к Библии я так и не приучился, а вот читать выучился рано и в восемь лет уже прочитал Гоголя. Помню, одна из моих бабушек работала в журнале, редакция которого находилась на Молодогвардейской улице.

Когда-то у меня были братья и сестра – Олег, Владислав, Римма. Но однажды все они заболели скарлатиной и один за другим умерли. Тогда родителям сказали: «Спасайте старшего, увозите его». Меня увезли, и вот я выжил.

Что ещё? А ещё у нас в семье была легенда, будто бы в войну я пытался напоить из-под колонки во дворе игрушечную лошадку. В итоге этого моего предприятия она просто развалилась на две половинки. И вот я стоял и смотрел на всё это, не зная, радоваться мне или огорчаться. В это время ко мне подошёл незнакомый мужчина в чёрном пальто и в шляпе, погладил меня по вихрам и сказал: «Ну, о чём же ты думаешь? Была у тебя одна лошадка, а стало – две».

Как потом говорили, этим незнакомцем был Алексей Толстой, приехавший в Куйбышев и зашедший посмотреть на двор своей юности.

Старинные люди

В сентябре 2018 года, проходя по усадьбе, мы обогнали пожилого мужчину в длинном сером пиджаке и солнцезащитных очках, который говорил шедшей рядом с ним маленькой девочке: «Вот здесь был детский сад... А вот здесь наша квартира...».

- Извините! – обратились мы к незнакомцу. – Вы здесь жили? А не сохранились ли у Вас какие-нибудь фотографии этого дома?..

«Фотографий нет, осталась только моя память... Сам я 39-го года рождения, а жили мы вот здесь, первое окно слева (сейчас там находится первый экспозиционный зал «Детство Алёши Толстого» – М. П.). Горожанкины мы, квартира номер пять... Бабушкин муж был краснодеревщиком... А вот здесь жил дядя Лёня. Он работал закройщиком, и таким был хорошим закройщиком, что во время войны обшивал членов правительства. А их ведь как обшивать-то? Раз-два глянешь – и всё. И вот он, что значит глаз-алмаз, посмотрит и кроит, и всегда – тютелька-в-тютельку... Тут Власовы жили... А вот там, во флигеле, Бурмистров, печник... Наш сарай – вон тот, справа, где до революции конюшня была. Я и деревья тут, во дворе, некоторые сажал – вот это, например...

А Алексей Толстой здесь не жил, выдумки это всё! Это я вам говорю – выдумки! Откуда я знаю? Как откуда – от бабушки! Мне бабушка много рассказывала. Она здесь всех и всё знала, да и не только бабушка, но и соседи всех знали. А здесь, я вам скажу, люди-то жили – старинные! И вот они и говорили, что это был до революции «рабочий» дом, ну, то есть, сдавали его хозяева, а

сами – не жили. Или нет, не так – Алексей Толстой жил здесь одно лето, после гимназии.

Как мы отсюда уехали, я в этот дом больше никогда не заходил и не пойду – боюсь инфаркта. Память, знаете, и все дела... Всё изменили, всё перестроили. Вот я и думаю – зачем бередить? Так вот покажу внучке отсюда, из двора, а в дом не пойду, нет у меня таких сил».

Должен признаться: была бы моя воля, расспрашивал бы я моего собеседника ещё и ещё – про дядю Лёню-закройщика, про печника Бурмистрова и про конюшню с деревьями. Но собеседник не хотел «бередить», а стоящая рядом с ним внучка всем своим видом показывала, что устала и ждёт – не дождётся, когда дед пойдёт с ней дальше.

– Ну, бывайте! И запомните: выдумки это всё, мы здесь жили, и ничего больше не было...

Оловянные солдатики

На этот раз дело было так. Несколько лет назад строители перестилали крышу того самого дома, где сто двадцать лет назад жил А. Н. Толстой. Потом в этом доме были коммуналки, а в 83-м, после капитального ремонта, открылся музей. Музею скоро сорок – возраст хоть и небольшой, но солидный и требующий заботы и внимания. Вот его-то и проявил город, выделивший необходимые средства для ремонта крыши. И вот тут случилась эта самая коробка. А точнее – это были несколько школьных тетрадей, членский билет Всероссийского Общества содействия охране природы и озеленению населённых пунктов, февральские книжки журналов «Блокнот агитатора» и «Политическое самообразование» за 1967 год, сборник текстов на английском языке «Химия и металлургия», чертёж какого-то непонятного

агрегата и две пары детской обуви очень маленького размера – ботиночки и сандалики. Как вам наборчик? По мне, так абсолютно «с Монмартра». Ну, разве что за исключением «Политического самообразования», хотя французы – народ активный и политически не хуже нас подкованный. Так что наборчик – вполне подходящий.

Разумеется, всё это не лежало в одной коробочке, перевязанной тонюсенькой тесёмочкой. Совсем нет. Всё валялось, как попало, в разных местах чердака, под толстым слоем пыли и следов более, чем тридцатилетнего, голубиногo присутствия. Но дело не в этом, а в том, что строители – спасибо им! – прекрасно зная, что ремонтируют они не обыкновенный дом, а музей, не втоптали все эти сокровища ещё дальше в пыль и помёт, а аккуратно извлекли всё это на свет Божий и передали музейным сотрудникам, то есть – автору этих строк, который надел халат и резиновые перчатки, вооружился щёткой и влажной тряпкой, и – ну, вот теперь уже точно можно переключать на футбол, потому что эпизод про солдатиков подошёл к концу. Или – почти подошёл. «Почти» – потому что из под слоя грязи и пыли выглянули имена и фамилии владельцев тетрадей.

Вот, например, тетрадь по ботанике ученицы 6 класса школы № 6 Бугаевой Елены: «Единицы классификации растений: цветковые, крестоцветные, однодольные...». И это – её же, но уже по геометрии и за 8 класс: «14 апреля. Домашняя работа. Дано: правильная пирамида...». Правильно, Лена, молодец, садись, пять!

А это – Бугаев Борис и его тетрадь по физике. «2 сентября. Классная работа. Превращение энергии при колебательном движении...». Не подсматривать, Бугаев! У тебя же в этом году экзамены! И когда ты, наконец, только за ум возьмёшься?! Экзамены? Экзамены – пожалуйста. Вот и экзамены: «Подготовка к экзаменам по геометрии ученика 8-го класса школы № 72

Бугаева Бориса». «Наложим треугольник ABC на треугольник A'B'C' так, чтобы вершины A и A' совместились...». Ну, хорошо, хорошо. Пока садись, а там посмотрим.

Интересно, а ботинки и сандалики – Бориса или Лены? Ну, и «Политическое самообразование» – чьё? Неужели их же? Возможно, но не факт. Вот ведь есть ещё и членский билет Общества содействия охране природы, выданный Ленинским районным отделением города Куйбышева аж в мае шестидесятого. В билете – только фамилия: Бугаева. А вот кто это – мать Лены и Бори, сестра, тётя? Об этом наша коробочка молчит, и солдатики в ней – тоже.

Чудеса в решетке

Прошло всего каких-нибудь полгода или около того, и во время одной из экскурсий по музею мы услышали робкое: «А мы тут жили!». Или нет, это было не так. Фразу «А вот они тут жили» произнесла приятельница нашей посетительницы, а сама посетительница скромно помалкивала, оглядывая музейную обстановку мемориальной квартиры и думая в это время о чём-то своём, одной ей известном. «А вот они тут жили! – повторила приятельница, подталкивая скромную подругу «раскрыть карты». – Алла, расскажи!».

И вот мы уже сидим с Аллой Яковлевной Рутберг в музейных фондах, смотрим принесённые ею фотографии и вспоминаем прошлое.

– Вот это наша семья. Это моя бабуля, Елена Ивановна. Я не знаю точно, с какого года она здесь жила. Но в шестидесятые мы с ней здесь уже жили – вначале в одном доме, том, который выходит на улицу, а потом – в другом, во дворе. А это – её дочки, Антонина и Вера. Антонина Георгиевна – фронтовичка, ушла на фронт со

вторым эшелонем. Говорили, что первый разбился, и почти все погибли, а это был второй эшелон. Тётя была связисткой... Маму звали Вера, Вера Георгиевна. Но жили мы с ней не вместе, так сложилась жизнь. Я жила с бабушкой. Бабушка работала во время войны банщицей – сначала на Пионерской, потом на Ульяновской. Первым её мужем был Георгий Орлов, отец двух её дочерей. Потом, когда он пропал, она вышла замуж во второй раз, и теперь её мужем был Баширов. Но он здесь не жил, здесь она уже жила одна, после развода с ним. А до этого она жила на Водников, там, где была церковь. Я помню эту церковь, мимо которой мы ходили к бабушкиной подруге.

Сначала мы жили в доме, который выходит на улицу. Я хоть и была маленькой, но прекрасно помню это наше житьё. Какходишь с улицы в дом, так на первом этаже, справа, жили Миркины. Одно окно у них выходило на улицу, а другое – во двор. Кажется, сама Миркина работала на железной дороге медиком. А в отдельной комнатке в их квартире жил какой-то их родственник, уже старенький, дед. Комнатка была совсем маленькая: топчан, тумбочка – и всё.

А наша квартира была слева. Но сначала нужно было пройти мимо Орловых, у них одно окно тоже выходило на Фрунзе, а другое – во двор. Потом – мы. У нас было одно окно и выходило оно на польский костёл. Комната – восемь метров. Комод, железная кровать, диванчик – это вся обстановка. Когда-то ещё была печка, топили дровами, но потом провели отопление, и печку сломали. Когда проводили отопление? Году, мне кажется, в 63-м, – я была ещё совсем маленькая.

Рядом с нами жили Дрынкины – дядя Петя и тётя Сима, их окно выходило на чёрный двор. Потом – кухня. Потом общая кухня, большая-большая, плита, на которой готовили все по очереди, чёрный ход, туалет... Во двор можно было выйти через

чёрный ход. Это уже потом везде поставили заборы, а сначала-то их не было, и мы свободно ходили везде, как хотели. Особенно запомнилась из этого времени Пасха – это была вообще лафа! Запах стоял такой, что закачаешься! Все же пекли куличи, пироги какие-нибудь. Так, пока пройдёшь по всем соседям, похристосываешься со всеми – смотришь, уже и сыт. Вот такие чудеса в решете, которое тоже, кстати говоря, чаще всего приходилось одалживать у кого-нибудь из соседей.

Второй этаж в первом доме был детским садом. Что он собой представлял? Огромный зал и спальня. Кухня выходила во двор, туда же, где у нас был чёрный ход. Многих детей из этого детского сада мы знали, некоторые жили в домах неподалёку от нашего. А ещё хорошо знали всех поваров, и они нас – тоже. Ну, и угощали нас при случае то какой-нибудь плюшкой, то – чем-то ещё.

Половину двора тоже занимал детский садик. Эта часть была отгорожена сеткой, там стояли качели, песочница и беседка. Эта беседка мне очень хорошо запомнилась, и вот почему. Мимо нашего дома по улице проходили демонстрации, но выходить на улицу почему-то было нельзя, – сразу дадут подзатыльник, да ещё нажалуются взрослым. И вот мы забирались на эту беседку и оттуда смотрели на эти демонстрации.

А другая часть двора принадлежала жильцам. Во дворе стояли сараи, в которых люди хранили весь свой хлам, и туалеты. Ещё были погреба – люди квасили капусту, солили огурцы и хранили всё это в этих погребах. Вон там, где сейчас колодец, была водопроводная колонка. А вот здесь стояли скамеечки, и всё было засажено цветами, – очень красиво! Вот так возьмёшь кусок хлеба с маслом и ешь его тут с газировкой. Кажется, ничего лучше в жизни не ел! Вот где-то здесь, во дворе, я и стою на этой фотографии...

В глубине двора был проход на Чапаевскую. Ну, а здесь – костёл, польская церковь. Конечно, никакой церкви в моём детстве уже не было, и первый этаж занимал музей, но вот зато на втором этаже жили монахи. Это были мужчины, и у них даже было что-то вроде прихода. Как это было возможно? Ума не приложу, но я на этом втором этаже была и видела всё своими глазами! Это получилось так. Мы, дети, играли на заднем дворе и увидели, как монахи вынесли чистить монеты. Мы вызвались помочь им в этом деле, а они устроили нам за это экскурсию на второй этаж, где находились их кельи, и много нам во время этой экскурсии рассказали. Вот только все эти рассказы, увы, позабылись... За костёлом стоял дом (он и сейчас там стоит), где так же жили люди, многих мы знали и дружили с ними, а некоторые из них водили детей в «наш» детский садик.

Вообще, много было и таинственного и непонятого. Но всё это как-то между собой уживалось, и никого особо не травмировало. Например, рассказывали, что под первым домом был подвал, и в нём расстреливали белочехов. Или вот, например, во флигеле, в глубине двора, на первом этаже жила очень нестандартная семья, состоявшая из трёх человек. Это и сегодня не совсем рядовое явление, а тут – Советский союз, советская мораль. Но – как-то всё воспринималось очень спокойно.

В 73-м году мы с бабушкой переехали в другую квартиру, в доме, который стоял во дворе. Почему переехали? Потому что в этом доме освободилась комната в двадцать метров, где до этого жила одинокая женщина, а теперь её не стало. А у нас, как я уже рассказывала, была до этого восьмиметровая комнатка на двоих. Так я оказалась в доме, где когда-то жил А. Н. Толстой, а нашу прежнюю комнату тоже отдали кому-то из соседей, улучшив их жилищные условия.

Жили мы теперь на втором этаже, слева. Лестница здесь и сейчас та же самая... При входе всё было примерно так же, как и в первом доме: небольшой коридорчик, кухня, а дальше – двери, двери... Это – комнаты.

На первом этаже жила тётя Мотя, у неё было семь или восемь сыновей – и все погибли на войне. Вот тут жили Хрулины... Направо, где сейчас мемориальная квартира, – Боровы и Сидоровы. Я, кстати, недавно встретила Борю Сидорова, он работает в рекламе. Я помню и его, и его сестру, Таню... В седьмой квартире жили Елисеевы – Анна Евдокимовна с сыном Геннадием Ивановичем Кривошеевым. Я общаюсь с внучкой Анны Евдокимовны, мы и на новом месте соседствовали, пока они снова не переехали...

А ещё в этой же седьмой квартире жили мы и Филипповы, Антонина Петровна и её дочь Людмила, которая преподавала в институте культуры. А вот в этой маленькой комнатке – Вы говорили на экскурсии, что это вроде был летний кабинет матери Толстого? – жила такая Сухачёва-Дараева, она была психически нездоровым человеком и подолгу находилась в больнице. Комнатка её очень маленькая, и чаще всего она была заперта. Но иногда хозяйка этой комнатки возвращалась домой и сидела внизу на лавочке, такой я её и запомнила.

Ещё помню Хрулиных, Ларычевых... У Лырычевых была большая семья, вот это их окна... А на втором этаже жили Водкины. И вы знаете, здесь произошла очень любопытная история. Родная сестра моего мужа вышла замуж за человека, Володю, – я смотрю, откуда-то я его знаю? Спрашиваю: «А у Вас бабушка с дедушкой на Фрунзе не жили?..». Говорит: «Жили». И про наш дом мне рассказывает. Вот так мы и встретились. А он, Вова, чуть помладше меня, и поэтому я его не очень помню. Зато сестру его, с которой мы ровесницы, помню очень хорошо. Сама-

то я с 59-го года, училась в школе, а потом – в техникуме транспортного строительства, напротив филармонии...

То есть, в квартире под одним номером могли жить две, три семьи... «Квартиры» могли быть и однокомнатные, и двухкомнатные. А кухня и туалет везде были общие. Ещё холодильник был, где бельё сушили.

С этим бельём – смех и грех. Мемориальную доску на доме открыли ещё в шестидесятые годы, когда во всех домах жили люди. У всех большие семьи и крохотные зарплаты. И вот заходят во двор приезжие, с теплоходов, фотографируются возле этой доски, а здесь – трусы на бельевых верёвках, заплатка на заплатке. Как говорится, «флаги в гости к нам». Эх, и стыдили жильцов тогда начальники. Но – стыди не стыди, а трусы тоже где-то надо сушить.

В доме на Фрунзе мы жили до 78-го года. В семьдесят восьмом уехали... Уезжать всех уговаривали очень долго, соблазняли новыми большими квартирами с удобствами. Многие не соглашались, плакали, очень уж не хотелось уезжать, казалось – далеко. Да и дом был очень уютный, тёплый, с хорошей энергетикой. Все друг друга знали, жили, как родные. Мы уехали одними из первых, потом – Анна Евдокимовна. Поэтому нам и квартиры дали по соседству, на Владимирской. Туда, кстати, расселили многих бывших жильцов будущей музейной усадьбы.

Все вещи мы, дураки, повыкидывали. Стол был круглый, этажерка... Самовар – тульский, с печатями, достался бабушке в качестве приданого. Но в девяностые, когда не платили денег, продали и самовар. Остались одни воспоминания – с тех пор и на всю жизнь.

Дверь в позавчера

В сентябре 2021 года в музей зашла посетительница, живущая в Москве и приехавшая в Самару навестить родственников. Она рассказала, что лет сорок пять назад в одном из занимаемых сегодня музеем домов – том, который во дворе – жила её подруга Недда Фёдоровна Савельева, у которой она не раз бывала в гостях и поэтому в её памяти остались и сам музейный дом, и его жильцы, и обстановка. Когда, по просьбе посетительницы, сотрудники музея провели её в небольшой коридор в задней части дома, ведущий из сегодняшней литературной гостиной на улицу, гостя вспомнила, что в правой части этого коридора когда-то была дверь, через которую она и попадала в комнату подруги. «Была дверь, точно помню – была, и вот через эту-то дверь я и входила...».

А завершилась эта история уже в начале июля 2022 года, когда в музей пришла живущая ныне в Петербурге Надежда Николаевна Сергеева, рассказавшая, что ещё маленькой девочкой она жила в одном из нынешних музейных зданий. По нашей просьбе, вернувшись домой, в Петербург, она записала свои воспоминания о жизни в Куйбышеве пятидесятых, в маленькой квартирке на Фрунзе:

– Я жила в Самаре в 1953-56 гг. с бабушкой Анной Фёдоровной Хрулиной, матерью моего отца, и двумя тётками Галей и Надей. Где они работали, я уже не помню, но жили мы все очень бедно. Наша квартира № 14 была очень маленькой: сначала чулан, потом вход в комнату, в которой было метра три, не больше. А вот дальше, справа, находилась двенадцатиметровая комната, которая служила нам залом, и ещё одна, пятиметровая, комнатуха, которую, как мне помнится, постоянно сдавали работникам цирка (он размещался неподалёку, в Струковском

саду). Окна в нашей комнате выходили на костёл. Где-то году в 1955 в дом провели водопровод, – в памяти сохранилась картинка перерытого двора.

Напротив нас жила семья из четырёх человек, Логиновы, а в подвале – три женщины, одну из которых звали Ритой. Ещё, помню, рядом помещалась мастерская тёти Кати, которая шивала в ней коробки из картона. Посреди двора стоял туалет, никаких заборов не было. На заднем дворе жили лилипутики, к которым я зачем-то ходила. Вообще, повторюсь, нищета была ужасная, и как люди выживали – сегодня трудно понять. Хотя у соседей слева от нас было пианино, это мне тоже хорошо запомнилось. А вот на втором этаже жила тётя Таня, которая на Новый год всегда наряжалась Дедом Морозом и приглашала к себе в гости.

В 1956 году я уехала из Самары в Ленинград, где и проживаю до сегодняшнего дня. Знаю, что бабушка прожила в этом доме очень долго, а когда в доме готовилось открытие музея, её переселили. От тёток у меня были сёстры – Оля Пятунина и Недда Савельева, обе примерно 1958 года рождения. Но связь с ними у нас прервалась где-то в середине 1980-х.

Пожалуйста, это всё, что я могу сегодня вспомнить. Жаль, конечно, что та ваша гостья, которая когда-то бывала у Недды Фёдоровны, не оставила ни своего имени, ни адреса. Наверное, нам с ней вместе было бы о чём вспомнить...

Спящая красавица и все, все, все

А вот в ноябре 2021 года на пороге мемориального дома музея А. Н. Толстого вновь появился посетитель, которого интересовал совсем не граф и не писатель. На этот раз нашу гостью из прошлого звали Татьяной Ивановной Лушниковой (а до замужества – Гулиной). Она рассказала, что в детстве часто

приходила в гости к родственникам, жившим на первом этаже нынешнего мемориального дома. Услышав об этом, я предложил ей пройти в зал, которым открывается наша музейная экспозиция (он называется «Детство»), но, оказавшись в нём, она сразу сказала: «Нет, не здесь». Тогда мы прошли в соседний, «военный», зал, который она сразу узнала: «Да-да, вот это их комната, два окна на солнечную сторону».

Здесь она и рассказала всё, что вспомнила о том времени, когда в нынешнем экспозиционном пространстве жили брат её матери, а её дядя, Илья Андреевич Костляев, дядя Илюша, с женой тётей Мотей.

«Это его вторая жена, Матрёна Кондратьевна, она откуда-то из Сибири, была гораздо моложе его. Он, кажется, 1890 года рождения, ну а она, наверное, года с 1910-го. До пенсии оба работали на Станкозаводе, который и дал им эту комнату. Сам дядя Илюша тоже приехал в Самару из глубинки, но был, знаете, таким интеллигентным – в шляпе, как Горький, играл в Струковском саду в шахматы. Детей у них с тётей Мотей не было.

Сама комната, в которой они жили, была меньше нынешнего экспозиционного зала и заканчивалась примерно там, где сегодня висит вот этот ваш плакат, с одной стороны, и газета – с другой. Вот здесь и выступы в стенах на этом месте есть, видите? Это вот – граница их комнаты, вся площадь которой равнялась, наверное, метрам пятнадцати... Справа, если смотреть на окна, стоял шифоньер, потом – диван. Над диваном висела картина, на которой была изображена цветочная клумба, – может быть, это был наш Ботанический сад? Но точно я вам этого не скажу, не знаю. Дальше, у окна, стояла швейная машинка, а у противоположно стены – комод и кровать дяди Илюши. Комод был примерно такой же, как вон и у вас стоит возле лестницы, а над кроватью дяди Илюши тоже висела картина – «Охотники на

привале». Куда делись эти картины? Их вроде бы кто-то купил после того, как не стало хозяев комнаты. Но кто – это я не знаю.

В центре комнаты стоял стол, а над ним очень низко висела лампа, которую можно было подкручивать, даже сидя. На комодѣ стояли слоники, а на мебели лежали чистенькие салфетки и белые чехлы. Были, кажется, и книги, но какие – не знаю. Ещё помню несколько больших ракушек, но вот откуда они взялись – сказать не берусь, вроде бы дядя Илюша и тѣтя Мотя никуда далеко и не ездили.

Комната дяди граничила с общей кухней, в которой стояли столы и плиты. Эта кухня занимала всё пространство около нынешнего военного зала и часть самого этого зала. Дядин и тѣткин стол стоял сразу у стены.

Дальше, в маленьком переходе, был тѣмный туалет, очень убогий, как мне казалось (мы с родителями уже жили в «сталинке» на улице Мичурина, и я всё воспринимала в сравнении, разумеется). А дальше, наверное, находилась уже глухая стена, и я там никогда не бывала.

Ещё я помню, как мимо дома по улице Фрунзе шла демонстрация. Видимо, поэтому мои воспоминания об этом доме – праздничные. Помню, как на крыльце нынешнего костѣла мне подарили книжку-раскладушку «Спящая красавица», очень красивую и необычную.

Кажется, дяди не стало, когда они ещё жили в этом доме на Фрунзе. А тѣтке дали квартиру на Владимирской, а «общежитии», где у всех было отдельное жильѣ. Фотографий и документов их у меня нет, а на память осталась только маленькая вазочка. Я вообще надолго уезжала из Самары, мы жили на севере, поэтому судьба вещей и всего остального, что здесь было, мне не известна. Мой сын и внучка как-то раз заходили в ваш музей, а сама я

никогда здесь раньше не бывала, но когда проезжаю мимо, всегда вспоминаю прошлое и своё детство».

Дождь, который к счастью

В начале июня 2022 года музейные посетители встретили нас утром словами: «А у нас вчера снова наши жители были, целая семья. Вот, оставили Вам свой телефон, звоните...». Мы позвонили, но оказалось, что семья уже была в Оренбурге, а оттуда держала путь дальше – домой в Ростов-на-Дону. Тем не менее пару недель спустя мы списались с главой посетившей нас семьи Сергеем Владимировичем Мощенко, и он любезно согласился ответить на интересовавшие меня вопросы. И вот что он сообщил:

«В 1977-78 гг. я проходил обучение на военно-медицинском факультете при Куйбышевском медицинском институте. Сначала мы с женой снимали комнату на Чапаевской, но в начале 1978 года переехали на Фрунзе, в тот дом, который находится во дворе, и прожили в нём до июля этого же года. Жили мы вместе с семьёй моего сокурсника Александра Червоненко, а сдавала нам квартиру Анастасия Евдокимовна Елисеева, которая, кажется, жила у сына. На самом деле, это были две смежные комнаты, составлявшие одну – седьмую – квартиру, одна из которых – довольно большая. (Сегодня обе эти комнаты образуют один экспозиционный зал – «Детство» – М. П.) Вход в неё находился там же, где и теперь, слева от лестницы, из общей кухни с большой плитой в центре. Отсюда, из кухни, можно было попасть в другие квартиры тоже.

В большой комнате в нашей квартире стоял диван, на котором спали мой сослуживец с женой, а в центре комнаты находился большой стол, где мы все вместе обедали. В этой комнате было два окна и висели какие-то картины. Окна, кажется, выходили во

двор с разными строениями – сараями и прочим. Из большой комнаты был выход в маленькую комнатку справа, там и была наша спальня, в которой стояла кровать, небольшой столик и крохотная вешалка, – это и была вся наша обстановка. Комнатка была очень тёмная, с одним окном, на котором стояли цветы.

Особенно нам с женой памятен июнь 1978 года. И мы с однокурсником, курсанты военно-медицинского института, и наши жёны, тоже – будущие врачи, готовились к выпускным экзаменам. При этом моя жена была в это время беременной, а экзамены она сдавала в родильном доме, где 4 июня у нас родился сын, которого мы назвали Алексеем. Теперь мне кажется знаменательным, что в таком известном доме, связанном с именем Алексея Толстого, он получил это имя. Хотя, честно говоря, мы об этом совсем не думали, а имя это ему дала моя мама Алевтина Михайловна Мощенко. На выписку в родильный дом она приехала вместе с папой моей жены Василием Кузьмичом Коваленко, и, когда сына вынесли из роддома, пошёл очень сильный дождь. Помню, мама тогда сказала, что этот дождь – к счастью, так оно и получается...

И вот в этом году, спустя столько лет, сын предложил нам съездить на его родину, в Самару-Куйбышев. Говорит, потянуло, да и сыну своему решил показать, где он родился. Так мы приехали в Самару из Ростова-на-Дону на машине и пришли в тот самый дом, а тут, оказывается, музей.

Вот и всё, что я смог вспомнить с помощью супруги.

Ваш, Сергей Владимирович».

Цирк да и только

1 июля 2023 года музей посетил Александр Иванович Петров, рассказавший следующее:

– Я родился в 1952 году в том доме, где сегодня находится мемориальная квартира. Наша семья жила на втором этаже, но не в квартире Толстых, а напротив неё, ближе к костёлу. Сегодня это один из экспозиционных залов, а тогда, в пятидесятые годы, там, где сегодня находится всего лишь один зал музейной экспозиции, располагались три комнаты и жили несколько семей. Наша семья состояла из шести человек – моих родителей, бабушки, меня и ещё двух моих братьев, и все как-то ютились на этих квадратных метрах. Водопровод и канализация появились только в конце пятидесятых, а до этого всё было только на улице. Ещё помню, что в комнате рядом с нашей стояло пианино, на котором играла девочка, которую звали Тося.

Маму мою звали Таисия Ефимовна Дараева, она работала на телеграфе. Сохранились вот некоторые документы, её медаль за доблестный труд... Отец, Иван Степанович, работал в строительном институте агентом по снабжению, а потом кладовщиком. Мамина семья жила в этом доме ещё с двадцатых годов: её отец, а мой дед, которого я не застал, бабушка, мама (она 1922 года рождения), её старшая сестра, которая потом жила в Ульяновске, и двое или трое братьев, которые погибли на войне. Была где-то у нас фотография мамы в школьные годы, лет тринадцати или четырнадцати, во дворе, возле дерева. Сам я тоже пошёл в школу отсюда, из этого дома. Это было в 1959 году, учился в 72-й школе на углу Льва Толстого и Фрунзе. А в 61-м мы уехали на Самарскую – стало быть, мне было девять лет. Здесь-то мы в одной маленькой комнатке жили вшестером, а там отцу дали большую комнату, и мы туда переехали. Бабушка ещё год оставалась здесь, но потом мы забрали и её тоже. Что было потом? Потом я жил в Нижневартовске, прошёл путь от мастера до начальника управления. Братья мои тоже получили высшее

образование. Один из них был инженером-конструктором, 25 лет космосу отдал в конструкторском бюро на «Прогрессе»...

Из вещей, которые когда-то были у нас в этом доме, сохранился только стол 1903 года, который до недавнего времени находился у брата, теперь уже покойного, и мы подумывали о том, чтобы привезти его сюда, но сын этот стол забрал себе. Вот остались материны сумки, которыми она пользовалась и до, и после войны – ну там, в театр сходить, туда-сюда. Жалко было их выбросить, вроде память, вот и привезли вам.

Что я помню ещё? Помню некоторых соседей, двор... Вот, например, напротив нас, на втором этаже, жили Бугаевы, детей звали Лена и Боря. Мы с ними общались, играли. У них в комнате – там, где сейчас находится кабинет Бострома – стояло пианино, была кровать и письменный стол. Родители у них то ли преподавали где-то, то ли ещё что-то такое. Ещё помню Кривошеевых, Сальниковых... А вот там, за костёлом, стоит деревянный домик, там жили эстонцы. Все комнаты были забиты под завязку. Тут, во дворе, по вечерам народу было, как на демонстрации, не протолкнёшься: дети, взрослые... Дружно жили. Не было такого, как сейчас: живёшь и не знаешь, кто в соседней квартире живёт. Все общались. Дети играли в лапту или в волейбол. Вот здесь, где сейчас стоит беседка, были сараи, парники и погреб, в которых хранили картошку. Ещё во дворе была колонка, а на заднем дворе, где вон то дерево, зимой была горка, и мы с неё катались. Асфальта не было, его положили только в конце пятидесятых, а до этого двор был земляной. А в кирпичном здании в глубине двора летом жили циркачи из циркашапито. Им сдавали комнату хозяева комнаты, которые уезжали на всё лето на дачу. Вечерами клоуны иногда выходили во двор и развлекали детей – надевали свои колпаки и носы. Соседей из

домов, окна которых смотрят в наш двор, мы не знали, у них был свой двор, и к нам они не ходили.

Говорите, знали ли мы о Толстых? Нет, никто нам ничего о них не говорил. Да и кто мог тогда о них знать? Это уже потом, позже, после нашего переезда на Самарскую, здесь открыли мемориальную доску и жители всего двора узнали, что когда-то здесь жил Алексей Толстой.

Кошкин дом

В июле 2023 года в музей пришли посетители, от которых мы узнали, что их хороший знакомый, Александр Борисович Родкин, жил в одном из домов нынешней усадьбы вплоть до начала 1980-х и теперь тоже живёт в Самаре. Они же дали нам и его телефон, по которому мы связались и договорились о встрече. И вот Александр Борисович – гость нашего музея:

– Ну, это ещё как посмотреть, кто тут чей гость, – так начал Александр Борисович свой рассказ о годах, проведённых в одном из домов будущего музея, – и кто тут хозяин – это тоже большой вопрос! Дело в том, что наша семья прожила в этом вот доме, фасад которого выходит на улицу, даже не годы, а многие десятилетия. Приехав в Самару, мои прабабушка и прадедушка имели дело с так называемым Немецким домом, который был в Самаре ещё до революции. Прадедушка мой был представителем фирмы «Зингер», а прабабушка служила в букинистической фирме «Брокгауз и Ефрон», и вот через этот Немецкий дом они и купили этот особнячок у Бострома, в котором жили потом долгие годы. Поначалу, как рассказывали в нашей семье, у них было 27 комнат, а потом, уже во время войны, сначала забрали второй этаж, а потом и одно крыло на первом этаже. Поэтому после войны мои

родные жили уже только в одном крыле дома на первом этаже – если смотреть на дом, то это правое крыло.

С другой стороны, рядом с нами, жили Закржевские, это была такая семья с польскими корнями. А вот на втором этаже во время войны жили известные карикатуристы Кукрыниксы, у нас потом ещё долго стоял их диван. Такие, знаете, профессорские диваны, как в московских квартирах, с высокими спинками. В эвакуацию ведь везли целые эшелоны, переезжали очень обстоятельно, а потом, когда возвращались обратно, что-то оставалось в Куйбышеве, наверное.

Во время войны в этом доме жили мой дед Семён Михайлович Миркин, который был прекрасным врачом-нейрохирургом и хорошим музыкантом. Дедушка прекрасно играл на скрипке и сам тоже делал скрипки, которые многие ему заказывали скрипки. А моя бабушка, Галина Борисовна Миркина, была музыкантом и педагогом, учила детей игре на фортепиано во Дворце пионеров. У нас в квартире стоял большой рояль «Густав Бейкер». А так как дедушка и бабушка были людьми интеллигентными и музыкантами, то и существовали они тоже в музыкальной среде. Поэтому во время войны, когда в Куйбышев приехали многие эвакуированные, у нас бывали большие музыканты, которые собирались и проводили в нашей квартире музыкальные вечера. Бывал, например, Эмиль Гилельс, музыкант и дирижёр. Ещё был такой скрипач Зак и его молоденький ученик, в очках, полненький такой, будущий профессор Петров, знаменитый потом пианист, который преподавал в музыкальном училище Гнесиных. Они приходили к дедушке и бабушке, играли на этом рояле в четыре руки, играли на скрипках. Это были такие дружеские посиделки, но всегда с музыкальным сопровождением, в которых участвовал весь музыкальный бомонд города. Ещё не однажды заходил такой знаменитый академик Заславский, с

которым наша семья тоже подружилась во время войны, и потом ещё очень долго мы дружили и общались. Мы часто приезжали в Москву к его дочери Ирине Михайловне Заславской, она тоже была академиком, гостили у неё, ходили к Майе Плисецкой, Мироновой и Менакеру, ещё был старенький такой писатель, Каверин, с которым мы тоже встречались.

У нас дома хранилась целая коллекция скрипок, которые делал дедушка. Я, например, хорошо помню запах канифоли, которая применялась при их изготовлении. Помню я и ещё одну замечательную скрипку, Амати, которая была привезена из Москвы, но так потом и жила у нас. То ли дедушка купил её, то ли сделал кому-то какую-то услугу, кого-то спас, этого я не знаю. Дедушка был начальником Саратовского военного госпиталя и мог помочь кому-то сделать, например, бронь или что-то ещё. Скрипка эта лежала у нас долгие годы, и я хорошо помню большой чехол с бархатом и львиные головы, которые её украшали. Потом её продали и купили, кажется, ВАЗ-21. Тогда как раз появились первые машины с фиатовскими двигателями, синего цвета, и мне кажется, мы приобрели тогда, продав скрипку, такую машину.

Дедушка умер в 1976 году, а перед этим он долгое время был лежачим больным. Хоронили его с салютом, ведь он был главным врачом ПРИВО, а во время войны – личным врачом маршала Мерецкова. Когда его не стало, пришли служащие из гарнизона, и мы им, по настоянию бабушки, несколько памятных вещей: рояль, который стоял в нашей квартире, и ещё некоторые другие вещи. Был даже такой генеральский пистолет системы Коровина, «последний шанс», как его называли, – его мы тоже отдали.

Фамилия моих предков по маминой линии – Миркины, это такая распространённая еврейско-белорусская фамилия. Когда евреи с Украины, фамилия обычно заканчивается на «ич», а из

Белоруссии – на «ин». У меня и бабушка, и дедушка были Миркиными ещё до того, как они поженились. Семья наша, как я уже сказал, была врачебно-музыкальная. Моя мама пошла по пути дедушки и возглавляла потом санэпидстанцию Куйбышевской железной дороги, а её сестра пошла по пути бабушки, окончила консерваторию и была потом директором музыкального училища. К нам часто приходила в гости Нэточка, такая юная девочка, ставшая потом директором Художественного музея.

У нас был гостеприимный дом, а рядом жило много наших родственников. И к нам очень часто заходили по пути из филармонии, из театра. Раньше ведь всё было без звонка, просто идут мимо – зашли в гости. Приходила родня, собирали большие столы. Окна летом всегда были открыты. Мама моя была очень активная, долго возглавляла фонд почётных ветеранов. В телефонной её книге буква «П» начиналась так: «Путин Владимир Владимирович. Городской, домашний, сотовый». Её не стало в 2012 году.

Я родился в 1968 году, и, когда подрос, мы жили в квартире в пятом – бабушка, мама, отец и мы с братом, который чуть младше меня. Квартира была очень хорошей, уютной: летом прохладно, зимой тепло. Мне кажется, потолки были выше, потому что на стол ставили табуретку и едва дотягивались до лампочки. Вот здесь, под лестницей, у нас была кладовочка, а кухня находилась где-то дальше, ближе ко двору, выходя в который, мы попадали в небольшой палисадничек.

А на втором этаже в нашем же доме находился детский сад, в который я ходил. Просто выходил из нашей квартиры и поднимался по лестнице вверх. Детский сад занимал весь второй этаж. Хотя детский сад был вообще-то не очень большой, камерный, до сорока человек во всём саду. В нём было три группы, максимум четыре группы. Это же центр города, элитный

район, и дети тоже были приличные, из хороших семей. Директора, кажется, звали Тамарой Витальевной, а вот повара – Марьей Ивановной. Сейчас здесь многое поменялось, а когда-то вот тут был коридор, какие-то группы, советский туалетик. Перегородки с большими дверями, вот эти ручки я помню. Здесь мы и играли, и отдыхали во время тихого часа. Кухня была где-то дальше, ближе ко двору, и там же чёрный ход, куда завозили продукты. Кстати, звукоизоляция была прекрасная, и если наверху играли и бесились дети, внизу ничего не было слышно, это не как в наших квартирах сегодня. Гуляли мы рядом во дворе, где находились две площадки, большая и маленькая. Одна площадка принадлежала детсаду, а другая – дворовая, для местных. Это было очень удобно для родителей: когда мы гуляли на площадке, всегда были под их присмотром. Я ходил я в этот детский сад с двухлетнего возраста до шести лет, значит это были примерно с 1970-го по 1973-й годы.

Вообще же бегали мы, ребятня, конечно, везде. Рядом с нами, где костёл, находился так называемый польский двор, бегали мы и туда тоже. А во дворе дома Курлиных в кустах стояла ржавая пушка, зениточка. Естественно, не в рабочем состоянии. И мы все бегали играть с ней. И были такие легенды, что польский двор, костёл и дом Курлиной все соединены под землёй, но всё, конечно, враньё, и на самом деле нет ничего подобного. Что мы делали ещё? Например, за две-три копейки, когда были демонстрации и вот здесь, на повороте с Красноармейской, всё перегораживали, то мы за мороженое проводили желающих на площадь. Вот там за нашим двором была такая поросль, которую называли «лесок» и там же была карусель, и мы этими дворовыми тропками выводили жаждущих на Чапаевскую, к самой площади. Разумеется, говорили «наш двор», «тот двор». Там, на «том дворе», жил такой Сева Уланов, мой ровесник. Ещё я помню

старую филармонию. Помню, как её ломали, и мы бегали туда на раскопки. И, знаете, нашли такой деревянный ящик, а в нём дуэльные пистолеты! Наверное, они были не настоящие, но и их всё равно у нас отняли. Мы побежали хвастаться, и нам надавали пинков и отобрали их.

Наш дом, когда мы в нём жили, был совсем другим. Говорили, что его строили в своё время немцы – никакие не пленные, а просто немцы. Дом был очень красиво оштукатурен, а под штукатуркой были брёвна. Причём, брёвна интересной конфигурации – не кругляк, а как будто скважина от старинных внутренних замков. Эти брёвна стояли друг на друге, на деревянных клиньях, потом ещё были пакля, дранка, штукатурка и так далее. Поэтому когда обшивку дома стали убирать и зачем-то обшили его половыми досками, этого я не понял и потом лет тридцать обходил это место стороной, хотя и дом, и двор, я, конечно, прекрасно помню и буду помнить их всю жизнь. Помню, например, что здесь были тысячи голубей и много сов, которые летали и ухали ночами. В центре двора была колонка, а вот склон был немного более пологий.

Конечно, помню многих соседей. Скажем, в нашем же доме, но ближе ко двору, жили Ларичевы, и они же – Сальниковы. Это была большая семья. Кто-то из них был Сальников, а кто-то Ларичев. Сам Сальников, Вася, был прекрасный водитель, а жена его, Клава, такая базарная баба, диабетическая. Их сыновья, Женька и Вовка, были пьющие. Здесь вообще было много пьющих ребят, даже с высшим образованием. Был такой спившийся Юдин, который кандидат наук. Это была не то чтобы шпана, но какие-то потерявшиеся люди, и вот они в этом дворе часто сидели, разговаривали или просто молчали. Были такие Горожанкины, Кривошеевы, Хрулины... Бровик, поволжские немцы, жили на втором этаже в доме, который во дворе. Коробковы, Миша и Лена.

А ещё жил такой злоющий мужик, он был корреспондент какой-то газеты и вёл себя всегда очень вызывающе, говорил: «Я про вас напишу». И его все обходили стороной, потому что корреспондентов раньше боялись.

Ближе к задней части двора стоял общественный туалет, кирпичный. А вот там, на заднем дворе, был такой барак, сделанный из дранки, одноэтажный, и в нём жили Бобины, пьющие и ведущие соответствующий образ жизни, сестра и брат, Валя и Саша. А Настю Бобину этот Саша привёз откуда-то из лагерей. И вот когда они напивались, этот Саша Бобин с женой избивали Валю. Это у них было такое развлечение. А эта Валя сидела потом всегда возле дубочка, который рос у них возле окна, вся в синяках, и читала французские романы. И вот был такой случай: как-то меня положили в больницу удалять гланды, а когда я выписался, мне сказали, что эти Бобины выпили уксус, и двоих из них не стало. Осталась одна Настя, которая тронулась головой, и она ходила потом по двору и кормила тысячу кошек. Когда она была дома, дверь была припёрта на черенок лопаты, а когда её не было – на гвоздик. Форточка была в её жилище всегда была приоткрыта, и пахло оттуда просто жуть как. И вот как-то эта Настя вдруг пропала, перестала выходить из дома. Пришёл участковый и говорит мне: «Давай мы тебя, мальчик, в форточку кинем, а ты посмотри, что там». И меня закинули в форточку, и вот я увидел, что Настя эта умерла, а кошки... съели её. Я увидел её обглоданную, а на меня полезли эти помоечные кошки! Я с трудом пробрался к выходу, выдернул лопату и рассказал, что там открылось моим глазам.

А выселили нас в 1982-м. Тогда как раз строили Ленинский мемориал и ломали там частный сектор, и нас заодно тоже переселили на Коммунистическую к химчистке. Поэтому я начал учиться в 31-й школе, а заканчивал уже 12-ю. Нас, приезжавших

из Мичуринского микрорайона, узнавали потому, что мы всегда были в грязных сапогах, так как в этом микрорайоне не было асфальта и был глинозём. Мои отец с матерью развелись, и нам дали две квартиры в одном доме. Когда мы уезжали, я отвинтил несколько дверных ручек и отдал их товарищу, коллекционеру. Ещё, помню, под нашим домом был винный подвал, и там в погребе на деревянной лаге висел такой большой железный барельеф Сталина, который я потом подарил друзьям. Была у нас какая-то серебряная посуда, которую забрал брат. А вот советский массивный мельхиор остался – вилки с вензелями, ложки. Ещё сохранились фотографии бабушки и дедушки, семейные портреты и альбомы, хотя многое и растерялось во время переездов. Фотографий детского сада тоже никаких нет, так как нас в детском саду и не фотографировали. Но я и без фотографий помню всё так, как будто это было вчера.

Реконструкция усадьбы и открытие музея

В 1949 году в Куйбышеве произошло событие, положившее начало систематическому изучению биографии и творчества А. Н. Толстого его земляками: бывшим секретарём писателя и сотрудником ИМЛИ им. А. М. Горького Ю. А. Крестинским был найден семейный архив Бострома-Толстых, с начала 1920-х гг. находившийся в семье врача Я. С. Гуревича. Находка Крестинского, о которой написали центральные газеты¹⁵², привлекла внимание куйбышевцев к фигуре А. Н. Толстого, и в местной прессе впервые прозвучала фраза о том, что «цел дом, в котором Алексей Николаевич жил в Самаре в 1897-1901 гг.

¹⁵² См., например: Ценная находка. Литературное наследство А. Н. Толстого // Литературная газета. 1950. 11 января. № 4. С. 4.

(гор. Куйбышев, улица Фрунзе, 155)»¹⁵³. В продолжении 1950-х гг. куйбышевский музей М. Горького приобретал у Гуревичей те архивные материалы семьи писателя, которые не были отданы Ю. А. Крестинскому и оставались в Куйбышеве, что привело к ситуации, когда искусственным образом разрозненный семейный архив оказался примерно в равных долях сосредоточен в двух архивохранилищах – в отделе рукописей ИМЛИ в Москве и в фондах куйбышевского музея М. Горького. Для того, чтобы решить вопрос о взаимном обмене копиями документов и совместном изучении архива, весной 1959 года в Куйбышев приехали вдова А. Н. Толстого Л. И. Толстая и Ю. А. Крестинский, которые посетили толстовские места в Куйбышеве и побывали, в том числе, и в доме на улице Фрунзе, 155¹⁵⁴. В 1960 году в куйбышевском музее М. Горького впервые открылась выставка, посвящённая трём авторам, жизнь и творчество которых были связаны с нашим краем – Н. Г. Гарину-Михайловскому, А. Н. Толстому и А. С. Неверову¹⁵⁵, один из самых значительных разделов которой был посвящён самарскому периоду А. Н. Толстого¹⁵⁶; летом 1962 года гостем этой выставки стал сын писателя Д. А. Толстой, передавший в дар музею около двадцати различных документов, сохранившихся в семейном архиве.

¹⁵³ Лисецкий С. Алексей Толстой // Волжская коммуна. 1950. 9 апреля. С. 4.

¹⁵⁴ См. об этом: Лисецкий С. Письма А. Н. Толстого // Волжская коммуна. 1959. 3 апреля. № 78. С. 4; Станицина Е. Он будто рядом был, живой Толстой // Волжский комсомолец. 1959. 4 апреля. № 68. С. 4.

¹⁵⁵ Шаньков Ю. Гарин-Михайловский, Толстой, Неверов // Волжская коммуна. 1960. 19 июня. № 145. С. 4.

¹⁵⁶ Лимарова М. Выставка в литературном музее // Волжская коммуна. 1963. 11 января. № 9. С. 3.

Пожалуй, именно 1960-е гг. стали временем настоящего открытия А. Н. Толстого куйбышевцами-самарцами: в эти годы в куйбышевских газетах регулярно появлялись публикации о писателе и его связях с Самарой¹⁵⁷, увидела свет книга Ю. М. Окланского «Шумное захоlustье. Из жизни двух писателей»¹⁵⁸, написанная по результатам знакомства с той частью семейного архива, который поступил в фонды куйбышевского музея. В мае 1967 года на фасаде одного из домов по улице Фрунзе, 155, открылась мемориальная доска со следующим текстом: «В этом доме в годы учения в Самарском реальном училище (1899-1901 гг.) жил Алексей Николаевич Толстой – выдающийся русский советский писатель»¹⁵⁹.

Таким образом, в 1960-х гг. в городе и, в частности, в музее им. М. Горького развернулась планомерная работа, результатом которой в будущем станет открытие музея А. Н. Толстого. Оглядываясь назад и рассказывая о том, как создавался музей, директор Куйбышевского литературно-мемориального музея им. М. Горького М. П. Лимарова выделила несколько важных этапов создания мемориальной экспозиции, первый из которых, по её словам, относится к 1960-м гг., когда сотрудники музея им. М. Горького стали собирать материалы о всех писателях, так или иначе связанных с краем, особенно о писателях-земляках:

¹⁵⁷ Соболев А. Новое об Алексее Толстом // Волжская коммуна. 1963. 11 января. № 9. С. 3; Окланский Ю. Тайна старого ящика // Волжская коммуна. 1963. 29 ноября. С. 3; Он же. О «сопернике» прозаика А. Толстого и истории с «волшебным колечком» // Волжская коммуна. 1964. 6 сентября. № 210. С. 3; Он же. Целую жизнь спустя... // Волжская коммуна. 1965. 8 апреля. № 82. С. 3.

¹⁵⁸ Окланский Ю. Шумное захоlustье. Из жизни двух писателей. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1965.

¹⁵⁹ См.: Большому мастеру слова // Правда. 1967. 20 мая. № 140. С. 3; Здесь жил А. Н. Толстой // Волжская коммуна. 1967. 20 мая. № 117. С. 4.

«Началось и изучение мемориальных мест города Куйбышева и области, в частности, дома А. А. Бострома, отчима А. Н. Толстого»¹⁶⁰.

Осмотрев дом, где когда-то жила семья писателя, сотрудники музея выяснили, что «с архитектурной точки зрения, мемориальный дом неплохо сохранился: верхняя часть его снаружи ещё до революции была обшита строганой фигурной доской (сравнительно недавно во время ремонта нижние доски были сменены); оконные проёмы и слуховые окна отделаны резными наличниками и карнизами, причём некоторые из них совсем не повреждены; местами сохранился резной фриз на деревянных карнизах. К сожалению, от балкона остались только балки по фасадной стороне дома, – но деревянные балконы обычно в чём-то повторяли рисунок, обрамляющий окна. В мемориальной квартире все вновь появившиеся перегородки были сделаны не до потолка, поэтому рисунок потолочного фриза ни в одной из мемориальных комнат не был нарушен. Правда, появились новые двери, но старые дверные проёмы легко можно было найти при обследовании»¹⁶¹.

Далее начался второй этап, связанный с поисками людей, которые могли поделиться воспоминаниями о жизни семьи А. Н. Толстого в доме на Саратовской улице: был разыскан адрес А. А. Первяковой, которая описала дом и квартиру, а также назвала фамилии людей, у которых могла сохраниться мебель А. А. Бострома. В 1967 году А. А. Первякова стала гостьей Куйбышевского музея, «воссоздав по памяти интерьеры каждой из комнат с подробным описанием вещей, указала размеры оконных

¹⁶⁰ Лимарова М. П. Этапы создания мемориальной экспозиции // А. Н. Толстой. Новые материалы и исследования (Ранний А. Н. Толстой и его литературное окружение). М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 225.

¹⁶¹ Там же. С. 226.

переплёт, дверей, цвет фанеровки, обивки, рисунок и цвет обоев и т. д.»¹⁶². В ходе встреч и разговоров с ней «было зафиксировано, как выглядела планировка квартиры мемориального дома, какими были двор, остальные постройки на его территории»¹⁶³. При личном посещении дома А. А. Первякова вспомнила и некоторые дополнительные детали, которые не были упомянуты ею ранее: «...к дому от ворот вела густая сиреневая аллея; под окном комнаты А. Н. Толстого росла берёзка <...> Были два садика – для детей и для взрослых, в одном из них – беседка»¹⁶⁴. Кроме А. А. Первяковой воспоминаниями о доме А. А. Бострома поделились в эти же годы и другие очевидцы жизни усадьбы в разное время: М. Н. Егорова, товарищ А. Н. Толстого по реальному училищу Е. Ю. Ган, снимавшая когда-то квартиру в доме 155-б Е. Д. Квятковская, приезжавшая в Куйбышев вместе с А. Н. Толстым в 1936 году Л. И. Толстая и ещё некоторые другие. Время от времени, выступая по куйбышевскому телевидению, М. П. Лимарова и другие сотрудники музея рассказывали о своих поисках и находках, обращались за помощью к жителям города. В 1971 году в музее имени М. Горького открылся зал «А. Н. Толстой в Самарском Заволжье», где был создан мемориальный уголок из найденных к этому времени мебели и вещей семьи писателя.

Наконец, к середине 1970-х, когда начался третий и завершающий этап создания мемориальной экспозиции, в музее была создана значительная научная картотека, ставшая основой для работы над научными паспортами экспонатов будущего музея, и началась работа с художниками, вместе с которыми коллектив

¹⁶² Там же. С. 227.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же. С. 227-228.

музея разработал рекомендации для архитектурно-реставрационного задания и подготовил материалы для технической документации на капитальный ремонт и реконструкцию усадьбы. Приступив к изучению конструкции и фундамента дома, сотрудники музея обратились к архивным документам, которые могли помочь восстановить дом, квартиру и всю усадьбу с максимально возможной точностью, были найдены планы дома с обозначением печей и топок в них. Накануне отселения жильцов из мемориального дома музейщики обратились к ним с просьбой не снимать старую фурнитуру дверей и окон, и эта просьба была услышана – «жильцы не только не сняли ни одной ручки, шпингалета, но и в своих сараях добросовестно искали нужные для реконструкции мемориального дома вещи (крючки, ранее снятые двери, ручки к ним и т. д.). Все, кто жил в доме более пятидесяти лет, делились своими воспоминаниями о ремонте дома, об изменениях во дворе, о старом его покрытии, посадках»¹⁶⁵. С целью определения того, что представляла собой мемориальная квартира, была внимательно изучена семейная переписка А. А. Бострома и А. Л. Толстой, хозяйственные книги последней, нашедшиеся у Л. И. Толстой фотоснимки, сделанные юным А. Н. Толстым. Всё это вместе и сделало возможным то, о чём говорит М. П. Лимарова, завершившая свой обзор этапов реконструкции мемориальной экспозиции следующим образом: «Сделано многое, но далеко не всё; работа по воссозданию мемориального дома и всего усадебного участка продолжается. Каждый, кто придёт в этот дом, должен войти в мир большого писателя и интересного человека, представленный с достаточной степенью научной достоверности»¹⁶⁶.

¹⁶⁵ Там же. С. 231.

¹⁶⁶ Там же. С. 232.

А теперь несколько слов о том, что известно из других документов. В 1976 году М. П. Лимарова обратилась в областное управление культуры, а областное управление культуры – в исполком областного Совета депутатов трудящихся и в исполком Куйбышевского городского Совета депутатов трудящихся с письмом, в котором предлагалось вынести на рассмотрение вопрос об открытии в Куйбышеве музея А. Н. Толстого как филиала музея им. М. Горького. В письме подчёркивалось, что для создания и открытия нового музея подготовлена достаточная база, а именно – сохранились без изменений дом и квартира, где жили А. Н. Толстой и его родители, в музее имеется часть мемориальной мебели, принадлежавшей семье, а также в коллекции музея сосредоточен второй по величине и значению – после Москвы – архив семьи писателя и его собственный объёмом около одной тысячи единиц хранения, сотрудниками музея подобрана уникальная коллекция иллюстраций к произведениям А. Н. Толстого, поддерживаются тесные связи с родственниками писателя, которые примут непосредственное участие в создании музея. На основании выше сказанного управление культуры «считало целесообразным открытие музея в доме по улице Фрунзе, 155, с отселением из дома проживающих в нём двенадцати семей и проведением необходимого ремонта дома, сопровождающихся созданием двух комплексов – мемориального, с воссозданием обстановки комнат писателя, и экспозиционного, посвящённого жизни и творчеству А. Н. Толстого».

Рассмотрев это обращение, Куйбышевский облисполком на заседании 18 июня 1976 года принял решение № 415 «Об открытии в г. Куйбышеве литературно-мемориального музея А. Н. Толстого как филиала областного литературно-

мемориального музея в доме № 155-б по улице Фрунзе»¹⁶⁷. На основании этого решения исполком Куйбышевского горсовета постановил поручить конторе «Горжилпроект» составить техдокументацию на капитальный ремонт и реконструкцию жилого дома по улице Фрунзе 155-б под литературно-мемориальный музей А. Н. Толстого, просить облисполком выделить лимит и средства в сумме 85 тысяч рублей для строительства 600 квадратных метров жилой площади для переселения 15 семей из дома по улице Фрунзе 155-б, а горплану предусмотреть переселение указанных семей в 1977 году, предложить областному управлению культуры изыскать необходимые средства на капитальный ремонт и реконструкцию жилого дома № 155-б по улице Фрунзе под литературно-мемориальный музей А. Н. Толстого.

В июле 1978 года М. П. Лимарова обратилась к начальнику отдела культуры горисполкома В. А. Байдулину с просьбой помочь с первоочередным переселением жильцов тех квартир, стены и перекрытия которых будут вскрываться для проверки конструкций и изготовления технической документации на реставрацию и приспособление здания под музей. На этот раз речь шла о квартирах 4, 5, 7, 11 и 14 (квартиросъёмщики О. С. Перепечаева, М. К. Костляева, С. И. Горожанкина, А. Е. Елисеева, Е. И. Жирнова, П. И. Кузнецова, А. Ф. Хрулина). В продолжении нескольких следующих месяцев происходило отселение жильцов из будущего мемориального дома, а одновременно с этим создавался тематико-экспозиционный план будущего музея. Разумеется, создание тематико-экспозиционного

¹⁶⁷ См. об этом: Соболев А. Памяти известного писателя // Волжская коммуна. 1976. 24 июля. С. 4; Кондратов Э. Как рождаются музеи // Волжская коммуна. 1977. 23 июля. № 171. С. 3.

плана будущего музея потребовало значительного количества времени, в течение которого не однажды изменилась и концепция будущего музея в целом и – отдельных его частей и разделов. Свидетельства этого можно найти в многочисленных интервью и заметках, опубликованных в эти годы на страницах газет и информировавших горожан о том, как продвигается работа по созданию музея. Так, в интервью «Волжской заре» от ноября 1978 года М. П. Лимарова рассказала о том, что площадь квартиры Бостромов занимала около шестидесяти квадратных метров, где и будут восстановлены мемориальные комнаты, но о литературной экспозиции здесь речи пока не шло: «В остальной части помещения расположатся кабинеты для научных сотрудников, зал для торжественных мероприятий, связанных с юбилейными датами писателя, проведением различных литературных праздников, демонстрацией выставок иллюстраций к его произведениям»¹⁶⁸. В дальнейшем был составлен план такой экспозиции, рассмотренный на заседании в Государственном литературном музее г. Москвы 23 мая 1979 года. На представленный куйбышевцами план была получена положительная рецензия заведующего сектором Литературных музеев НИИ культуры Е. Г. Вансловой, на основании которой присутствующие на заседании высоко оценили проделанную работу и приняли решение «тематико-экспозиционный план и маршрут в целом одобрить».

К февралю 1979 года дом, расположенный на улице Фрунзе, 155-б, был полностью освобождён от жильцов, после чего ПСК «Горжилпроект» произвела вскрытие стен, пола, чердачных перекрытий и составила обмерные чертежи дома для составления

¹⁶⁸ Улицкая Р. Так начинается музей // Волжская заря. 1978. 29 ноября. С. 4.

плана реконструкции. Далее с помощью студентов педагогического института дом был очищен от мусора, оставленного бывшими жильцами («...жильцы, проживавшие в доме Бостромов, оставили после себя, к сожалению, весьма неприглядную картину. Груды мусора, забитые бумагами и стёклами подполы, ненужную старую мебель <...> Ребята за три часа работы полностью очистили дом от мусора. Работали дружно, чётко, весело. Из окон летели старые стулья, разбирались и выносились кровати, даже пол подмели во всех комнатах. Дом готов к реконструкции»¹⁶⁹).

Летом этого же года в Куйбышеве вновь побывала Л. И. Толстая, посетившая дом на улице Фрунзе. «Сейчас дом, где он жил и где разместится музей, освобождён и мне захотелось увидеть всё своими глазами, поклониться тем местам, о которых Алексей Николаевич говорил всегда с теплотой и любовью, – сказала он в интервью «Волжской коммуне». – Но главное, конечно, хотелось узнать, какая конкретная помощь нужна от меня первому в стране музею писателя. С большим волнением ходила я по комнатам дома, где прошла его юность. Дом в хорошем состоянии, правда, в нём теперь темновато: деревья так разрослись! Мне кажется, в доме этой семьи всегда было светло и радостно, такие это были удивительные люди. А вокруг дома раньше были заросли сирени»¹⁷⁰.

¹⁶⁹ Попова Н. Работали дружно // Молодой учитель. 1979. 27 апреля. № 14-15. С. 4. См. также: Зимин В. Музей писателя-земляка // Волжская заря. 1979. 1 мая. С. 3; Попова Н. Важное средство воспитания // Волжская коммуна. 1979. 18 мая. № 113. С. 3.

¹⁷⁰ В память о Толстом // Волжская коммуна. 1979. 3 июля. С. 4. См. также: Миронов Н. На родине писателя // Правда. 1979. 17 июля. С. 4; Толкач М. Создаётся музей А. Н. Толстого // Литературная Россия. 1979. 26 октября. С. 7.

15 мая 1980 года состоялось оперативное совещание горисполкома по вопросу реставрации дома № 155-б по улице Фрунзе, предназначенного для мемориального музея А. Н. Толстого. На совещании был принят ряд решений, среди которых поручение М. П. Лимаровой срочно связаться с Ленинградским комбинатом декоративно-оформительского искусства и вызвать художников-оформителей Д. Е. Катенина и В. П. Воробьёва с тем, «чтобы по приезде их в Куйбышев организовать производственное совещание с участием всех заинтересованных лиц, на котором уточнить все вопросы внутренней планировки, отделки и оборудования помещений, предусмотренных под музей». Кроме этого было решено в случае возникновения необходимости ознакомления с производством работ по реставрации аналогичных мемориальных объектов считать целесообразным командировать в одну из реставрационных мастерских в Москву представителей ПСК «Горжилпроект» и треста «Куйбышевремстрой». А три месяца спустя, в августе 1980-го, прибывший в Куйбышев из Ленинграда художник В. П. Воробьёв с представителями музея и главным инженером проекта ПСК «Горжилпроект» Л. В. Чекалиным осмотрели дом № 155-б по улице Фрунзе и составили протокол, содержащий указание необходимых ремонтно-восстановительных работ в указанном доме. Приведём этот протокол полностью как документ, отражающий весь объём того, что требовалось осуществить до открытия музея.

«Внешние работы. Восстановление старого булыжного покрытия во дворе, снятие асфальта. Снос тамбура, восстановление балкона. Восстановление резьбы по всему фасаду дома, смена обшивки.

Первый этаж.

Неэкспозиционная часть. Восстановление бывшего входа с остеклением входных дверей. Восстановление входной лестницы, перил. Убрать кладовку под лестницей. Прорубить дверь, аналогичную существующим дверям. Перестлать полы.

Вестибюль. Полная перепланировка вестибюльной группы с заменой всех столярных изделий (характер форточек правильный, но профили не соответствуют оригиналу). Перетирка потолка. Перестлать полы.

Зал «Детство А. Толстого»¹⁷¹. Разборка печи. Замена оконных блоков, перестилка пола. Перетирка потолка, снятие водопроводных, газовых труб, сантехнических приборов.

Зал «Советский Толстой»¹⁷² и лекционный зал¹⁷³. Общестроительный ремонт с восстановлением всех строительных конструкций.

Второй этаж.

Лестничная площадка. Заменить чердачную дверь. Реставрация двери и дверных фрамуг. Перестилка пола.

Зал «Толстой в Самаре»¹⁷⁴. Полная перепланировка зала. Замена оконных блоков. Замена пола. Перетирка потолка. Реставрация оставшихся дверей.

Зал «Творческий путь А. Толстого до 1917 года»¹⁷⁵. Полная перепланировка зала. Замена оконных блоков. Перестилка пола. Снятие газовой, водопроводной арматуры, сантехнических приборов.

¹⁷¹ Сегодня – зал «А. Н. Толстой в годы войны».

¹⁷² Сегодня – зал «А. Н. Толстой 1920-30-е гг.».

¹⁷³ Сегодня – Литературная гостиная.

¹⁷⁴ Сегодня – залы «Смена оптики» и «А. Н. Толстой в реальном училище».

¹⁷⁵ Сегодня – зал «Начало творчества».

Зал «Период эмиграции». Общестроительный ремонт с восстановлением всех строительных конструкций.

Мемориальная часть.

Прихожая. Реставрация дверей. Навеска несуществующих полотен дверей.

Гостиная. Разборка существующих перегородок. Сделать макет печи.

Кабинет Бострома. Замена оконных блоков. Макет печи.

Столовая. Перестилка пола. Снятие водопроводных и газовых труб, сантехнической арматуры. Замена дверей с фрамугой. При разборке полов сохранить старые плинтусы.

Комната Алёши. Замена оконных блоков. Макет печи. Перестилка пола. Восстановление дверного проёма с фрамугами.

Комната матери. Макет печи. Восстановление проёма алькова.

Общие примечания. Восстановить все карнизы с расчисткой по всем этажам».

В октябре 1980 года состоялось заседание исполкома Куйбышевского областного Совета народных депутатов, на котором рассматривались вопросы подготовки и проведения в области 100-летия со дня рождения А. Н. Толстого¹⁷⁶. На этом заседании было принято решение открыть в 1982 году в доме 155-б на улице Фрунзе, в бывшей квартире семьи писателя, дом-музей А. Н. Толстого, и в этих целях обязать проектно-сметную контору «Куйбышевжилпроект» не позднее 1 декабря 1980 года подготовить документацию на ремонтно-реставрационные работы дома-музея, обязать трест «Куйбышевремстрой» ускорить ремонт дома-музея, завершив его не позднее 1 июля 1981 года, обязать управление снабжения и сбыта облисполкома выделить

¹⁷⁶ См.: К юбилею Алексея Толстого // Волжская коммуна. 1980. 28 ноября. № 272. С. 4.

необходимое количество строительных материалов для ремонта дома-музея.

В составленной примерно тогда же докладной записке на имя областного управления культуры Б. И. Шаркунова директор Куйбышевского литературно-мемориального музея им. М. Горького М. П. Лимарова сообщала следующее: экспозиционный план создаваемого музея, рассмотренный и одобренный на расширенном заседании научно-методического совета Государственного литературного музея, в сентябре 1980 года был передан художникам Ленинградского комбината декоративно-оформительского искусства В. П. Воробьёву и Д. Е. Катенину, которым был отослан также весь переснятый экспозиционный материал; для мемориальной квартиры недостаёт ещё нескольких типологических вещей (самовар, столик под самовар, напольные часы, маленький чернильный прибор и т. д.), поиск которых продолжается в настоящее время; для экспозиции пока ещё требуются некоторые дореволюционные издания произведений А. Н. Толстого и его же произведения 1920-30-х гг., для приобретения которых установлены контакты с букинистическими магазинами Куйбышева и Москвы; для более правдивого отображения биографии писателя продолжается изучение документов в архивах Куйбышева, Москвы и Ленинграда; оформлен развёрнутый план экскурсии по будущему музею. Вместе с тем было отмечено, что документация на ремонт мемориального дома ещё не готова, так как, по утверждению «Горжилпроекта», речь в данном случае идёт не о ремонте, а о реставрации, и «Горжилпроект» не правомочен заниматься этим вопросом. В результате в октябре 1980 года Главное управление охраны, реставрации и пропаганды памятников выдало письменное разрешение управлению культуры Куйбышевского облисполкома на проведение ремонтных работ под постоянным контролем

управления культуры. После получения такого разрешения и расценок на реставрационные работы по наружной отделке дома «Горжилпроект» приступил к изготовлению документации, которую обязался закончить к июлю 1981 года. В заключение отмечалось, что проект оформления мемориальной квартиры и реставрации дома был утверждён на художественном совете Ленинградского декоративно-оформительского комбината и на оперативном совещании с участием главного художника города А. Ф. Темникова, а 12 августа 1980 года утверждён ГлавАПУ; проект оформления литературной экспозиции будет вынесен на рассмотрение в июне 1981 года в Ленинграде.

В течение двух лет, с осени 1980 года до осени 1982-го, в доме № 155-б по улице Фрунзе продолжалась подготовка к реставрации, а в январе 1982 года начались ремонтно-реставрационные работы, сопровождавшиеся оперативными совещаниями, заседаниями различных уровней и т. д. Не за горами был юбилей А. Н. Толстого: медленно, но верно куйбышевцы шли навстречу этому юбилею, твёрдо намереваясь открыть в юбилейные дни мемориальный дом для посетителей¹⁷⁷. Вместе с тем примерно за полгода до ожидаемого торжества исполком Куйбышевского горсовета вернулся к отложенному ранее вопросу о более полном восстановлении бывшей усадьбы семьи А. Н. Толстого, предложив отделу учёта и распределения жилой площади в течение третьего квартала 1982 года произвести переселение четырёх семей из дома 155-а и трёх семей из дома 155-в. С этой же целью проектно-сметной конторе «Горжилпроект» поручалось изготовить

¹⁷⁷ См.: Беляков Б. А. Н. Толстой: Жизнь в Самаре // Волжская заря. 1982. 23 января. С. 3; А. Н. Толстой: Жизнь в Самаре // Советская культура. 1982. 9 февраля. № 12. С. 4; Стрелкова З. О чём поведает старый дом... // Волжская коммуна. 1982. 14 февраля. С. 4; К юбилею А. Толстого // Волжская коммуна. 1982. 23 сентября. С. 3.

документацию на капитальный ремонт и реставрацию жилых домов «А» и «В» под литературно-мемориальный музей А. Н. Толстого, а Ленинскому райисполкому – произвести снос шести сараев и двух гаражей, принадлежащих гражданам, проживающим в домах 155-а и 155-в по улице Фрунзе. В ноябре 1982 года состоялось совещание горисполкома под председательством Т. Г. Сухобоковой, постановившее до конца 1982 года отселить семьи, проживающие в домах 155-а и 155-в; до 15 января 1983 года произвести техническое обследование строений, которые входили в усадьбу семьи писателя; в июле 1983 года выдать заказчику проектно-сметную документацию на ремонтно-строительные работы строений усадьбы; поручить М. П. Лимаровой через Московский лесостроительный комбинат проработать вопросы по разработке проектно-технической документации восстановления всех зелёных насаждений на территории бывшей усадьбы; поручить заказчику и ПСК «Горжилпроект» определить примерный список строительных материалов и стоимость ремонтно-реставрационных работ в домах 155-а и 155-в по улице Фрунзе; Ленинскому объединению «Продтовары» запретить производить всякие работы по реконструкции комнат дома 155-а (данное объединение будет переведено в дом № 72 по улице Льва Толстого в мае 1983 года), которые ранее занимал детский сад, а М. П. Лимаровой осуществлять контроль за сохранностью указанных домов.

В 12 часов дня 6 января во дворе дома 155-б по улице Фрунзе собрались почётные гости и журналисты куйбышевских изданий. Торжественный митинг открыл первый секретарь обкома КПСС Е. Ф. Муравьёв, который представил собравшимся делегацию Союза писателей СССР во главе с главным редактором «Литературной России» М. М. Колосовым, делегацию болгарских писателей, состоящую из поэта Жеко Христова и прозаика

Йордана Стоева, внука А. Н. Толстого – И. Н. Толстого. Далее на торжественном митинге выступили директор Центрального государственного литературного музея СССР Н. В. Шахалова, преподаватель школы № 127 города Куйбышева, заслуженный учитель школы РСФСР В. М. Присягина, заместитель ответственного секретаря Куйбышевской областной писательской организации Б. С. Соколов и другие. Когда все речи были произнесены, Е. Ф. Муравьев перерезал красную ленточку у входа в музей, и участники митинга прошли на первую экскурсию по экспозиции¹⁷⁸.

Но это был ещё далеко не финал большого и сложного пути восстановления усадьбы. Уже в феврале 1983 года в горисполкоме состоялось совещание, обязавшее ПСК «Горжилпроект» передать М. П. Лимаровой обмерные чертежи планов домов 155-а и 155-в, а последней – сделать заказ в Ленинградский художественно-производственный комбинат на изготовление интерьеров внутренних помещений домов. Кроме этого М. П. Лимаровой поручалось подготовить письмо-заказ в Московский лесостроительный институт на разработку проекта озеленения всей территории бывшей усадьбы с применением пород деревьев времени жизни семьи писателя и созданием цветников и газонов, а Ленинскому райисполкому и городскому производственному жилищно-ремонтному управлению – перенести туалет с территории двора дома-музея в связи с восстановлением усадьбы, принадлежавшей семье писателя.

В течение последующих десяти лет велись ремонтно-восстановительные работы на второй и третьей очередях музея – в

¹⁷⁸ См.: Праздник на волжской земле // Волжская коммуна. 1983. 7 января. С. 1; Памяти писателя-земляка // Волжская заря. 1983. 7 января. С. 1; Писателю-земляку // Волжский комсомолец. 1983. 7 января. С. 2.

домах 155-а и 155-в по улице Фрунзе: были произведены утепление и обшивка зданий вагонкой, смонтировано центральное отопление и установлена пожарно-охранная сигнализация, благоустроена дворовая территория, осуществлена переборка части бревенчатого сруба дома литер «А» по причине его заражённости домовым грибком и т. д. За это время не раз менялась концепция использования зданий, неоднократно проходили обсуждения будущих интерьеров с участием ленинградских художников, представителей областного управления культуры, ПСК «Горжилпроект», РСУ-2, треста «Куйбышевремстрой» и сотрудников музея¹⁷⁹. Не однажды возникали и нештатные ситуации, сильно затягивающие окончание ремонта. Так, первоначальным планам открытия дома литер «А», в котором планировалось развернуть экспозицию «А. Н. Толстой в наши дни», не суждено было сбыться: уже через несколько дней после окончания ремонта, который осуществлялся РСУ-2 треста «Куйбышевгоргражданстрой», появились глубокие трещины на потолках и стенах отремонтированного здания. В результате, здание было вновь законсервировано, а его открытие пришлось отложить на несколько лет¹⁸⁰. Другой проблемой, также затормозившей открытие отреставрированной усадьбы, стало отсутствие булыжника для благоустройства двора¹⁸¹.

Подчеркнём, что все работы по реставрации усадьбы, велись на высоком профессиональном уровне, а к их осуществлению привлекались специалисты высочайшего класса. В качестве

¹⁷⁹ См., например: Попова Р. Музей продолжает строиться // Волжская заря. 1987. 23 февраля. С. 4.

¹⁸⁰ См.: Денисова Ю. В гостях у Бострома // Волжская коммуна. 1994. 4 октября. С. 1.

¹⁸¹ См.: Розенбаум О. Булыжник преткновения // Волжский комсомолец. 1987. 26 сентября. С. 3.

примера сошлёмся на «Проект реконструкции насаждений музея-усадьбы А. Н. Толстого в городе Куйбышеве»¹⁸², выполненный парколесоустроительной экспедицией Центрального лесоустроительного предприятия Всесоюзного объединения «Леспроект». Изучив сохранившиеся документы и воспоминания, а также немногие сохранившиеся фотоснимки начала 1900-х гг., сотрудники экспедиции сумели нарисовать портрет усадьбы, восстановив местоположение и облик, в том числе, утраченных объектов, к числу которых принадлежат зелёные насаждения и т. п. Так, по фотоснимкам было установлено, что во дворе усадьбы имелся «садик для детей», в центре которого располагалась площадка, лишённая травяного покрова, вероятно, занятая небольшой песочницей. В левом, северо-западном углу площадки находилась клумба с цветами – астрами и однолетними георгинами, а с другой стороны площадки – цветник с петунией, виолой, лилейником и душистым горошком. Кроме «садика для детей» имелся также ещё один садик – для взрослых, который отделялся от детского колодцем с «коньковой» крышей. Кроме двух садигов на территории усадьбы имелись небольшие палисадники, огороженные штакетником, а также сарай, располагавшийся между двумя усадебными домами.

На наш взгляд, особый интерес в «Проекте реконструкции насаждений» принадлежит воспоминаниям старожилов, рассказавших о том, как выглядела усадьба в 1930-е гг. Так, некая Щеглова вспомнила о том, что в садиках, вдоль фасадов двух домов и в небольшом палисадничке возле двухэтажного кирпичного флигеля росла преимущественно сирень с белой и сиреневой окраской цветов. А вот её муж, Щеглов, рассказал о

¹⁸² Хранится в Самарском литературно-мемориальном музее им. М. Горького.

том, что в 1910-20-е гг. в садиках росла густая высокая трава (злаки), а большая часть деревьев и кустарников погибла в 1940-е годы при сооружении бомбоубежища, на месте которого в послевоенные годы была благоустроена детская площадка для детского сада.

В декабре 1992 года ушла из жизни М. П. Лимарова, которую сменил на посту директора А. Г. Романов. Именно ему и пришлось завершать ремонтные работы и открывать восстановленные музейные здания и полностью отреставрированную усадьбу¹⁸³. Это произошло только весной 1995 года, когда открыл свои двери дом, выходящий фасадом на улицу Фрунзе. «Может быть, вы обратили внимание, что у дома номер 155 по улице Фрунзе (по соседству с костёлом) появились фонари, стилизованные под старину? – писала газета «Волжская заря» в мае 1995-го. – Входим в тщательно отреставрированный дом <...> Стилизованные под старину люстры, стоят старые стулья, подставки под цветы такие же, как прежде. Мебели, впрочем, немного: это экспозиционные залы. Светлые, уютные, с хорошим освещением. В фондах музея, оказывается, есть прекрасная художественная коллекция: подлинники знаменитых иллюстраторов произведений писателя <...> Со стен смотрят зримые страницы прозы писателя. Но это только начало. Музей-усадьба планирует открыть ещё несколько залов. Зал Буратино, зал генеалогии, экспозицию «Толстой глазами детей». Намерены здесь рассказать и о судьбе произведений писателя в театре и кино. Разместится в новом

¹⁸³ От А. Г. Романова мы несколько раз слышали историю о том, как весной 1993 года он ездил в Москву на встречу с председателем правительства В. С. Черномырдиным, устроенную по инициативе Н. А. Толстого. Результатом этой встречи стало выделение целевого финансирования на окончание ремонтно-восстановительных работ в Музее-усадьбе.

старом доме и библиотека музея-усадьбы»¹⁸⁴. Дом литер «А» открылся выставкой «Рождение образа. Творчество А. Н. Толстого в книжной графике»¹⁸⁵.

Отдельно скажем несколько слов о двух людях, которые внесли наиболее существенный вклад в создание экспозиции Музея А. Н. Толстого. Речь идёт о художниках-оформителях Ленинградского комбината декоративно-оформительского искусства Д. Е. Катенине и В. П. Воробьёве, без труда которых музей, каким его увидели и полюбили за четыре десятилетия тысячи и тысячи посетителей, был бы совершенно другим.

Несколько лет назад Самару посетила вдова одного из художников – Лидия Васильевна Воробьёва, которая осмотрела экспозицию музея и, по просьбе сотрудника музея Л. А. Зеленской, вскоре своего возвращения домой, в Санкт-Петербург, прислала в музей письмо следующего содержания:

«Добрый день, Любовь Александровна! Мне бы очень хотелось помочь вам с информацией о работе моего мужа и Д. Е. Катенина над экспозицией музея, но, к сожалению, я не специалист в этой области и, возможно, не знаю каких-то деталей этой работы.

Мой муж, В. П. Воробьёв, и Д. Е. Катенин имели мастерскую на Тележной улице, и вся работа велась ими именно там. Насколько мне известно, Маргарита Павловна подключила их к работе уже на стадии разработки концепции нового музея, для

¹⁸⁴ Сохрина А. Всё о Толстом // Волжская заря. 1995. 5 мая. С. 3.

¹⁸⁵ См.: Денисова Ю. Музей-усадьба Алексея Толстого открывает вторые двери // Волжская коммуна. Суббота. 1995. Май. С. 4.

которого они создавали эскизы, вариантов которых было очень много. Для наглядности в мастерской был создан макет будущего музея, который менялся по мере появления идей и экспонатов. Конечно, художники много работали с произведениями А. Н. Толстого, изучали иллюстрации художников к его произведениям. Помню, что все идеи обсуждались очень бурно. Дмитрий Евгеньевич вообще был человеком очень эмоциональным и увлекающимся, не отставал от него и Владимир Петрович. Я очень хорошо помню, как они оба гордились созданными ими копиями документов, которые невозможно было отличить от подлинников.

Художники много работали в библиотеке Академии художеств, в библиотеке Художественно-промышленного училища им. В. И. Мухиной (сегодня это Санкт-Петербургская академия им. А. Л. Штиглица), собирали материалы по интерьерам соответствующей эпохи. С этой же целью они посещали музеи А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, музей-усадьбу И. Е. Репина в Пенатах, делали зарисовки и эскизы. Они оба были образованными людьми и прекрасно знали русскую классическую литературу, и это тоже помогало им в их работе.

Маргарита Павловна часто бывала в Ленинграде, останавливаясь у Толстых. Свои предложения и различные варианты эскизов художники всегда обсуждали и с ней, и с Толстыми. Самое активное участие в этих обсуждениях принимал Никита Алексеевич Толстой, однажды даже побывавший вместе с Маргаритой Павловной у нас в гостях.

Много дельных советов по организации и оформлению музея дала тётя Владимира Петровича Евгения Михайловна Афонасьева. В своё время она окончила живописный факультет Академии художеств и была членом правления Ленинградского отделения Союза художников СССР, много ездила по стране и принимала

аналогичные работы у разных художников, сама также активно занималась музейным делом и, в частности, оформляла экспозицию музея «История религии». Ещё будучи студентом, Володя постоянно участвовал в её работах.

Работая над экспозицией, художники стремились предельно точно воссоздать в мемориальной квартире обстановку рубежа веков. Им хотелось, чтобы посетители музея почувствовали атмосферу того времени, особенности быта и жизненного уклада, ощутили характер взаимоотношений в семье будущего писателя и погрузились бы в обстановку, в которой проходила его юность. Теперь, когда я посетила музей, могу сказать, что, по моему мнению, им это удалось.

Володя и Дима были одногодками, оба родились в 1932 году, а познакомились ещё в средней художественной школе при Академии художеств, где учились в одном классе. В 1958 году поступили на архитектурный факультет Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, который окончили в 1964 году. К поступлению в институт их готовила совершенно замечательная и очень образованная женщина – Мария Болиславовна Жуковская, племянница знаменитого художника С. Ю. Жуковского, очень мягкая и интеллигентная. Они всегда относились к ней с большим уважением и всю жизнь были очень благодарны ей. В Академии они учились у профессора и член-корреспондента Академии строительства и архитектуры СССР Е. А. Левинсона и у народного архитектора СССР, доктора архитектуры, член-корреспондента АХ СССР и академика СИА СССР И. И. Фомина, в те годы возглавлявшего кафедру архитектурного проектирования. После окончания вуза они оба получили распределение в Специальное художественно-конструкторское бюро Ленсовнархоза на должности художников-конструкторов.

К сожалению, я мало знаю о том, в каких проектных организациях работал Д. Е. Катенин до 1975 года после его ухода из СКБ Ленсовнархоза. Помню, что он перешёл в «Гипротест», участвовал в реконструкции и обновлении интерьера Театра музыкальной комедии. Что касается В. П. Воробьёва, то он с 1965 по 1975 гг. работал в Ленпроекте на должности руководителя группы в мастерской И. Н. Кускова и в мастерской А. В. Жука. Работая в мастерской И. Н. Кускова, он участвовал в реконструкции Ленинградского высшего инженерно-морского училища имени адмирала С. О. Макарова и, в частности, в проектировании здания общежития и спортивного комплекса, а также занимался прорисовкой фасадов жилых зданий 137-й серии. А под руководством А. В. Жука он создавал рабочие чертежи интерьеров киноконцертного зала «Октябрьский» и эскизы интерьеров банкетного зала и музыкального салона Дома приёмов на берегу у Малой Невки на Каменном острове (дача Ленгорисполкома «К-2»), а также участвовал в проектировании Ленинградского аэровокзала «Пулково-1», который был введён в действие в 1973 году.

В 1974 году оба художника были приняты в Союз архитекторов СССР и в 1975-м перешли на работу в Комбинат живописно-оформительского искусства Ленинградского отделения Союза художников РСФСР. В 1980-е годы мой муж и Дмитрий Евгеньевич работали над проектированием и интерьерами Музея хлеба, который был основан в 1988 году и успешно функционирует по сей день. Основателем и первым директором этого музея был М. И. Глазмицкий, очень интересный и интеллигентный человек, который стал большим другом обоих. С большим энтузиазмом художники работали и над экспозицией музея завода «Красный треугольник», в котором были собраны уникальные материалы по истории завода с момента его открытия

в 1860 году, касавшиеся не только организации и технологии производства, но и особенностей быта, сферы социальных услуг работников и т. д. К сожалению, судьба этого предприятия оказалась печальной: в начале 2000 года завод обанкротился, и сегодня это огромная заброшенная территория в центре города; судьба музея предприятия мне неизвестна.

Ещё знаю, что в 1990-е гг. Владимир Петрович и Дмитрий Евгеньевич работали над интерьерами и экспозицией краеведческого музея в Чите, но эта работа осталась неоконченной, так как прекратилось финансирование. Кроме этого в середине 1990-х мой муж участвовал в проектно-восстановительных работах в музее-заповеднике Н. А. Римского-Корсакова в Вечеше и мемориальных комнат в Любенске, успел побывать на их открытии. Дмитрий Евгеньевич с 1992 года уже не работал.

В заключение скажу ещё несколько слов о родителях и семьях художников.

Д. Е. Катенин родился 14 января 1932 года. Его отец Евгений Александрович Катенин преподавал английский и латинский языки, работал в различных вузах Ленинграда. Мать Зоя Николаевна Смирнова была доктором биологических наук и почётным членом целого ряда зарубежных биологических обществ. Катенины – древний дворянский род Чухломского уезда Костромской губернии, первые сведения о владениях которого в Костромском крае относятся к середине пятнадцатого века. Представители этого рода служили на государственной службе, были воеводами, стряпчими, стольниками, военными, были среди них губернаторы и литературные деятели. Среди последних наибольшую известность приобрёл П. А. Катенин (1792-1853), офицер, поэт, драматург, переводчик и театральный деятель, увековеченный А. С. Пушкиным в «Евгении Онегине».

В. П. Воробьёв родился 5 сентября 1932 года. Его родители, Пётр Михайлович Воробьёв и Валентина Михайловна Афонасьева, были биологами по образованию, работали во Всесоюзном институте растениеводства и преподавали в сельскохозяйственном техникуме, они умерли во время блокады. Сам Владимир Петрович всю блокаду находился в Ленинграде и в течение первой блокадной зимы, будучи девятилетним, потерял и родителей, и бабушку. Воспитывала его тётя, Евгения Михайловна Афонасьева.

Что сказать ещё? Скажу, что мы жили, а я и сегодня живу в доме и квартире прадеда моего мужа по матери – Андрея Кузьмича Седова. Прадед и прабабушка мужа были родом из города Галича Костромской губернии. Сохранилась выписка из метрических книг Троицкой церкви Галичского уезда о венчании государственного крестьянина Андрея Кузьмича Седова и государственной же крестьянки деревни Болотова девицы Афонасии Фёдоровой от 28 января 1862 года. В последующем Андрей Кузьмич работал в строительных бригадах Санкт-Петербурга, постепенно завёл своё строительное дело и вёл строительные работы по военному ведомству, министерству внутренних дел, ведомству учреждений императрицы Марии и по духовному ведомству. За свои труды он был награждён орденами Святой Анны и Святого Станислава II и III степеней, а также имел золотые медали на Станиславской, Александровской и Владимирской лентах для ношения на шее. В 1890-1914 гг. он выполнял обязанности старосты церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Большой Коломне в Санкт-Петербурге и имел звание потомственного почётного гражданина Санкт-Петербурга, о чём написано в книге «Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, что в Большой Коломне», увидевшей свет в 1912 году. Увы, церковь закрыли в 1932 году и потом разрушили, а ордена и

медали прадеда, так же, как и его парадный портрет, не сохранились.

Мой муж был награждён знаком «Житель блокадного Ленинграда» и медалями к 30-летию и 40-летию Победы в Великой Отечественной войне. За разработку проекта оформления литературно-мемориального музея А. Н. Толстого в Куйбышеве и он, и Д. Е. Катенин были награждены почётными грамотами управления культуры Куйбышевского облисполкома, а их работа над этим проектом была отмечена в журнале «Декоративное искусство СССР»¹⁸⁶.

Буду рада, если сведения, которые я Вам высылаю, пригодятся вам».

В середине 1990-х гг. полностью отреставрированная усадьба на улице Фрунзе, 155, открыла свои двери для посетителей. Отныне впереди была большая и интересная история музея, которая будет разворачиваться в тех же самых стенах, где жили домовладельцы и их квартиранты, дворяне и чиновники, семьи рабочих и служащих, богатые и бедные, счастливые и несчастные. Есть ли в этом какая-то уникальность и исключительность той усадьбы, о которой идёт речь? Пожалуй, что нет. Многие дома и усадьбы в старой Самаре могли бы поведать массу историй, аналогичных нашим. Могли бы многие, но – ведает та, которой выпало не просто связать между собой разные судьбы и события, но и запомнить эти имена и лица, факты и биографии. Для этого и существуют музеи, сохраняющие память о прошлом и преобразующие разрозненные события в смыслы, – те самые места, «где события светятся, где они становятся явлениями» (В. В. Бибихин).

¹⁸⁶ Габриэль Г. Что нового у ленинградских художников экспозиции // Декоративное искусство СССР. 1985. № 9 (334). С. 13-16.

Контрольные вопросы для самопроверки

1. К какому времени относятся первые сведения о дворовом месте, занимаемом сегодняшним Музеем-усадьбой А. Н. Толстого?

2. Когда на принадлежащем отставному гвардии штабс-капитану А. И. Вернеру дворовом месте в 73-м квартале 2-й части города Самары появилась городская усадьба, где сегодня размещается Музей-усадьба А. Н. Толстого?

3. Сохранились ли какие-либо сведения о самом первом домовладельце – А. И. Вернере?

4. Имена кого из квартиросъёмщиков А. И. Вернера остались в истории Самары и в литературе?

5. Кому принадлежали усадьбы, окружавшие усадьбу А. И. Вернера?

6. Когда владельцем усадьбы, ранее принадлежавшей А. И. Вернеру, стал А. А. Бостром?

7. Каким вопросам были посвящены домашние новости, которыми делился в письмах жене, А. Л. Толстой, А. А. Бостром в 1900-х гг.?

8. Кому принадлежат воспоминания, в которых описывается жизнь А. А. Бострома в квартире на Саратовской улице?

9. Какой ещё будущий литератор, кроме А. Н. Толстого, жил в нынешней мемориальной квартире музея А. Н. Толстого во второй половине 1900-х гг.? В связи с чем он в ней поселился?

10. Когда и почему была национализирована усадьба А. А. Бострома?

11. Известно ли что-то о приездах А. Н. Толстого в Самару-Куйбышев в советское время? Бывал ли он в эти годы в усадьбе, когда-то принадлежавшей его отчиму?

12. Кто из самарских художников родился и жил в детстве в одном из домов, некогда принадлежавших А. А. Бострому?

13. Какие свидетельства коммунальной жизни будущей музейной усадьбы нашлись на чердаке мемориального дома в середине 2010-х гг.?

14. Какие из «коммунальных» историй музейной усадьбы вам больше всего запомнились и почему?

15. Когда и у кого в Куйбышеве был найден семейный архив родителей А. Н. Толстого?

16. Чьи воспоминания помогли восстановить мемориальную квартиру в том виде, который она имела в начале XX века?

17. Когда были освобождены от жильцов дома, входящие сегодня в музей-усадьбу А. Н. Толстого?

18. Как звали создателя и первого директора музея-усадьбы?

19. Как звали ленинградских художников, создававших интерьеры и экспозицию музея А. Н. Толстого?

20. Когда состоялось открытие музея А. Н. Толстого? К какой юбилейной дате оно было приурочено?

**Литература о Музее-усадьбе А. Н. Толстого в Самаре
(1950 – 1983)**

1950

Ценная находка. Литературное наследство А. Н. Толстого // Литературная газета. 11 января. № 4. С. 4.

Лисецкий С. Алексей Толстой // Волжская коммуна. 9 апреля. С. 3.

1959

Лисецкий С. Письма А. Н. Толстого // Волжская коммуна. 3 апреля. № 78. С. 4.

Станицина Е. он будто рядом был, живой Толстой // Волжский комсомолец. 4 апреля. № 68. С. 4.

1960

Шаньков Ю. Гарин-Михайловский, Толстой, Неверов... Новая экспозиция в музее А. М. Горького // Волжская коммуна. 19 июня. № 145. С. 4.

1963

Лимарова М. Выставка в литературном музее // Волжская коммуна. 11 января. № 9. С. 4.

Соболев А. Новое об Алексее Толстом // Волжская коммуна. 11 января. № 9. С. 4.

Оклянский Ю. Тайна старого ящика // Волжская коммуна. 29 ноября. С. 3.

1964

Оклянский Ю. О «сопернике» прозаика А. Толстого и истории с «волшебным колечком» // Волжская коммуна. 6 сентября. С. 3.

1965

Оклянский Ю. Целую жизнь спустя... // Волжская коммуна. 8 апреля. № 82. С. 3.

1966

Поиски и находки. Интервью с М. П. Лимаровой // Водный транспорт. 23 июля. № 87. С. 4.

1967

Здесь жил А. Н. Толстой // Волжская коммуна. 20 мая. № 117. С. 4.
Кузменко С. Большому мастеру слова // Правда. 20 мая. № 140. С. 4.

Соловьёва Л. Новая экспозиция в литературном музее // Волжская коммуна. 25 июля. № 172. С. 4.

1973

Голубков С. Родные сердцу места. К 90-летию со дня рождения А. Н. Толстого // Волжская коммуна. 10 января. № 8. С. 3.

Кудров А. Новинка – в музее А. М. Горького // Волжская заря. 16 июля. С. 4.

1974

Дорофеева О. Художник воссоздаёт прошлое // Волжская заря. 21 декабря. С. 3.

1975

Алёхин А. О писателе-земляке // Волжская заря. 24 июля. С. 4.

1976

Соболев А. Памяти известного писателя // Волжская коммуна. 24 июля. С. 4.

1977

Кондратов Э. Как рождаются музеи // Волжская коммуна. 23 июля. № 171. С. 3.

1978

Улицкая Р. Так начинается музей // Волжская заря. 1978. 29 ноября. С. 4.

1979

Попова Н. Работали дружно // Молодой учитель. 27 апреля. С. 4.

Зимин В. Музей писателя-земляка // Волжская заря. 1 мая. С. 3.

Попова Н. Важное средство воспитания // Волжская коммуна. 18 мая. № 113. С. 3.

В память о Толстом // Волжская коммуна. 3 июля. С. 4.

Мионов Н. На родине писателя // Правда. 11 июля. С. 4.

Толкач М. Создаётся музей А. Н. Толстого // Литературная Россия. 26 октября. С. 7.

<Без названия> // Волжская заря. 29 декабря. № 299. С. 4.

1980

К юбилею Алексея Толстого // Волжская коммуна. 28 ноября. № 272. С. 4.

1981

Елтуков М. Шлите Буратино почтой // Труд. 5 мая. С. 4.

Сибирячек Ю. Интересная находка // Волжская коммуна. 27 декабря. С. 4.

1982

Юрьев О. К юбилею Алексея Толстого // Волжская заря. 8 января. № 6. С. 3.

Беляков Б. А. Н. Толстой: жизнь в Самаре // Волжская заря. 23 января. № 19. С. 3.

Беляков Б. А. Н. Толстой: жизнь в Самаре // Советская культура. 9 февраля. № 12. С. 4.

Стрелкова З. О чём поведает старый дом... // Волжская коммуна. 14 февраля. С. 3.

Ртищева Т., Пичугин В. А. Н. Толстой и Самара // Ленинский луч (Нефтегорск). 22, 26, 29 июня. № 73, 75, 76.

Зайцев И. Встреча с книголюбями // Волжская заря. 24 июля. С. 4.

Борисов Ю. Рассказ о будущем музее // Волжская заря. 1 ноября. С. 4.

Князев В. Писателю от земляков. К открытию дома-музея А. Н. Толстого // Волжская заря. 1982. 31 декабря. № 299. С. 3.

1983

Митинг строителей // Волжская заря. 5 января. С. 4.

Памяти писателя-земляка // Волжская заря. 7 января. С. 1.

Праздник на волжской земле // Волжская коммуна. 7 января. С. 1.

Писателю-земляку // Волжский комсомолец. 7 января. С. 2.

Кондратов Э. Дом-музей А. Н. Толстого // Известия. 11 января. С. 4.

Учебное издание

Перепелкин Михаил Анатольевич

ОЗНАКОМИТЕЛЬНАЯ (АРХИВНО-МУЗЕЙНАЯ) ПРАКТИКА

Учебное пособие

Редакционно-издательская обработка
издательства Самарского университета

Подписано в печать 13.11.2023. Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Печ. л. 9,0.

Тираж 27 экз. Заказ № . Арт. – 9(Р2УП)/2023.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)
443086, САМАРА, МОСКОВСКОЕ ШОССЕ, 34.

Издательство Самарского университета.
443086, Самара, Московское шоссе, 34.